

РУССКАЯ МЫСЛЬ

LA PENSEE RUSSE

№158/11–12 (5029)
Ноябрь–декабрь 2023

На русском
и английском языках

Журнал основан
в 1880 году
www.RussianMind.com

Федор
ТЮТЧЕВ

«О, вещая душа моя!..»

9 770757 223144

4 191898 005508

UK £4.00
Germany, Austria, Italy,
Luxembourg, Portugal, Estonia ...€5.50
Belgium, Greece €5.50
France, Spain €5.60
Switzerland 5.60 CHF
Hungary 2290 HUF
Poland 26.90 PLN

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ «РУССКАЯ МЫСЛЬ» НА 12 МЕСЯЦЕВ

На территории Великобритании – 65 GBP **ГОДОВАЯ**
По странам Евросоюза – 70 EUR **электронная подписка –**
Остальные страны – 88 EUR **30 EUR**

ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОДПИСКИ ВЫ МОЖЕТЕ:

1. Оплатить подписку на сайте журнала
«Русская мысль»:
russianmind.com/payment/
2. Оплата через
платформу
Isubscribe:

ВАЖНО:

После осуществления оплаты Вам нужно отправить подтверждение оплаты и Ваш домашний адрес на электронную почту subscription@russianmind.com с пометкой «Подписка»

СЛОВО РЕДАКТОРА

«ТО ДРЕВНИЙ ГЛАС, ТО СВЫШЕ ГЛАС...»

...На лавке в скверике у дворца спорта в Булонь-Бийанкур, что под Парижем, где я обычно выгуливал моего пуделька Артошу, сидел заросший многодневной щетиной пожилой человек в очках. У его ног в стоптанных кроссовках лежали на земле две пузатые клетчатые сумки, видимо, со всем его нехитрым скарбом. Там же стояла пластиковая фляга с дешевым красным вином. Ясное дело: бомж, или по-французски – клошар.

Я прошел мимо этого странника поневоле и не мог не остановить взгляда на книге, которую он бережно держал: «Война и мир». Бродяга, скиталец, шатун – и вдруг бессмертный толстовский роман! Правда, в непрезентабельной версии «покет-бук», но все равно: «Война и мир» в руках не записного интеллектуала с бульвара Сен-Жермен, а побитого жизнью босяка... Я пригляделся – издание не было адаптированным по примеру когда-то виденной мной «Анны Карениной» в бразильском исполнении. Темпераментные латиноамериканцы сократили роман Льва Толстого и переименовали его в «Женщину, которая слишком много любила».

Бездомный любитель литературы заметил мой интерес и улыбнулся: «Любите книги?... А эту читали?» – «Еще в школе. И перечитываю до сих пор...» – «Надо же! Вы, вижу, иностранец... А у нас во Франции люди выбрасывают книги. Толстого я подобрал на помойке».

Негоже мне было разочаровывать моего собеседника, и я не стал ему говорить, что не так давно в Москве видел собрание сочинений Федора

Достоевского, лежащее у мусорных баков. Мне, вообще, этот человек откровенно понравился. Не знаю, ни его имени, ни кем он был в «прежней жизни». Но само явление более чем заурядного француза, читающего на улице Толстого, было достойно уважения, даже восхищения. То же самое я мог бы сказать и про сегодняшнего россиянина, немца, британца – только бы он читал классику...

С другой стороны – крошечная дикость, конечно. Это я про мою реакцию. Подумать только: меня удивил сам факт интереса современника к классическому роману! Или я сам уже незаметно для себя превратился в анахронизм? В артефакт, вроде когтя птеродактиля в зоологическом музее?..

Так или иначе вне зависимости от нас, грешных, великая литература все равно жива. В доказательство сему – этот номер «Русской мысли», в значительной степени посвященный большим русским писателям и их творчеству. Тем паче что само время подсказывает нам так поступать. Ведь в ноябре исполняется 205 лет со дня рождения Ивана Сергеевича Тургенева, а в декабре – 220 лет со дня рождения Федора Ивановича Тютчева. Подборка материалов о нем – главная тема номера. Продолжим мы, как всегда, и публикацию произведений современных российских авторов. Эстафета русской литературы – традиция вековая, она продолжается и не может быть прервана никогда. «То древний глас, то свыше глас», как писал Тютчев.

Кирилл Привалов

РУССКАЯ МЫСЛЬ
№158/11–12(5029)
НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ 2023

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Анатолий Адамшин
Митрополит Антоний
Ренэ Герра
Александр Трубецкой
Дмитрий Шаховской
Петр Шереметев
Сергей Ястржембский

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Кирилл Привалов
kp@russianmind.com

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Карина Энфендзян
karina@russianmind.com

РЕДАКТОР ОТДЕЛА ПОЛИТИКИ
Вячеслав Катамидзе

ДИРЕКТОР ПО РАЗВИТИЮ
Александр Машкин
am@russianmind.com

КРЕАТИВНЫЙ ПРОДЮСЕР
Василий Григорьев
cp@russianmind.com

ДИЗАЙН
Роман Малофеев
design@russianmind.com

ПЕРЕВОДЧИКИ
Лилия Сергеева, Дмитрий Лапа

ПО ВОПРОСАМ
РАЗМЕЩЕНИЯ РЕКЛАМЫ:
sales@russianmind.com

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
distribution@russianmind.com

ПОДПИСКА:
subscription@russianmind.com

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
47 avenue Hoche, 75008, Paris, France

ОБЛОЖКА:
Ф. И. Тютчев. Портрет работы
С. Ф. Александровского. 1876

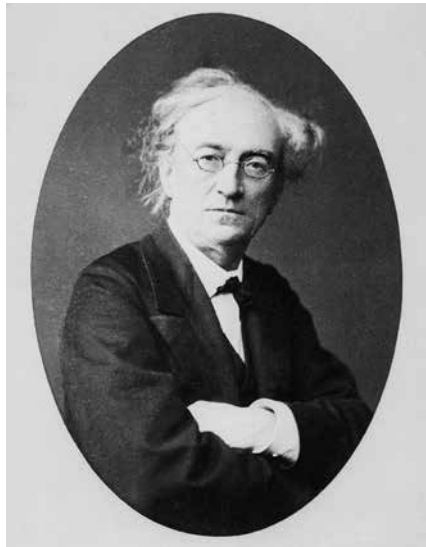

ПРИ ПОДГОТОВКЕ НОМЕРА
БЫЛИ ИСПОЛЬЗОВАНЫ
МАТЕРИАЛЫ:
tutchev.lit-info.ru, culture.ru/persons, belcanto.ru,
arts-dnevnik.ru, gerbovnik.ru, pravoslavie.ru,
rusmartyxx.ru, wikireading.ru, wikisource.org,
biography.wikireading.ru, wikipedia/commons, eksmo.ru, culture.ru

Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в сообщениях информационных агентств, рекламных материалах и объявлениях. Редакция не имеет возможности вступать в переписку и не возвращает рукописи и иллюстрации. Редакция не предоставляет справочной информации. Перепечатка материалов из журнала «Русская мысль» – только по согласованию с редакцией. О случаях отсутствия в продаже журнала «Русская мысль», нарушениях сроков доставки и других недостатках в нашей работе сообщайте по номеру +44 (0) 203 205 0041 или пишите на e-mail: rmoffice@russianmind.com
ТИРАЖ: 11 000 ЭКЗ.

ТЕМА НОМЕРА

6 НАШЕ ПОЧТИ ВСЁ...

Федор Тютчев, 220 лет со дня рождения которого мы отмечаем 5 декабря, – совершенно наш современник.

ТЮТЧЕВИАНА

10 ПРИЗНАНИЕ, ИЛИ ГЛАС ВОПИЮЩЕГО В ПУСТЫНЕ

Стихи приходили к Тютчеву непрощено, как верный отзвук всего прекрасного и истинного в его прекрасном и мудром сердце.

20 НАШ СОВРЕМЕННОК
Ф. И. ТЮТЧЕВ

Его поэзия – не сообщение об итогах поиска, но сам неостановимый поиск.

26 ДИПЛОМАТ И ПРОВИДЕЦ С ДУШОЙ ПОЭТА

Ф. И. Тютчев: «Если пристально рассматривать ход событий, борьба между Западом и нами никогда не прекращалась...»

32 «ДОЛЖНОСТЬ
РУССКОГО БОГА –
НЕ СИНЕКУРА...»

Из дневников Ф. И. Тютчева, а также писем и рассказов современников о нем.

36 ТЮТЧЕВ ГЛАЗАМИ
СОБРАТЬЕВ ПО ПЕРУ

Какую оценку творчеству Ф. И. Тютчева давали писатели-современники?

38 «ДУША МОЯ – ЭЛЕЗИУМ
ТЕНЕЙ...»

И. С. Тургенев: «О Тютчеве не спорят; кто его не чувствует, тем самым доказывает, что он не чувствует поэзии».

43 НЕПРЕВЗОЙДЕННЫЙ
ОСТРОСЛОВ

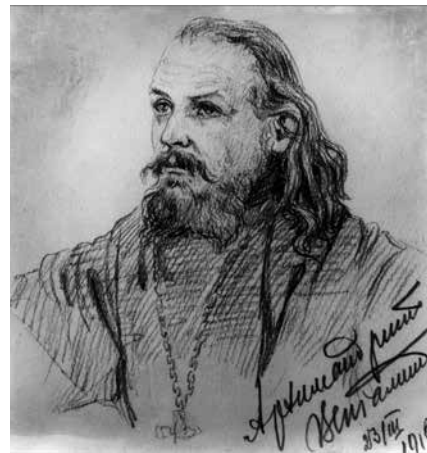
Из импровизированных ответов Ф. И. Тютчева на вопросы книги «Игра в секретаря».

44 ПОД СЕНЬЮ ТЮТЧЕВА

В Калининграде собираются увековечить память великого сына России.

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ВЕСТНИК45 МНОГАЯ
И БЛАГАЯ ЛЕТА!

20 ноября Предстоятелю Русской Православной Церкви Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу исполняется 77 лет.

46 В РИЗЕ «КРАСНОГО»
АРХИЕРЕЯ

Принял ли бывший глава военного духовенства Белой армии советскую власть по простоте евангельской или действительно верил в нее?

48 СВЯТЫЕ ПОЗДНЕЙ
ОСЕНИ

Пример исполнения библейских заповедей.

ИСТОРИЯ

54 РОССИЙСКАЯ
ИМПЕРИЯ: ПОЛИТИКА
В ОТНОШЕНИИ США

Нейтрально-благожелательная позиция, занятая Вашингтоном в ходе Крымской войны, была высоко оценена в Петербурге.

НАШИМ
СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ64 «ДА, И ТАКОЙ, МОЯ
РОССИЯ, ТЫ ВСЕХ
КРАЕВ ДОРОЖЕ МНЕ»

Быть русским – значит через боль любить свою землю.

КУЛЬТУРА

68 «КУПАНИЕ КРАСНОГО
КОНЯ» КАК СИМВОЛ
ЭПОХИ

К 145-летию со дня рождения Кузьмы Петрова-Водкина.

72 МАСТЕР, КОТОРЫЙ
ОПЕРЕЖАЛ ВРЕМЯ

Марк Антокольский: «Что бы я ни сделал, будет всегда результатом тех задушевных впечатлений, которыми матушка-Русь вскормила».

78 СВЕТИЛО МЕДИЦИНЫ
И... ВЕЛИКИЙ
КОМПОЗИТОР

12 ноября 1833 года родился выдающийся русский ученый и композитор Александр Бородин.

ОЧЕРК

82 РОЗЫ И... КРЕСТ

Окончание. Начало в № 155/05–06 (5026), 156/07–08 (5027) и 157/09–10 (5028).

ЛИТЕРАТУРА

90 «А НА ДУШЕ ЛЕГКО
И СВЯТО...»

Тургеневское эхо по-прежнему звучит в воздухе.

94 СИЯНИЕ
ПОЭТИЧЕСКОГО САДА

К 150-летию со дня рождения поэта, прозаика, переводчика и одного из основоположников русского символизма Валерия Брюсова.

96 «ВОЗДУШНЫЕ ЗМЕИ»

«Истории из пропавшего чемодана» Алисы Даншох: окончание главы о жизни и судьбе Романа Гари (начало в № 157/09–10).

КНИГИ

102 РОМАНОВЫ
В СОВРЕМЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

Постмодернизм или жажда новой искренности: дискурс вокруг воскрешения последних Романовых в новейшей русской прозе.

ТОЛЬКО У НАС

108 «ОДИНОКИЙ
“ЮНКЕРС”»

Продолжение публикации повести Валерия ПОВОЛЯЕВА «Одинокый “Юнкерс”» (начало в № 153/01–02, 154/03–04, 156/07–08 и 157/09–10).

СОБЫТИЯ И
ИНФОРМАЦИЯ111 «МАЙЯ ПЛИСЕЦКАЯ.
АРЕНА ЖИЗНИ»:
ФОТОВЫСТАВКА
В ПАРИЖЕ

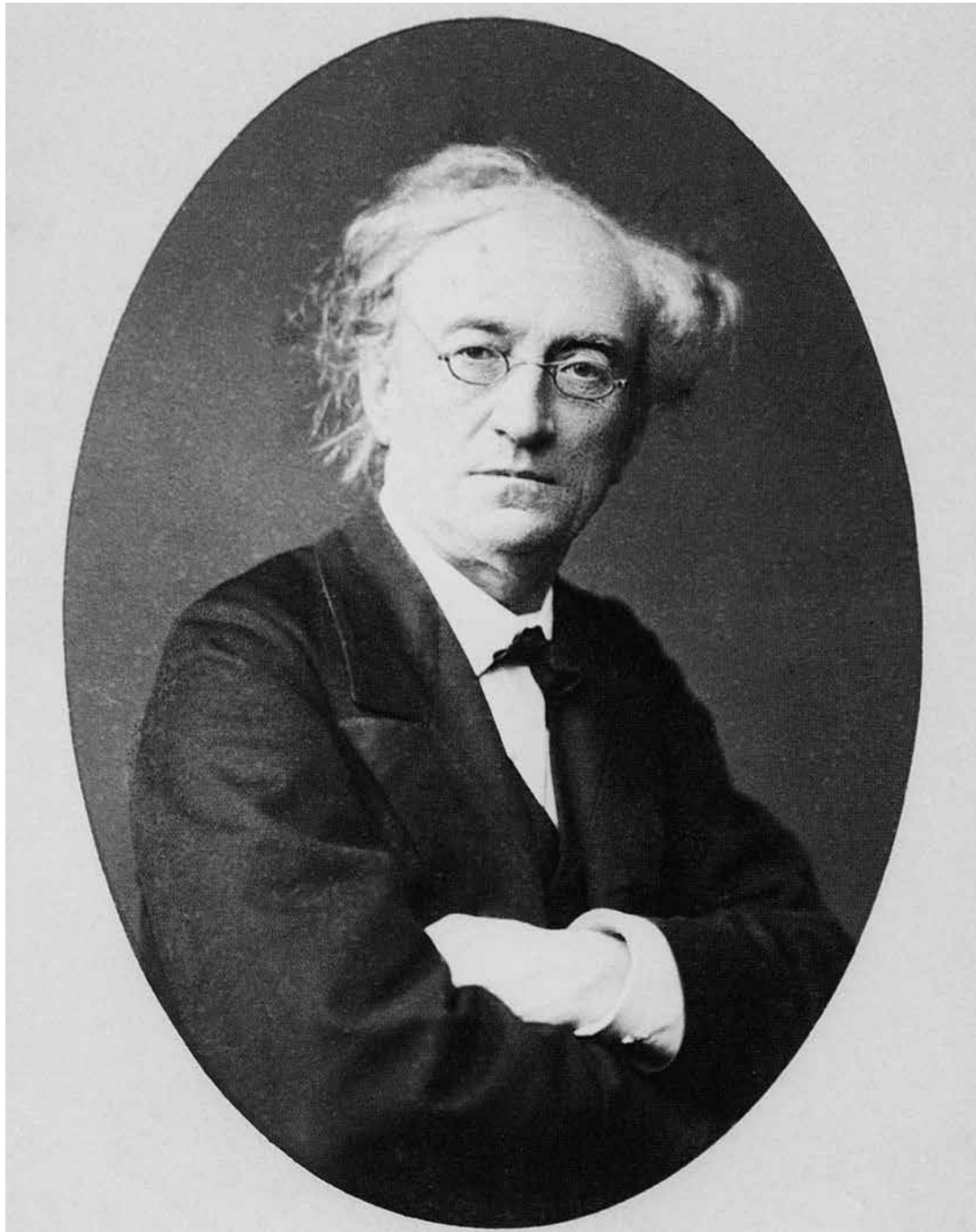
Париж тепло встретил фотовыставку Бахрушинского музея, посвященную звезде мирового балета.

ЧИТАЙТЕ В НАШЕМ
ЖУРНАЛЕ СТАТЬИ НА
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

НАШЕ ПОЧТИ ВСЁ...

Федор Тютчев, 220 лет со дня рождения которого мы отмечаем 5 декабря, – совершенно наш современник

КИРИЛЛ ПРИВАЛОВ

Портрет Федора Ивановича Тютчева из собрания музея-усадьбы «Мураново»

Еще премудрый Гиппарх Никейский, живший на острове Родос во втором веке до нашей эры и прозванный «отцом античной астрономии», не имея ни малейшего представления о телескопе, разделил на глазок звезды по степени их яркости. Он назвал эти категории «магнитудами». Древнегреческий ученый выделил шесть магнитуд, в соответствии с яркостью звезд...

В русской литературе звезда, конечно, меньше, чем на необъятном небосклоне. Однако их магнитуд тоже немало. Одни гении, как, скажем, Александр Пушкин или Лев Толстой, светят сквозь года и века мощным, ярким светом. Другие вспыхивают всего на несколько лет, а порой даже и на одно

мгновение, и тускнеют, растворяются в ноосфере, оставляя лишь эфирные воспоминания в памяти забывчивых потомков. Федор Тютчев – из разряда небесных светил, дарящих нам неиссякаемый, ровный и теплый свет. Он не только энциклопедически универсален – поэт, дипломат, философ, публицист, – но и постоянен в своей неизменной актуальности. Тютчев, 220 лет со дня рождения которого мы отмечаем 5 декабря (по новому стилю), – совершенно наш современник. Одним этим сказано бесконечно многое.

Для кого-то Федор Тютчев – это жесткий, беспощадный на раздаваемые им характеристики публицист, без обиняков называющий «безобразным и диким» отношение Запада к России и позволяющий себе едко высмеивать даже самого царя Николая I. Для кого-то – великолепный лирик (авторитетный литературовед Эдуард Григорьевич Бабаев, один из моих университетских наставников-профессоров, называл его «поэтом сложных ассоциаций»). А для кого-то – и герой непридуманных исторических, с авантюрной начинкой, любовных романов по всей Европе. Тютчев едва ли не до самого края своих семидесяти лет, отпущенных ему Богом, был категорически влюбчивым и весьма нравился женщинам: стоило только ему начать говорить...

Для меня же Федор Иванович остался, прежде всего, блестящим, утонченным острословом, автором нестареющих эпиграмм, написанных по-русски и по-французски (как и Пушкин, Тютчев блестяще творил на этих двух языках), кладезем изысканных *beaux mots* – так на парижский манер называли в петербургском свете смелые и афористичные высказывания. Как неслучайно охарактеризовал поэта его друг и коллега по двум цехам – литературному и дипломатическо-

му – князь Петр Вяземский: «Тютчев – жемчужноуст».

А началась такая моя любовь к Тютчеву без малого лет пятьдесят назад до банальности случайно (впрочем, именно таким образом любовь нередко и возникает, не правда ли?).

В морозный день я шел к метро из моей тогдашней редакции по Столешникову переулку в Москве и, как уже превратилось у меня в традицию, решил заглянуть в букинистический магазин под номером 28. Да-да, в тот самый, что стоял напротив архипопулярного

Букинисты звали этого ветерана цеха книжных археологов Лево́й-Холодным – и неспроста. Он был единственным, торговавшим в Москве книгами на открытом воздухе даже в самые лютые крепесские морозы.

– Тип какой-то избавляется от библиотеки, застрявшей в фамильном наследстве, – пояснил мне как старому знакомцу Холодный. – Смотрите сюда, юноша! Отдам Тютчева за рубль...

И он протянул мне синими от мороза пальцами, выглядывающими из полосатых митенок, ак-

Афоризмы Ф. И. Тютчева:

- Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется.
- Нигде не живут такой полной, настоящей жизнью, как во сне.
- Любовь есть сон, а сон – одно мгновение.
- Стихи никогда не доказывали ничего другого, кроме большего или меньшего таланта их сочинителя.
- Молчи, скрывайся и таи и чувства, и мечты свои.
- Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя? Поймет ли он, чем ты живешь? Мысль изреченная есть ложь.
- Чему бы жизнь нас ни учила, но сердце верит в чудеса.

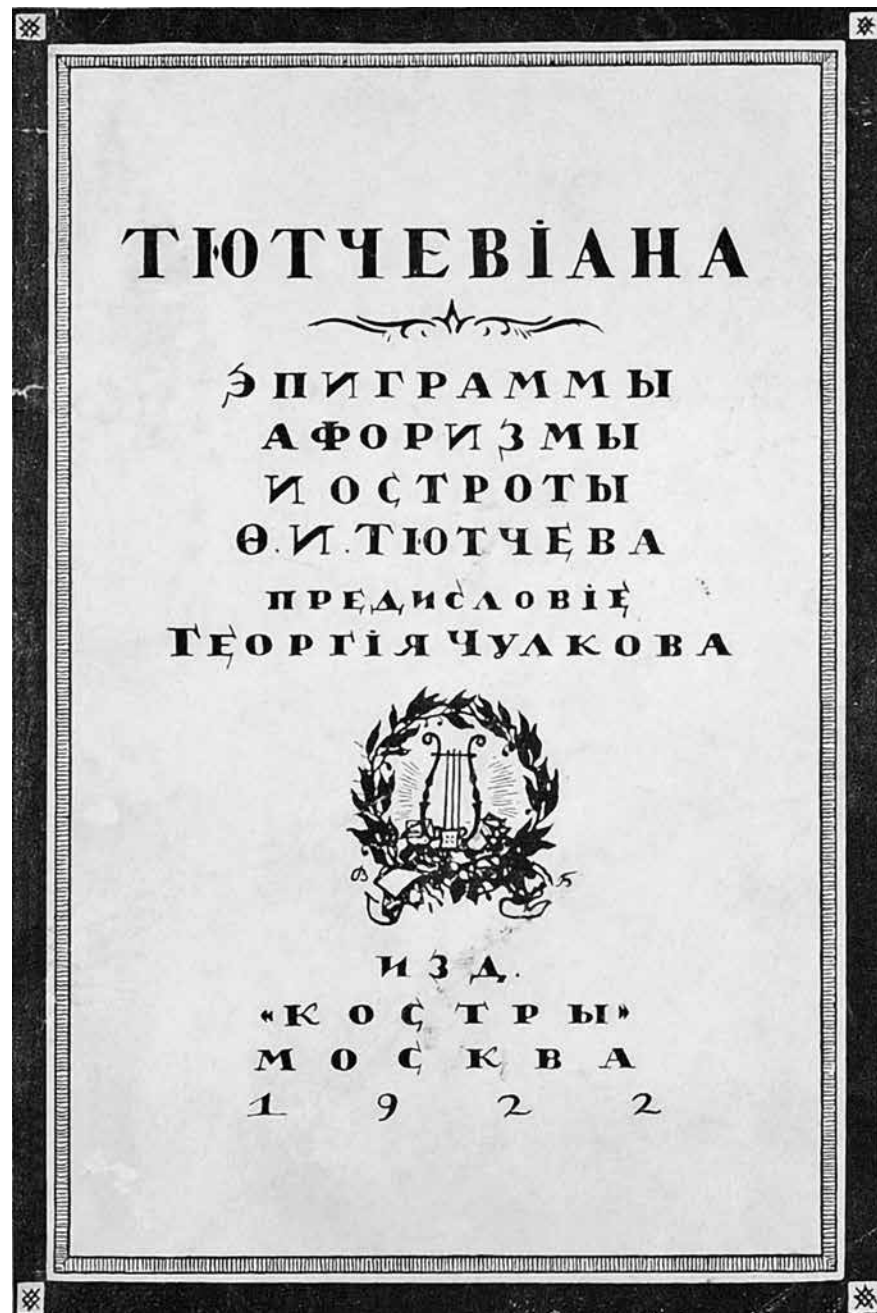
у москвичей в советскую пору магазина вин... Там, на пропитанных навсегда запахом старой бумаги прилавках, у замечательного знатока книг Николая Николаевича Лебедева, порой можно было найти нечто интересное, какую-нибудь раритетную инкунабулу.

Подойдя к букинистическому, я увидел у окон его настоящий книжный развал. На досках, установленных на треногах прямо в снегу, были одна к одной, наподобие кафельного покрытия, разложены старые книги. А царствовал над ними маленький, согбенный старичок в очках, скрепленных изоляционной лентой, в теплом платке, завязанном крест-накрест на груди, и в огромной шапке с ушами, пущенными по седому, хронически небритому подбородку. Это был человек легендарный.

куратно оплетенную в обойную бумагу и прошитую суровыми нитками тоненькую, всего страниц на шестьдесят, книжицу.

Я открыл: «Тютчевiana. Эпиграммы, афоризмы и остроты Ф. И. Тютчева». С ятем, фитой и десятичными i... С предисловием Георгия Чулкова. Издательство «Костры», Москва, 1922 год.

Георгия Чулкова, одного из организаторов литературной жизни в российских столицах Серебряного века, прекрасного литературного критика начала прошлого столетия, представлять мне было не надо. О нем – как о создателе «теории мистического анархизма» и литераторе, входившем в круг символистов (Блок, Северянин, Бальмонт), – нам рассказывали в лекциях на факультете журналистики МГУ. Одно чулковское

предисловие уже делало книгу более чем занятой. А тут еще «Тютчевіана», открывающаяся с фотокопий, едва ли не дагерротипов, двух эпиграмм Федора Ивановича, написанных округлым, уверенным, по-настоящему мужским почерком. Божественной рукой Тютчева!

Понятное дело, промерзшую в Столешникове «Тютчевіану»

я взял («Рубль – не деньги, рубль – бумажка. Экономить – тяжкий грех», как пел Владимир Высоцкий), и, видит Бог, не пожалел ни разу. Хочу поделиться наслаждением общения с этой книгой и с читателями «Русской мысли».

Начну с предисловия: «Современники Ф. И. Тютчева чувствовали в нем поэта и необыкновенного

человека, но прежде всего их поражал и восхищал его острый ум. Л. Н. Толстой ехал однажды в гости к Фету и встретил где-то на маленькой станции Тютчева, беседовал с ним и потом никак не мог забыть этой встречи, этого “глубокого настоящееумного старика”»...

Умер Тютчев – и И. С. Тургенев в письме к Фету из Буживаля от 21 августа 1873 года прежде всего вспоминает об уме Тютчева: «Милый, умный, как день умный, Федор Иванович! Прости – прощай!»

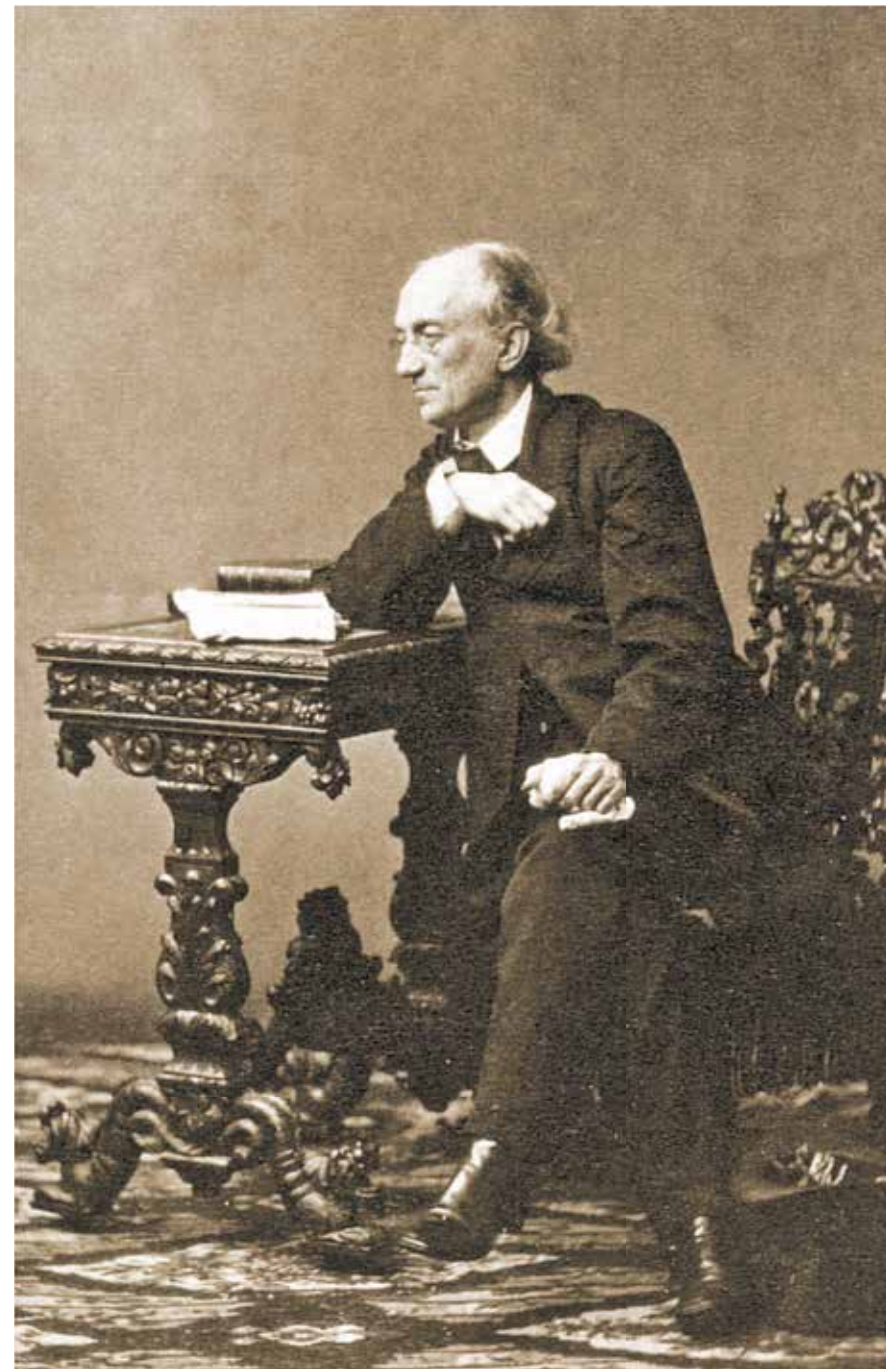
И. В. Киреевский (русский религиозный философ, один из теоретиков славянофильства. – К. П.) писал о Тютчеве из Мюнхена весной 1830 года, когда поэту было двадцать семь лет: «У нас таких людей европейских можно счесть по пальцам».

А вот что сообщал о Тютчеве в своих воспоминаниях граф Владимир Александрович Соллогуб, прозаик, драматург и мемуарист, а заодно так же, как и Федор Иванович, действительный тайный советник: «Он сидел в гостиной на диване. Окруженный очарованными слушателями и слушательницами. Много мне случалось на моем веку разговаривать и слушать знаменитых рассказчиков. Но ни один из них не производил на меня такого чарующего впечатления, как Тютчев. Остроумные, нежные, колкие, добрые слова, точно жемчужины, небрежно скатывались с его уст... Когда он начинал говорить, рассказывать, все мгновенно умолкали, и во всей комнате только и слышался голос Тютчева; я думаю, что главною прелестью Тютчева в этом случае было то, что рассказы его и замечания, *coulai*ent *de source* (дословно с французского: «текли непосредственно из источника». – К. П.), как говорят французы; в них не было ничего приготовленного, выученного, придуманного...»

Князь Сергей Михайлович Волконский, историк культуры, названный Мариной Цветаевой «умнейшим, обаятельнейшим, стариннейшим, страннейшим и гениальнейшим человеком на свете», рассказывал, что появление в гостиной его родителей Тютчева всегда вызывало в обществе «приятное волнение». Волконскому, когда он в первый раз увидел Тютчева, было всего восемь лет, но ему врезалась в память стройная фигура поэта: Федор Иванович стоял у камина – в небрежно повязанном галстуке, с тонкими, всклокоченными волосами – и читал стихи. Восхищал слушателей, особенно представительниц прекрасного пола, и прекрасно это чувствовал. Наслаждался произведенным эффектом.

Впрочем, в петербургских светских салонах остроты Тютчева ценились не меньше, нежели его стихи. Остроты и афоризмы, вошедшие в «Тютчевіану» (название какое хорошее, символическое, учитывая поистине океанский масштаб творчества Тютчева!), отобранные внуками поэта Федором Ивановичем и Николаем Ивановичем Тютчевыми, а также внучкой Тютчева Екатериной Ивановной Пигаревой. Сделано все в основном по материалам семейного архива, плюс еще некоторые печатные источники. Большая часть материала не была опубликована ранее. Безусловно, не все плоды остроумия Тютчева равного достоинства. Но все афоризмы Федора Тютчева, как верно пишет Георгий Чулков, «всегда своеобразны и тонки». И далее: «... Среди остроумных словечек и шуток мы находим иногда такие намеки, которые вдруг уведат нас за пределы тогдашних салонов, и мы видим лицо дивного поэта... В этом весь Тютчев: за улыбчивой шуткой таится мудрость».

На протяжении этого номера «Русской мысли», в значительной

Федор Тютчев. Фотография С. А. Левицкого. 1860–1861

степени посвященного разным ипостасям патристического гения Федора Ивановича Тютчева, мы будем не раз обращаться к «Тютчевіане». Эта удивительная добрая книга достойна того, чтобы о ней помнили, чтобы ее знали. Ведь, если, как сказал в 1859 году

замечательный русский писатель Аполлон Григорьев, «Пушкин – наше всё», Тютчев, опять же словами Григорьева: «глашатай великих истин и великих тайн жизни», – наше почти всё.

И это тютчевское прекрасное – навсегда и повсюду с нами.

ТЮТЧЕВИАНА

ПРИЗНАНИЕ, ИЛИ ГЛАС ВОПИЮЩЕГО В ПУСТЫНЕ

Стихи приходили к Тютчеву непрошено, как верный отзвук всего прекрасного и истинного в его прекрасном и мудром сердце

ЕВГЕНИЙ ГЛАУШАКОВ,
автор серии книг «Великие судьбы русской поэзии»

Портрет Федора Тютчева. Худ. И. Рехберг. 1838

Талант – почти что вещь. Можно пустить в оборот и получить всяческую прибыль, можно закопать и оказаться в накладе. А вот возможно ли, чтобы человек, не ведая или не желая знать о ниспосланном ему чудесном даре, изменил своему предназначению?

Нам известны приключения библейского пророка Ионы, бежавшего от Господа Бога, побывавшего в брюхе у кита и все-таки пришед-

думаться о глубинном смысле слова «призвание» и о власти этого слова над человеком.

Федор Иванович Тютчев родился 23 ноября (5 декабря) 1803 года в селе Овстуг Брянского уезда в старинной дворянской семье. Не от своего ли далекого предка – боярина Захария Тютчева, посетившего хана Мама в Орде незадолго до Куликовской битвы, унаследовал он дипломатические

шего в Ниневию, чтобы выполнить удручающее его поручение. Ну, а Федор Иванович Тютчев, в чем было его назначение? Кем считал себя он сам? И за кого принимали его другие? Профессиональный дипломат, увы, так и не одержавший ни одной политической победы. И он же поэт-дилетант, стыдившийся своего сочинительства, равнодушный к судьбе своих стихов и покоривший ими весь мир. Контраст, заставляющий за-

способности? По крайней мере, известно, что Захарий, чтобы выполнить посольское поручение Дмитрия Ивановича, князя Московского, проявил и немалую сметку, и редчайшее мужество. Ну а поэтический дар, как известно, не наследуется, но дается единожды и более в роду не встречается.

Рос мальчик в семье добронравной и спокойной, самого обычного помещичьего уклада. Религиозны, общительны, хлебосольны – все в меру. Выделялись разве что умом да сметкою, а потому и состояли в почете у соседей. Когда Феде было только 9 лет, в воспитатели к нему был приглашен поэт-переводчик Семен Егорович Раич. Выбор наставника predetermined все: и будущие интеллектуальные успехи Тютчева, и его житейскую неприспособленность.

Воспитатель сумел заронить в душу мальчика любовь к латинской поэзии и в особенности к Горацию, являвшемуся предметом его собственного увлечения, а также взрастил в нем «горацианское», т.е. созерцательное, отношение к жизни. Нередко в пору летнего проживания в Овстуге Раич и маленький Федя выходили за околицу села и, расположившись где-нибудь на холме над рекою в виду зеленеющих рощ и полей, читали латинских авторов. Эти прогулки впечатлительного мальчика с гувернером-эстетом, вероятно, и заложили основу высокого лирического

чувства, которое впоследствии наполнило поэзию величайшего певца русской природы.

Весенняя гроза

*Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.
Гремят раскаты молодые!
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.
С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной, и шум нагорный —
Все вторит весело громам.
Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила!*

Когда мальчику было только 13 лет, он уже довольно умело переводил из латинских авторов. А стихотворное подражание Горацию «Вельможа», написанное в 14-летнем возрасте, было зачитано на собрании «Общества любителей российской словесности», в число сотрудников которого он был тут же принят. Начало стремительное, под стать пушкинскому. От своего воспитателя Тютчев воспринял и критическое отношение к политическому устройству России. Раич был членом тайного декабристского общества – «Союз добродушие его питомца далеко не заходило: ненавидя крепостничество, юноша оставался приверженцем монархии.

В 1819 году Тютчев поступает в Московский университет на словесное отделение. Впрочем, университетские занятия начал он посещать еще двумя годами прежде – в качестве вольнослушателя. И опять удача: среди его университетских профессоров оказался поэт

Александр Федорович Мерзляков, автор знаменитой песни «Среди долины ровныя...», впоследствии приобретшей высокое звание народной. Читал Александр Федорович лекции по русской словесности и по теории поэзии. Человек своего времени, был он не слишком отзывчив на литературные новшества и своим консерватизмом чрезвычайно раздражал Михаила Юрьевича Лермонтова, обучавшегося у него десятью годами позднее. А вот Тютчеву, как латинисту и поклоннику Горация, несомненно, импонировали старомодные представления профессора, основанные на классических образцах и «Поэтике» Аристотеля.

Впрочем, Мерзляков не столько тайны стихосложения раскрывал перед студенческой аудиторией, сколько околдовывал ее обаянием свободного, прямо на глазах у публики рождающегося слова. Свои лекции Александр Федорович никогда не готовил, но строил на импровизации. Приносил, скажем, книгу стихов Ломоносова или Державина, раскрывал наугад и первую же попавшую на глаза оду начинал комментировать. Речь его при этом была легка, непринужденна, убедительна, изобиловала сопоставлениями, блистала мыслями. Отличная школа для Тютчева и как поэта, подчинявшегося скорее чувственному порыву, чем холодной логике, и как будущего салонного говоруна. Посещал Тютчев и собрания «Общества любителей российской словесности». И конечно же, там в числе прочих звучали его стихи и переводы. И всякая не слишком удачная строка подвергалась общей критике. В трудах «Общества...» он и был впервые напечатан.

Юный поэт, пока еще не имеющий светских привязанностей, все свое время посвящает творчеству и образованию. Много читает. <...>

В 1821 году Федор Иванович досрочно окончил университет

с присвоением ему степени кандидата словесных наук. А в 1822-м поступил на службу в Государственную коллегию иностранных дел и уехал в Германию, получив место при русской дипломатической миссии в Мюнхене, поначалу сверхштатно и только через шесть лет в должности младшего секретаря.

Естественно, что молодой дипломат испытывал серьезные материальные затруднения, которые только усугубились его женитьбой на Элеоноре Теодоровне Петерсон, урожденной графине Ботмер. Была она на четыре года старше Тютчева, вдовствовала, имела троих сыновей и не обладала никаким состоянием. Впрочем, поскольку первым ее мужем был тоже российский дипломат Александр Петерсон, поверенный в делах в Веймаре, пасынки после смерти их отца были определены в Морской кадетский корпус, по окончании которого один стал дипломатом, а двое других морскими офицерами. Семейный бюджет они, понятное дело, не отягощали. Родились у Тютчева в этом браке и собственные дети – три дочери: Анна, Дарья и Екатерина.

Не знаящая ни слова по-русски, Элеонора Теодоровна даже не подзревала, что ее муж – гениальный поэт. Она любила его, жалела, видела в нем никчемное, неприспособленное к жизни существо, болезненное и безнадежно честолюбивое. Была она, пожалуй, единственной из близких к Федору Ивановичу людей, кто не ощутил в нем огромного всеобъемлющего ума. То, что она писала о нем в своих письмах, имело чаще всего негативный характер: «наш дитя», «не могу рассчитывать на его совет и поддержку», «занят своим ничегонеделанием»... И признавалась, что предпочла бы путешествовать с тремя младенцами, чем с одним Федором Ивановичем. Реальные трудности усугублялись

Портрет Екатерины Львовны Тютчевой, матери поэта.
Неизвестный художник. XIX век

Портрет Ивана Николаевича Тютчева, отца поэта.
Работа Ф. Кюнеля. 1801

приступами ужаснейшей меланхолии, унаследованными им от матери и частенько его посещавшими. «Самая нелепая, самая абстрактная идея, которую можно себе представить, мучает его до лихорадки, до слез», – никак не могла надвинуться на такую обостренную чувствительность своего мужа несчастная немка. А между тем ее снисходительное, заботливое, материнское отношение лишало Тютчева последней возможности обзавестись мужеством и волей. Вундеркинд, чье интеллектуальное развитие оставило далеко позади физическое и психическое, еще мог бы, попадись ему более суровая жена, приобрести кое-какую житейскую сметку и характер. Но добрейшая Элеонора Теодоровна посадила его в качестве еще одного «дитяти», а потом еще и троих, произведенных от него

детей на свой семейный воз и повезла, надрываясь, дальше. Мюнхен тютчевской поры являлся одним из политических и культурных центров Европы. Просвещенный баварский король Людвиг сделал все, чтобы превратить свою столицу в современные Афины. Вращаясь в высшем аристократическом, дипломатическом и интеллектуальном обществе этого города, Федор Иванович, хотя и был еще очень молод, отнюдь не потерялся, но показал себя вполне светским человеком и таким мастером салонной беседы, которому едва ли имелись равные. Разговором с ним наслаждались и знаменитый философ Шеллинг, и премьер-министр Баварии старый граф Манжела, и особы королевской крови. Прочие же за неумением под-держивать беседу на столь высоком уровне попросту заслушивались речью молодого русского дипломата.

Сам же Тютчев в эту пору упивался обилием новых впечатлений, ибо Мюнхен в его глазах представлял как бы театральную ложу, из которой так легко и удобно обозревалась сцена европейской политики, литературы, искусств. А эта возможность была и близка, и дорога его «горацианскому» мировоззрению.

Цицерон

*Оратор римский говорил
Средь бурь гражданских и тревоги:
«Я поздно встал – и на дороге
Застигнут ночью Рима был!»
Так!.. но, прощаясь с римской славой,
С Капитолийской высоты
Во всем величье видел ты
Закат звезды ее кровавой!..
Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!*

*Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был —
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!*

Однако само участие в этом высоком зрелище, в жизни большого света, обязательное для дипломата, требовало от Федора Ивановича таких расходов, каких его скудный заработок не покрывал. Напрасно русский посланник в Баварии И. А. Потемкин несколько раз обращался к своему шефу К. В. Нессельроде с просьбой увеличить жалованье Тютчеву. При этом говорилось и о редких дарованиях молодого дипломата, и о его крайней нужде. Единственным ответом российского канцлера на эту назойливость был перевод Потемкина в миссию при дворе Сардинского короля, в Гаагу, подальше от его злополучного протеза.

В феврале 1833 года Федор Иванович познакомился с одной из первых красавиц Европы – баронессой Эрнестиной Теодоровной Дернберг, отосланной поразвлечься в Мюнхен ее отцом, баварским посланником в Париже. Как-то на балу муж красавицы почувствовал себя дурно. Сообщив жене, что отправляется домой, барон обратился к молодому русскому, стоявшему подле: «Поручаю жену мою вам!» Затем уехал домой, слег, как оказалось, в тифу и вскоре умер. Молодым русским, которому он так многозначительно поручил свою супругу, был Тютчев. Между ним и прекрасной вдовушкой завязался роман.

При низком росте, тщедушном телосложении, вечно всклокоченных волосах и всегда неряшливом костюме поэт был чрезвычайно обходителен, тонок и аристократичен в манерах. И до того очарователен своею в высшей степени оригинальной, непринужденной

и блестящей беседой, что обаянию Федора Ивановича не могла противиться ни одна женщина не только в его молодую пору, но и гораздо позднее, когда он уже приметно состарился. Естественно, что была покорена и Эрнестина Теодоровна. Весною того же года состоялась их совместная поездка на север Италии. Влюбленных сопровождали брат баронессы Карл Пфедфель и немецкий поэт Генрих Гейне. Все четверо были в восторге от путешествия и от попутчиков. Кстати сказать, и Гейне не отнесся к Тютчеву с безразличием, но отзывался о своем русском собрате по перу, стихи которого едва ли мог понимать, как о своем лучшем друге. И не ошибся, хотя бы потому, что именно Федору Ивановичу было суждено стать первым русским переводчиком стихов великого немецкого поэта, тогда еще не вошедшего в славу.

Что же происходило с собственными стихами Тютчева, с его собственной славой? Пожалуй, кроме Раича, о существовании этого поэта в России еще никто не подозревал. Несколько стихотворений, присланных из Германии бывшему наставнику и напечатанных анонимно в книжках журнала «Галатея» за 1829–1830 годы, не были замечены.

С тех пор Федор Иванович не предпринимал ни малейших попыток к публикации своих стихов. С чем же была связана его авторская пассивность? Прежде всего со всегдашним пренебрежением Тютчева к самому себе. Его горацианское начало было целиком и полностью направлено вовне, к окружающему миру. Ну а сам для себя он был слишком привычен и поэтому неинтересен. Слишком привычны и неинтересны для него были и собственные стихи, как часть самого себя. Оттого и называл он их, ничуть не лицемеря, «бумагомаранием». Только встречная любовь, а также интерес, направленный

к нему извне, сообщали в его глазах некоторую ценность его личности и творчеству. Только будучи нужным и любимым, поэт мог жить, творить, существовать.

Люди, близкие к Федору Ивановичу и умевшие понять, что за прекрасные стихи он пишет, несомненно, предпринимали попытки как-то расшевелить и подвигнуть его к их публикации. Но тщетно. Очевидно, от них требовалось нечто большее, чем обыкновенное ворчание и морализирование на эту тему.

И тогда за дело взялся Иван Сергеевич Гагарин, юный приятель Федора Ивановича, два года проработавший атташе при Баварской миссии и теперь вернувшийся в Россию. И вот Иван Сергеевич в письме обратился к поэту с просьбой выслать из Мюнхена в Петербург свои стихи и поручить ему «почетную миссию» быть их издателем. А еще Гагарин попросил Тютчева придумать подходящее название для стихотворной подборки.

Федор Иванович, откликнувшись на просьбу приятеля, выслал все имеющиеся у него на руках автографы своих стихотворений и посоветовал обратиться к Раичу, у которого тоже могло быть что-то из его рукописей. Гагарин, последовав его совету, и впрямь получил от Раича еще один пакет со стихами. Затем все полученное переписал и копии передал Вяземскому, тот – Жуковскому, а Жуковский – Пушкину.

В 1836 году в 3-м и 4-м номерах «Современника» Александр Сергеевич напечатал 24 стихотворения, подписанных криптонимом «Ф.Т.» и озаглавленных «Стихотворения, присланные из Германии». «Современник» продолжил печатание тютчевских стихов и после смерти Пушкина вплоть до 1840 года. Что касается двух таинственных букв, которыми

они неизменно подписывались, то они были расшифрованы лишь в 1839 году в статьях Менцова и Греча. От них читатели узнали о Тютчеве.

Вскоре после ужасающих известий о дуэли и гибели Александра Сергеевича поэт-дипломат навещает Россию, Петербург. Когда же он узнает, что убийца нашего национального гения отделался разжалованием в солдаты и высылкой из России (пустили шуку в реку!), то приходит в ярость.

29 января 1837

*Из чьей руки свинец смертельный
Поэту сердце растерзал?
Кто сей божественный фиал
Разрушил, как сосуд скудельный?
Будь прав или виновен он
Пред нашей правдою землею,
Навек он вышею рукою
В «цареубийцы» заклеимен.
Но ты, в безвременную тьму
Вдруг поглощенная со света,
Мир, мир тебе, о тень поэта,
Мир светлый праху твоему!..
Назло людскому суесловью
Велик и свят был жребий твой!..
Ты был богов орган живой,
Но с кровью в жилах...
знойной кровью.
И сею кровью благородной
Ты жажду чести утолил —
И осененный опочил
Хоругвью горести народной.
Вражду твою пусть Тот рассудит,
Кто слышит пролитую кровь...
Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..*

<...> Элеоноре Теодоровне приходит на ум уехать из Мюнхена и таким образом оторвать мужа от баронессы. Но для этого надо расплатиться с долгами. Бедная женщина уже в который раз пишет в Россию брату мужа, умоляя о помощи. Еще в 1833 году она сообщила ему, что «Теодор (так

она называла Федора Ивановича) позволяет себе маленькие светские интрижки, которые, как бы они ни были невинны, могут неприятно осложниться...» И вот предполагаемые осложнения наступили. Теперь ее письма звучат гораздо тревожнее. Благородно умалчивая о себе, она описывает состояние мужа: «Подавленный, удрученный, больной, опутанный множеством неприятных для него и тягостных отношений, освободиться от которых он неспособен в силу уж, не знаю какого, душевного бессилия <...> Вывезти его отсюда – волею или неволею – значит спасти ему жизнь...» В своем стремлении вернуть мужа семье прибегает Элеонора Теодоровна и к давно испытанному женскому средству – рождает. Именно в эту пору, в 1834 и 1835 годах, и дарит она Федору Ивановичу двух младших дочерей – Дарью и Екатерину.

Хлопочет о Тютчеве и новый русский посланник в Баварии Г. И. Гагарин. И не просто пишет служебный рапорт канцлеру, но буквально умоляет его проникнуться отчаянным положением Федора Ивановича: «При способностях, весьма замечательных, при уме выдающемся и в высшей степени просвещенном, г. Тютчев не в состоянии ныне исполнять обязанности секретаря миссии <...> Во имя Христианского милосердия умоляю Ваше Превосходительство извлечь его отсюда, а это может быть сделано лишь при условии предоставления ему денежного пособия в 1000 рублей для уплаты долгов; это было бы счастье для него и для меня...»

Странное письмо от подчиненного начальнику. «Замечательные способности», «выдающийся ум» – явно избыточная характеристика для посольского секретаря. Но письмо возымело действие. Через три месяца Департамент хозяйственных и счетных дел МИДа препроводил Тютчеву 1000 рублей

«на уплату долгов и в вознаграждение ревностной службы». О своевременности посольского ходатайства говорит и тот печальный факт, что именно в день обращения Г. И. Гагарина с письмом к Нессельроде женою Тютчева было совершено покушение на самоубийство.

И все-таки Элеоноре Теодоровне удастся оторвать мужа от Мюнхена, а в некоторой степени и от вдовушки-красавицы баронессы Дернберг. В мае 1837 года Тютчев получает четырехмесячный отпуск и вместе с семьей уезжает в Петербург с твердым намерением в Баварию более не возвращаться. Ему уже обещано новое назначение, которое он и получает 3 августа того же года, – пост старшего секретаря миссии в Турине. Через несколько дней он туда и отправляется, временно оставив семью в Петербурге.

Девять месяцев тоскливой службы и одиночества. Турин и местное общество, конечно же, не чета просвещенному, кипящему жизнью Мюнхену. И хотя теперь у Федора Ивановича и должность приличная, и соответствующий оклад, но тоска, тоска! Скучает он и по семье, и по прекрасной баронессе. <...> Вечный «дитятя», живущий своими сердечными привязанностями, он любил и Эрнестину, и Элеонору, и никак не умел применить к постоянно усложняющимся обстоятельствам, не умел дать укорот своему влюбчивому сердцу. Вот почему и в этом случае, и во всех последующих решение проблем этого плывущего по течению человека брало на себя Провидение.

В мае 1838 года на пути из Петербурга в Турин попадает в дорожную катастрофу семья Тютчева. Чудом остаются живы, но Элеонора Теодоровна, проявившая при этом немало самоотверженности и мужества, тяжело заболевает. А поскольку по приезде в Турин опять-таки не находит в муже

никакой поддержки, но пытается из последних сил тянуть все тот же воз, то вскоре ослабленное ее здоровье не выдерживает, и она умирает. Что пережил Федор Иванович за ночь, проведенную у гроба жены, не знает никто, но поутру он оказался совершенно сед.

На протяжении 12 лет эта бесконечно любящая, добрая и очень несчастная женщина сопровождала поэта. «Она была для меня жизнью», – такими словами подытожил Федор Иванович ее материнскую заботу о себе и распорядился сделать надпись на могиле: «Она не придет ко мне, но я иду к ней» <...>

При завершении же обязательного годовичного траура по супруге Тютчев обратился в МИД с просьбой разрешить ему брак с баронессой Эрнестиной Дернберг, а также дать отпуск. Брак разрешили, а миссию оставлять до прибытия нового посланника – отнюдь. Однако Тютчев вешает замок на дверях посольства и уезжает из Турина, чтобы в Берне обвенчаться с возлюбленной баронессой и совершить свадебное путешествие по Швейцарии. Впрочем, оформлено это было как увольнение по собственному желанию. Но за долгим неприбытием 30 июня 1841 года Федор Иванович был не только исключен из министерства, но и лишен звания камергера.

Некоторое время поэт и его новая жена ведут праздный образ жизни, путешествуя по Европе. Благо у Эрнестины имеется небольшой капитал, хранящийся в Парижском банке Ротшильда. Но в начале 40-х годов у Тютчева появляется отвращение к Западу, и после 22-летнего пребывания в Европе его вдруг начинает и вовсе тянуть на родину. К тому же супруга приходит к убеждению, что пребывание в Европе для них бесплодно. В 1844 году чета Тютчевых возвратилась в Россию. И удивительное

с о в п а д е н и е : как раз незадолго до этого поэт-философ Баратынский ее покинул, уже навсегда, как бы уступая Тютчеву внимание российской публики и на усмотрение судьбы оставив собственными руками построенный мурановский дом, которому будет суждено стать общим музеем этих двух родственно глубоких поэтов.

Свежий человек с Запада, а по длительности своего пребывания там – почти иностранец, Федор Иванович оказался весьма интересен для праздной публики аристократических салонов. Его искушенность в дипломатии, многолетний опыт в познании реального механизма и принципов действия европейской политики сделали интерес этот устойчивым. Более того, благодаря удивительному красноречию и остроумию Тютчев сумел полностью завладеть великосветскими умами, возвыситься над минутной модой и стать салонным оракулом.

Гостиные Москвы и Петербурга буквально разрывали недавнего дипломата на части. Его политические афоризмы были разительнее обличений Радищева и вольнолюбивых стихов Пушкина, но их широчайшая обобщенность и глубина завораживали властных сановников, усыпляя инстинкт самосохранения, и они восторженно передавали друг другу тютчевские крылатые фразы вроде: «Русская история до Петра – одна панихида, а после Петра – одно уголовное дело». Едва ли было понятно вельможам, что эти самые уголовники, о которых

Герб рода Тютчевых

тут говорится, они и есть. Устные и письменные эпиграммы Тютчева разносились молниеносно, его политические прогнозы поглощались с огромным доверием. Ну а мессианское предназначение России было не только любимой сферой разговоров Федора Ивановича, но нередко служило и поводом для его поэтического вдохновения.

Не обходили Тютчева своими приглашениями и особы императорской фамилии. Двор его ласкал. Лишь однажды великая княжна Мария пригрозила Федору Ивановичу, что подвергнет его ostracismu, т.е. изгнанию от лица своего, за его огромную, постоянно взлохмаченную шевелюру. Да и впрямь странно выглядел поэт среди общества баснословно богатой российской элиты. Вот, к примеру, как его воспринимала Александра Осиповна Смирнова-Россет, аристократка из ближайшего окружения императрицы: «Он целый день рыскает пехтурой или на самом гадком Ваньке. Он в старом плаще, седые волосы развеваются, видна большая лысина». Если к уже нарисованному портрету добавить, что и пуговицы на скюртуке Федора Ивановича редко бывали застегнуты в должном порядке, можно

Элеонора Тютчева (в девичестве графиня фон Ботмер), первая жена поэта. Работа неизвестного художника. 1827

только дивиться очарованию его беседы и манер, все же позволявшим Тютчеву быть желанным гостем на самых роскошных, самых безукоризненных светских приемах и раутах. Впрочем, терпели же хромоногого Гефеста на своих пирах мифические боги-олимпийцы и даже потешались над ним?

Впервые после бесцельных, праздных блужданий по Европе почувствовала некую уверенность жена Федора Ивановича: «Я благодарю Бога за то, что он вселил в мою душу твердое и непоколебимое решение приехать в эту страну, которая нравится мне несравненно более, чем Германия...» Заметила Эрнестина Теодоровна и благие перемены в настроении мужа: «Тютчев тоже вполне помирился со своей родиной, и было бы неблагодарностью по-прежнему ее

ненавидеть. Так его тут любят и ценят больше, чем где бы то ни было».

Прежнее недоброе чувство, мы знаем, было спровоцировано общим врагом величайших русских поэтов канцлером Нессельроде, державшим молодого дипломата на голодном пайке, не дававшим ему продвижения по службе при самых восторженных отзывах его начальников. Теперь в России спектр отношений поэта с соотечественниками значительно расширился, и все же слова Эрнестины Теодоровны

о том, что его тут «ценят больше», нужно понимать только с оглядкой на тонкую иронию, присущую этой остроумной женщине. Хотя Тютчев и был снова принят на службу в МИД, дела ему долго никакого не давали, а платили ничтожно мало. По остроумному замечанию Погодина, «настоящей службой его была беседа в обществе». Но, увы, оплата за такую службу не предусмотрена.

14 апреля 1845 года Тютчеву было возвращено звание камергера. Когда возникла необходимость в надлежащем мундире, Эрнестина Теодоровна, которой и предстояло раскошелиться, сообщила в письме к брату: «Теодор и слышать не хочет о расходе на такой предмет, который доставляет ему так мало удовольствия».

Сам абсолютно равнодушный к деньгам, Федор Иванович

все-таки видел, как трудно его супруге справляться с петербургской дороговизной, как стеснена его семья, вынужденная в целях сокращения расходов ежегодно месяцев на шесть уезжать в Овстуг. Не хватало даже на учителей, а посему обходились своими силами. Со слов Анны, старшей дочери поэта, мы узнаем затейливый механизм самообразования в его семье: «Мама учит трех моих сестер английскому, моя сестра (должно быть, речь идет о Дарье) обучает русскому, я же даю Мари и Ивану уроки по всем предметам, ибо у нас нет гувернантки. Никогда не думала, что законодательство древнего Египта и Ассирии или спряжение глаголов могут быть столь увлекательны. Я очень люблю детей и очень люблю чему-нибудь их обучать». Домашние занятия с братом и сестрой определили будущее призвание Анны, которой впоследствии было суждено стать воспитательницей великой княжны Марии, дочери императора Александра II.

Сам Федор Иванович, если и отпирался в Овстуг, долго там не задерживался. В деревне подстерегала его все та же хандра, и он с великой поспешностью возвращался к столичной жизни. Только рассеяние, доставляемое блужданием по светским салонам, давало возможность отвлечься от едва ли не физиологически присущей ему тоски. В этом он был прямой противоположностью Пушкину, которого именно салоны вгоняли в тоску и которого тянуло в деревню. Но Пушкин был поэт, осознающий в стихах свое призвание, способный много и плодотворно трудиться на этом поприще.

В Тютчеве поэтического ремесленничества не было и на йоту. Абсолютная неспособность к продолжительному целенаправленному труду. Благодарение Богу, что рядом с ним жил такой тонкий психолог и такая умница, как Эрнестина

Теодоровна, в семейной переписке которой мы находим обилие глубоких и верных наблюдений над мужем: «Эта лень души и тела, эта неспособность подчинить себя каким либо правилам ни с чем не сравнимы...», «физический акт писания для него истинное мучение, пытка, которую, мне кажется, мы даже представить себе не можем». «Самое воздушное, самое романтическое воплощение поэта» – это уже слова не Эрнестины Теодоровны, а Афанасия Фета, сказанные им несколько позднее, но по тому же адресу.

Стихи приходили к Тютчеву непрошено, как верный отзвук всего прекрасного и истинного в его прекрасном и мудром сердце, как отзвук чужого страдания в его измытаренной хандрою и нравственными муками болезненно-совестливой душе. Чаще всего это случалось где-нибудь в дороге, когда он оставался один на один со своими чувствами и мыслями. Так, однажды в дождливый осенний вечер, возвратившись домой на извозчикьих дрожках, почти весь промокший, он сказал встретившей его дочери: «Я сочинил несколько стихов». И пока его раздевали, продиктовал:

*Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой...
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистощимые, неисчислимы, —
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую, порою ночной.*

Удивительное создание, Федор Иванович Тютчев был как бы огражден присущей ему ленью от всякой возможности заморить свой необыкновенный дар регулярным писательским трудом. Эрнестина Теодоровна, едва ли понимая, что свобода Федора Ивановича даже от внешних форм сочинительства является одним из необходимых условий его гения,

сокрушалась: «Бедняга задыхается ото всего, что ему хотелось бы высказать: другой постарался бы избавиться от переизбытка мучающих его мыслей статьями в разные газеты, но он так ленив и до такой степени утратил привычку (если она только у него когда-нибудь была!) к систематической работе, что ни на что не годен, кроме обсуждения вслух вопросов, которые было бы, вероятно, полезнее довести до общего сведения, излагая и анализируя их письменно».

Похоже, жена Тютчева не понимала, что эти разговоры – наиболее естественная форма обработки мыслей, постепенно вызревающих внутри поэта. Иначе не удивилась бы, когда в конце сороковых годов Федор Иванович продиктовал ей набело несколько статей о политическом положении Европы и главенствующей роли России в решении самых крупных и жизненно важных проблем западного мира. Не удивили бы и стилистическая законченность употребляемых Тютчевым оборотов, и всесторонняя обдуманность предмета, и выстраданность оригинальных мыслей. Эти работы и попросились на бумагу, когда объем наговоренного материала перерос рамки частных разговоров и потребовал более широкого звучания.

Подготовительным трамплином для этих потрясших политическую Европу статей явилась брошюрка, напечатанная Тютчевым в Германии перед самым отъездом в Россию. А непосредственным поводом – революция, начавшаяся в феврале 1848 года во Франции и быстрыми трепещущими языками мятежного пламени охватившая всю Западную Европу. Статьи были написаны по-французски и опубликованы в Париже: «Россия и революция», «Папство и Римский вопрос». При этом Федор Иванович утверждал, что в современной Европе реально

существуют только две противоборствующие силы: Россия и Революция. Но из его же собственных рассуждений вырастало наличие и некой третьей великой силы, как могущественный призрак, чуть ли не повелевающей первыми двумя; причем имя ее угадывалось уже по названию и темам второй тютчевской статьи – Религия!

Карл Пфеффель, будучи свидетелем произведенного статьями фурора, высказал уверенность, что Тютчев мог бы стать европейской знаменитостью как политический писатель. Насколько Федор Иванович был далек от подобных честолюбивых устремлений, говорит уже то, что статьи были напечатаны анонимно. Ни слава, ни богатство его не привлекали. Жил он только сердечными привязанностями и потребностью, общей для всех поэтов, высказаться. <... >

В России статьи Тютчева были восприняты, как и все идущее с Запада, с подобающим вниманием и серьезностью. Такая реакция отечественных политиков входила в расчет Федора Ивановича, который и направил свой бумеранг за границу, чтобы, возвратившись, он сумел сокрушить косность тугоголовых вершителей русской дипломатии. Но и ошеломить их ему едва ли удалось. Для такового воздействия на их неповоротливые мозги скорее бы подошла обыкновенная дубина, чем его высокоинтеллектуальные политические рассуждения. А поэту мечталось, что он напишет еще целый ряд статей, которые вместе с уже изданными составят книгу «Россия и Запад». Но, как видно, все самое главное по этому поводу было им уже сказано.

Получив 1 февраля 1848 года должность чиновника особых поручений и старшего цензора при особой канцелярии МИДа, Федор Иванович, должно быть, в качестве одного из «особых поручений»

Эрнестина Тютчева (в девичестве баронесса фон Пфеффель), вторая жена поэта. Работа Фридриха Дюрка. 1840

начинает вести тонкую информационную игру на основе переписки Эрнестины Теодоровны с ее братом Карлом Пфеффелем. Вполне понятное любопытство германских властей к письмам, приходящим из России, превращало такую игру в весьма действенный дипломатический инструмент. Можно представить, с каким азартом перлюстрировались, например, такие сообщения: «Вас интересуют турецкие дела. Муж просит передать вам <...>, что избежать войны будет нетрудно, ибо Россия войны не ищет...»

Общая стратегия в этой игре была такова, что через переписку жены русского дипломата со своим братом насаждалась идея, будто Россия защищает не столько свои интересы, сколько принципы монархической власти. Если, мол,

предсказаниям начаться весной 1849-го, запоздала лет на пять.

Конец 40-х годов был омрачен для Федора Ивановича участившимися приступами тоски. Однообразие. Скука. Все менее и менее находил он пищи для ума и чувств. Эрнестина Теодоровна, бессильная помочь в охватившей его депрессии, кажется, согласилась бы на любые тактики – лишь бы вывести мужа из этого состояния: «Я бы хотела ради него, чтобы в мире политическом произошло какое-нибудь новое событие, которое могло бы занять и оживить его». Однако просветление затосковавшему поэту пришло не через всемирные потрясения, а через его собственное сердце. И вот как это произошло.

Две дочери Тютчева: Дарья и Екатерина обучались в «Воспитательном обществе для благородных

девиц» при Смольном монастыре. Навещая их, Федор Иванович познакомился с инспектрисой сего учебного заведения – Анной Дмитриевной Денисьевой. Бывая у нее дома, постепенно сблизился с ее племянницей Еленой Александровной Денисьевой, в которой его жена поначалу не распознала серьезной соперницы и даже увидела своеобразный громоотвод от более опасных увлечений более яркими женщинами высшего света. И как ошиблась! Ибо Елена Александровна ответила на ухаживания Тютчева такой глубокой, такой самоотверженной страстью, что поэт оставался пленником этой женщины вплоть до самой ее кончины.

На исходе 1850 года, когда они сошлись, ей было 25, ему – 47, но ведь недаром Эрнестина Теодоровна называла его – Чаровник. Впрочем, вот словесный портрет поэта, сделанный мужем сестры Елены Александровны, журналистом Георгиевским: «В одежде небрежен, даже неряшлив. Но всегда гладко выбрит. Волосы всклокочены, брошены по ветру, походка ленивая, роста небольшого. Но этот широкий и высокий лоб, эти живые карие глаза и тонкие губы, складывающиеся часто в пренебрежительную усмешку, придавали его лицу большую выразительность и даже привлекательность. Но чарующую силу сообщал ему его обширный, сильно изощренный и необыкновенно гибкий ум. Более приятного, более разнообразного и занимательного, более блестящего и остроумного собеседника трудно себе и представить. В его обществе вы чувствовали сейчас же, что имеете дело не с обыкновенным смертным, а с человеком, отмеченным даром Божиим, с гением...»

В этом описании личности Тютчева не означена, пожалуй, только одна из его существенных особенностей – отсутствие мотивов к жизни и поэтому постоянная

потребность ощущать на себе чью-то любовь и зажигаться от чужого чувства. Темпераментная до истеричности Денисьева подходила на эту роль более чем всякая другая. Вот почему именно ей и было суждено стать последней любовью поэта.

Последняя любовь

*О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!
Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе,
бродит сиянье, –
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.
Пусть скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
Оты, последняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность.*

В 1850 году новый владелец «Современника» Николай Алексеевич Некрасов опубликовал в своем журнале статью, в значительной мере посвященную разбору давнишней подборки Тютчева «Стихотворенья, присланные из Германии», объявив ее автора первостепенным талантом и перепечатав все 24 стихотворения, обнародованных Пушкиным. Это событие несколько гальванизировало едва-едва теплящееся в поэте сознание авторского долга и даже подвигло его на некоторую, правда минимальную, издательскую активность. Что-то из своих стихов он посылает в журналы, а в 1852 году была начата подготовка отдельной книжки. За дело взялся муж сестры Федора Ивановича, издатель литературного сборника «Раут». Однако до конца его не довел и книжку не выпустил. Этот Гераклов подвиг суждено было совершить другому человеку – Ивану Сергеевичу Тургеневу.

Один из активнейших сотрудников «Современника», Тургенев близко сходится с Тютчевым, привлеченный умом, талантом и политическим кругозором поэта. Однако же кроме несомненного удовольствия, которое находил он в этом общении, Иваном Сергеевичем руководила и более узкая, более прагматичная цель. Замечательный подвижник русской литературной славы, открывший для Европы Пушкина и Льва Толстого, ставший первым и весьма усердным издателем Фета, возымел он желание совершить и наитруднейшее деяние – вымолить у Тютчева позволение на выпуск его стихов. И было это тем более сложно, что и обыкновенное напоминание об его поэтическом даре Федор Иванович переживал крайне болезненно, вероятно оттого, что по причине лени и рассеянного образа жизни не находил в себе ни желания, ни сил следовать своему призванию.

Возможно, что смущала поэта и притча о зарытом таланте, ибо поэзия была для него только способом коротать время в дороге и оживлять минуты вынужденного одиночества. Подлинным его творчеством была обыкновенная беседа, разговор. Там, в светских гостинных и аристократических салонах, среди замороженного, очарованного его речами общества обретал Тютчев милый его сердцу успех. Все обольщения авторского самолюбия бледнели перед этими реальными в духе античных ораторов триумфами. Если для писателя необходимейшим условием является способность воспламеняться уже при виде чистого листа бумаги, то Федора Ивановича вдохновляла светская толпа, теснящаяся вокруг в надежде поживиться свежим, глубоким суждением или меткой остротой. <...>

Старания Тургенева возымели свое действие. И новые стихи, и решение от автора на их издание

были получены. В 1854 году в приложении к мартовской книжке «Современника» вышло 92 стихотворения Тютчева, а в майском номере еще 19. В том же году эти стихи были выпущены отдельным изданием. И еще: в апрельском номере «Современника» была напечатана статья Тургенева «Несколько слов о стихотворениях Ф. И. Тютчева», в которой Иван Сергеевич назвал его «одним из самых замечательных наших поэтов, как бы завещанного нам приветом и одобрением Пушкина».

Наконец-то к стихам Тютчева было привлечено внимание читающей России! Поэту уже шел шестой десяток, когда о нем заговорили. Да еще как! Лев Николаевич Толстой, прочитав стихи Тютчева, «просто обмер от величины его творческого таланта». А мы разве не испытаем то же чувство изумления, прочитав, к примеру, такое: *Est in arundineis modulatio musica ripis* (Есть музыкальный строй в прибрежных тростниках (лат.). – Ред.).

*Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный мусикийский шорох
Струится в зыбких камышах.
Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе, –
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею создаем.
Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?*

Впрочем, сам Федор Иванович был полностью безучастен и к изданию своей книги, и к своему литературному успеху. Как и камергерский мундир, все это доставляло ему слишком мало удовольствия. Сознание же выполненного авторского долга (стихи изданы!) еще более отдаляло его от мыслей о литературе и оставляло на съедение сердечным мукам...

ТЮТЧЕВИАНА

НАШ СОВРЕМЕННОК Ф. И. ТЮТЧЕВ

Его поэзия – не сообщение об итогах поиска, но сам неостановимый поиск

НИКОЛАЙ СКАТОВ
(1931–2021)

Фотографический портрет Федора Тютчева работы Андрея Денъера. 1864

В конце позапрошлого века поэт Афанасий Фет написал стихи:

*Вот наш патент на благородство, –
Его вручает нам поэт;
Здесь духа мощного господство,
Здесь утонченный жизни цвет.*

*В сыртах не встретишь Геликона,
На льдинах лавр не расцветет,
У чукчей нет Анакреона,
К зырянам Тютчев не придет.*

*Но муза, правду соблюдая,
Глядит, – а на весах у ней
Вот эта книжка небольшая
Томов премногих тяжелей.*

Эти стихи Фет так и называет: «На книжке стихотворений Тютчева».

В русском эпосе есть рассказ о Микуле Селяниновиче, чья небольшая сумочка переметная заключала такую силу, что оказалась премного тяжелее любых тяжестей и не в подъем иной, даже богатырской, силе.

Да, Федор Тютчев, императорский камергер в придворной службе, европейский дипломат в государственной политике и знаменитый остроумец в светском быту, стал в русской поэзии подлинным Микулой Селяниновичем. «Книжка небольшая» перетянула многие поэтические тома, написанные и раньше, и тогда, и потом. Понимание Тютчева или хотя бы приобщение к Тютчеву Фет достаточно высокомерно, но, в общем,

справедливо назвал «патентом на благородство» – столь эта поэзия казалась ему высокой и в выськости неприступной. Эта «книжка небольшая» явно воспринималась и как книжка для немногих.

Уже в позапрошлом веке можно было говорить о широком признании и Пушкина, и Кольцова, и Некрасова, но только не Тютчева. А ведь Тютчев напечатал свои первые, и одни из лучших, стихи еще в конце двадцатых годов, в пушкинскую эпоху, названную Александром Блоком самой культурной эпохой в жизни России. Но даже эта пушкинская эпоха просмотрела Тютчева. Правда, не сам Пушкин. Именно Пушкин впервые в своем журнале «Современник» опубликовал сразу большой цикл тютчевских произведений (24 стихотворения) под названием «Стихотворения, присланные из Германии».

Дело в том, что Тютчев к тому времени уже жил не в России, а в Баварии. А родился Тютчев 23 ноября (5 декабря) 1803 года в самом центре России – в Орловской губернии, где находилась усадьба родителей Овстуг (сейчас это Брянская область). Именно из этих среднерусских мест выходила чуть ли не вся большая русская литература: Толстой, Тургенев, Лесков, Фет, Тютчев. Будущий поэт получил отличное образование в домашних стенах. И литературное тоже – его домашним учителем был довольно известный в свое время поэт и издатель Семен Егорович Раич. При этом, как часто бывало в стародворянских семьях, роль хранителя национально-нравственной традиции и многолетнего пестуна сыграл простой русский «дядька» Николай Афанасьевич Хлопов. Образование Ф. И. Тютчева было продолжено и завершено в 1821 году в Московском университете.

Поступивший на службу в коллегию иностранных дел юный дипломат уже через несколько месяцев уехал с русской миссией в Мюнхен. Чтобы долгих двадцать два года служить на чужбине. Чтобы жениться на немке (Элеоноре Петерсон) и после ее смерти снова жениться на немке (Эрнестине Дернберг). Чтобы, оказавшись в одном из центров культурной жизни Европы, встречаться с Шеллингом и дружить с Генрихом Гейне и стать самому одним из центров, к которому тянулись лучшие европейские умы: дом Тютчевых в Мюнхене, по словам Гейне, «прекрасный оазис». Чтобы перестать, так сказать, жить на русском языке: немецкий и главным образом французский становится языком его службы, его любви, его семьи.

Но «Стихотворения, присланные из Германии» были написаны по-русски и для России. Именно потому Некрасов позднее написал: «Прежде всего скажем, что, хотя они и присылаемы были из Германии, не подлежало никакому сомнению, что автор их был русский: все они написаны были чистым и прекрасным языком и многие носили по себе живой отпечаток русского ума, русской души».

Русский язык хранился у поэта, как в сказочной кладовой, которая открывалась нечасто и ненадолго. Но по-русски творилось, как оказалось, главное дело жизни – стихи.

Вспышка интереса к Тютчеву после публикации в пушкинском журнале вскоре угасла. Тем более что и в целом русская поэзия вступила тогда в полосу затяжного кризиса. Лишь в 1850 году к Тютчеву снова обратилось внимание большого журнала. И снова это был «Современник», ставший к тому времени некрасовским. В статье «Русские второстепенные поэты» Некрасов перепечатал почти все известные

стихи Тютчева, разобрал их и смело поставил рядом с лучшими произведениями русского поэтического гения: «Только талантам сильным и самобытным дано затрагивать такие струны в человеческом сердце, вот почему мы нисколько не задумались бы поставить г. Ф. Т. рядом с Лермонтовым».

После двадцати с лишним лет поэтического труда Тютчев все еще не имел полного литературного имени. И не только в переносном, но и в прямом смысле. Лишь в 1854 году выходит первый сборник стихов Тютчева, а в творчестве самого поэта начинается новый подъем: стихи печатаются в разных журналах, особенно в «Современнике», о них пишут, говорят, спорят.

О чем спорить? Ведь, на первый взгляд, большинство стихов Тютчева лишено злободневности, посвящены они вечным темам: приroda, любовь.

Уже в 1877 году, сразу после похорон Некрасова, Достоевский написал: «Был, например, в свое время поэт Тютчев, поэт обширнее его и художественнее, и, однако, Тютчев никогда не займет такого видного и памятного места в литературе нашей, какое останется за Некрасовым».

Сказано о Тютчеве здесь чуть ли не снисходительно («например»), в прошедшем времени («был», «в свое время») и в уверенности, что не займет он такого уж «видного и памятного места в литературе нашей».

Но идет и идет все расставляющее по местам время и, ничуть не затеняя места Некрасова, все виднее и виднее делает место Тютчева и, кстати, все более уточняет удивительные по прозорливости слова Достоевского об обширности поэзии Тютчева. Такой обширности, какой до того не знала, может быть, и вся русская литература, не исключая самого Пушкина.

Овстуг — родовое имение Тютчевых

Что же это за обширность, по-этом которой не стал даже зрелый Пушкин и каким не успел стать юный Лермонтов?

Рассказывают, что когда-то наш великий инженер Сергей Королев, с полным сочувствием и симпатией относясь к современным офицерам-космонавтам, не без то-ски вспомнил еще одного русского офицера: «Вот бы кого послать в космос — Лермонтова».

Россия и отправила в звездные миры первого своего космонавта — первого своего поэта, устремившегося в космические бездны, первого и принявшего всю тяжесть

космических, во всяком случае в психике, перегрузок.

*Небесный свод,
горящий славою звездной,
Таинственно глядит из глубины.
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.*

Еще до революции один из писавших о Тютчеве проговорился точным словом о нем как о поэте «космического чувства». Специалисты говорят о побывавших в космосе как о людях уже иного мироощущения, потому-то и Королев мечтал о великом поэте как единственно

по-настоящему способном передать такое мироощущение.

*Есть некий час в ночи
всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится
в святилище небес!*

У Тютчева за каждым явлением природы ощущается колоссальная и загадочная жизнь целого мироздания.

*Не остывшая от зною
Ночь июльская блистала...*

*И над тусклою землею
Небо, полное грозою,
Все в зарницах трепетало...
Словно тяжкие ресницы
Подымались над землею,
И сквозь беглые зарницы
Чьи-то грозные зеницы
Загорались порою.*

«Явление природы, — заметил тогда же по поводу этого стихотворения А. В. Дружинин (писатель, литературный критик и переводчик XIX века — *Ред.*), — простое и несложное да сверх того взятое без всяких отношений к миру фантастическому, разрастется

в картину смутного и как бы сверхъестественного величия».

Грубосоциологическая критика писала в свое время, что Тютчев «уходил» в своих стихах от жизни. Такая оценка казалась несправедливой, а между тем это так, хотя Тютчева это, конечно, не принижает.

Тютчев действительно уходит от многого — целеустремленно и последовательно. Это поэзия, освобождающаяся от всего эмпирического, житейского, затемняющего вычленение конечных проблем бытия.

Именно потому, что Тютчев бился над главными, «проклятыми», последними вопросами бытия, он оказывается современен и для начала XIX века, и для конца XX, и для начала XXI.

«Трудно принять историческую точку зрения на Тютчева, — написал еще в начале XX века один из историков русской литературы, — трудно отнести его творчество к одной определенной и законченной эпохе в развитии русской литературы. Возрастающий для нас смысл его поэзии внушает нам как бы особую, внеисторическую точку зрения на него».

Не потому ли, в частности, Тютчев стал, может быть, единственным в нашей литературе, не исключая даже Пушкина, поэтом, в признании которого и в любви к кому неизменно сходились все: консерваторы и прогрессисты, националисты и космополиты, революционеры и реакционеры; не очень-то любивший стихи Лев Толстой и до одержимости их любившие деятели Серебряного века, Некрасов и Шевченко, Добролюбов и Достоевский. Тютчевские стихи просил прислать заключенный в Петропавловскую крепость Чернышевский, а Ленин имел у себя в кремлевской библиотеке буквально под рукой «всего» Тютчева и даже такое

довольно редкое издание, как «Тютчевиана».

Недаром после смерти поэта в некрологе было сказано, что у него нет врагов. Во всяком случае, в литературной критике таковых действительно не было.

Характерно, что лишь русским либералам, с полным и даже особым расположением относившимся к Тютчеву, поэт, по сути, оказался не по зубам. Впрочем, недаром он писал: «Чем либеральней, // Тем они пошлее».

Конечно, Тютчев говорил о либералах-политиках и уж тем более непозволительно говорить о пошлости, скажем, либерала Тургенева, и все-таки если для Достоевского обширность — одно из главных достоинств Тютчева, то Тургенев, много сделавший для издания и пропаганды Тютчева, чуть ли не извинился: «Круг г. Тютчева не обширен — это правда». Нечто подобное промямлил и Дружинин: «Область г. Тютчева невелика».

Все это знаменовало только одно: неспособность, может быть, и боязнь войти в этот круг и объять все величие той области, которую открывал для человечества г. Тютчев.

Есть в русском народном эпосе поэтическая формула:

*Высота ли, высота поднебесная,
Глубота ли, глубота, — окиян-море.*

Вот так поэзия Тютчева не только поднимается в высоту поднебесную. Его «космическое» чувство охватывает всю полноту и единство мира. Оно опрокинуто и в глубину бесконечную, обращено, как теперь выражаются, «вовнутрь», погружено в неисчерпаемый окиян-море человеческой души.

Его стихи философичны только по проблематике, по глубине, по способности выйти к конечным вопросам бытия: жизнь

Страница журнала «Современник». 1836

и смерть, вера и безверие, хаос и космос. Но мысли и чувства поэта лишены абстрактности, их пробуждает только конкретная жизнь, и они высекаются со страшной силой, оказываясь захватывающим лирическим порывом. Его поэзия не информация о найденном, не провозглашение окончательных истин, не сообщение об итогах поиска, но сам неостановимый поиск.

Тютчевская лирика – это, наверное, единственная в своем роде лирика-трагедия. По непримиримости столкнувшихся в ней начал и по силе самого столкновения Тютчев может быть сравним в нашей литературе с Достоевским: культ личности и ее ниспровержение, утверждение Бога и его отрицание, заявление духовности природы и ее опровержение.

Своеобразные «геополитика» и «космизм» в полной мере проявились у Тютчева и в такой, казалось бы, интимной и камерной сфере, как любовь. У него это действительно «глубота, глубота, окиян-море» – стихия

в ее загадочности, бездонности, неподвластности человеку, постоянное извлечение непознанного и неисчерпаемость такого извлечения.

Мертвенность, прострация души – страшный опыт, который, самоотверженно пытая себя, обнаруживал поэт в качестве приметы целой эпохи или даже целых эпох, взваливая на себя всю тяжесть вестника вселенской тревоги. Называя преобладающим аккордом современности «принцип личности, доведенной до какого-то болезненного неистовства», Тютчев продолжает: «Вот чем мы все заражены, все без исключения».

Это и конечный итог всех совершившихся революций, представивших в разных обликах, когда к власти приходит меньшинство западного общества, которое порвало с исторической жизнью масс и отрешилось от всех положительных верований, а массы в результате явили безымянный люд, одинаковый во всех странах, личности, которым свойственны индивидуализм, отрицание.

*Не плоть, а дух растлился
в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет
и бунтует.*

*Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры – но о ней
не просит...*

Здесь чрезвычайно важна именно способность приятия, уже сама готовность поверить: «Душа готова, как Мария, к ногам Христа навек прильнуть», – скажет Тютчев в других стихах.

Веру не вымалывают, и ею не награждают. Вера – не премия, которую можно дать, и не подачка,

которую можно отнять. Она возникает не только благодаря... и поточто... но часто существует именно вопреки... и несмотря на...

О вере действительно не просят, она приходит (конечно, если к ней идут), пусть и вопреки уму и общим стандартам, но она не возникает из ничего, абсолютно реальна и отнюдь не слепа. Такой-то верою неизменно и была для Тютчева вера в Россию.

Но главным было русское слово. Не поэт и тем более не великий поэт может не верить – но великий поэт не может не верить, чтобы такой язык, говоря словами Тургенева, был дан не великому народу. Для великого поэта это такое же безусловное доказательство, как математическое доказательство для математика, как точные экономические расчеты для экономиста. В словесном океане каждый находит свое: Пушкин и Гоголь, Некрасов и Ахматова, Твардовский и Мандельштам.

Русское слово обеспечило поэту возможность столь концентрированного, столь плотного представления общечеловеческого духовного бытия на самых высотах. А уж великий-то поэт точно знает, кому он этим обязан: «Иду сейчас в Кремль, – пишет Тютчев И. С. Аксакову, – поклониться русскому народу, этому, как и следует в его минуты вдохновения, великому бессознательному поэту».

Великий поклонился великому. Потому и рождаются стихи – одни из самых значимых в русской литературе.

Когда-то Белинский сказал, что вера в идею спасает, а вера в факты губит. Тютчев, по существу, выразил то же, полусутоливо и не раз заметив: «В России нет ничего серьезного, кроме самой России».

«Патриотическую эволюцию», когда Тютчев «почувствовал отращивание к Западу и обратился к своей исходной точке – России»,

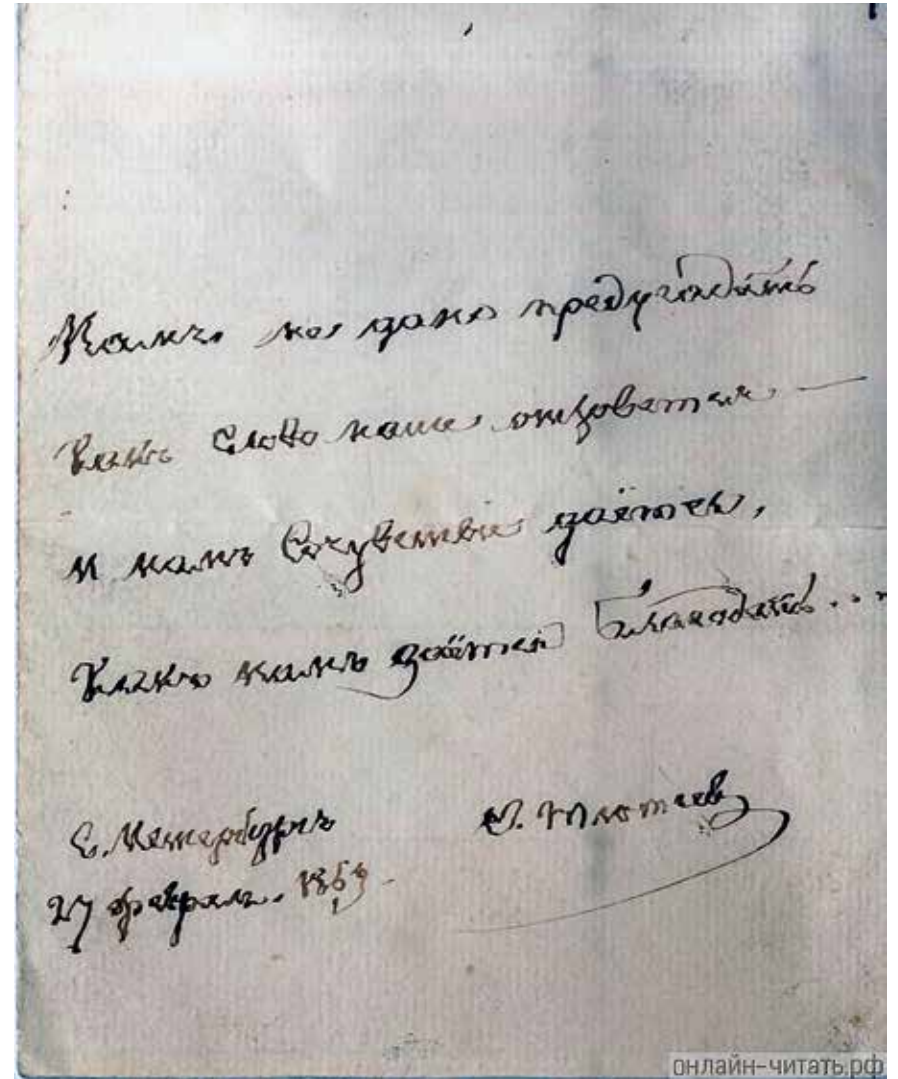
Пфеффель (барон Карл фон Пфеффель, баварский публицист, брат второй жены Тютчева Эрнестины. – Ред.) назвал «окончательной». И дело не просто «в патриотической эволюции». Вся она обозначилась как движение к России народной. Недаром М. П. Погодин назвал его решительно первым представителем народного сознания о русской мысли в Европе, в Истории.

В официальной записке «О цензуре в России» камергер двора Его Величества Федор Тютчев писал: «Судьба России уподобляется кораблю, севшему на мель, который никакими усилиями экипажа не может быть сдвинут с места, и лишь только одна приливающая волна народной жизни в состоянии поднять ее и пустить в ход».

Не ставя под сомнение сам принцип династического самодержавного правления, Тютчев прямо связывает его с началами жизни народа: «Чем народнее самодержавие, тем самодержавнее народ».

Когда-то знаменитый русский философ Вл. Соловьев писал: «Для Тютчева Россия была не столько предметом любви, сколько веры – “в Россию можно только верить”... Тютчев не любил Россию той любовью, которую Лермонтов называет почему-то “странной”. К русской природе он скорее чувствовал антипатию. “Север роковой” был для него “сновидением безобразным”, родные места он прямо называет немилыми... Значит, вера его в Россию не основывалась на непосредственном, органическом чувстве, а была делом сознательно выработанного убеждения».

Суть в том, однако, что для Тютчева дело веры неразрывно связано с чувством любви. Вслед за хорошо усвоенным Паскалем Тютчев мог бы сказать: «Бога познают сердцем, а не рассудком. Вот что такое вера. Бог является сердцу,

Рукопись стихотворения «Нам не дано предугадать»

а не рассудку». Потому-то и у Лермонтова его «странную» любовь к Отчизне «не победит рассудок».

И тютчевская любовь к тому, «что сквозит и тайно светит», лишь чуждому «взору иноплеменному» могла показаться «странной», а по мере приближения к России становилась чувством все более непосредственным и органическим.

Далеко позади обольщение роскошным «волшебным» югом. У К. Пфеффеля были все основания удивляться: «Не понимаю, что привлекательного находит Ваш муж (письмо от 25 марта/6 апреля 1855 года, адресовано сестре

Эрнестине Тютчевой) в этих морозах. Прежде он только и говорил о стремлении к югу и охотно цитировал: “Dahin! Dahin”!»

Но и через одиннадцать лет уже Эрнестина Федоровна пишет брату о том же: «Мой муж не может жить более вне России <...> Не знаю даже, согласится ли он когда-нибудь совершить хотя бы кратковременное путешествие за границу, настолько тягостно ему воспоминание о последнем пребывании вне России, так сильна была у него тогда тоска по родине и так тягостно его сознание своей оторванности от нее».

ДИПЛОМАТ И ПРОВИДЕЦ С ДУШОЙ ПОЭТА

Ф. И. Тютчев: «Если пристально рассматривать ход событий,
борьба между Западом и нами никогда не прекращалась...»

ВЯЧЕСЛАВ КАТАМИДЗЕ

Мюнхен в XIX веке

Россия XIX века была удивительно богата философами, литераторами, художниками и композиторами, вовлеченными в поиски путей в будущее для своего народа, оптимальных решений политических и экономических вопросов, что, по их мнению, могло бы обеспечить благоденствие огромной державы.

Среди них были и романтики (как некоторые декабристы), и сторонники заговоров (как народовольцы), и масоны. Свои задачи они видели и трактовали по-разному. В своем абсолютном большинстве они составляли группу людей, живших в мире фантазий и утопий, поскольку обогнать бег времени никогда не представляется возможным.

Но в XIX веке особую группу мыслителей составляли в России реалисты. То были люди, получившие разностороннее образование, знавшие иностранные языки, много путешествовавшие или годами жившие за границей, где общались с людьми, открыто выражавшими свои суждения, читали местные газеты, внимательно следили за выступлениями ведущих политиков и на основе конгломерата полученных знаний могли оценить происходившие в Европе события и деятельность крупнейших западных политиков – порой лучше большинства самих европейцев.

Конечно, в своей массе люди в Западной Европе были лучше образованы, чем миллионы крепостных крестьян и мещан в царской России, но российское дворянство уже начиная с XVIII века получало блестящее образование.

Самыми выдающимися мыслителями в XIX веке были русские дипломаты. Выходцы из дворянской среды, они обладали подчас энциклопедическими знаниями, дававшими им несравненные преимущества в их противостоянии с политическими противниками. Но это, увы, было далеко не всегда. Проблема здесь заключалась в двух принципах, которыми они руководствовались. Первое, чисто сословное, подсказывало им, что нельзя делать ничего, что мешало бы дворянству осуществлять свое «божественное предназначение», и, следовательно, лучше быть в союзе с дворянами других стран,

чем в союзе со своим собственным народом. Второе основывалось на тех постулатах, которыми их питали учителя: все лучшее, все самое правильное идет из «мудрой и просвещенной Европы».

Мы, люди XXI века, помним недавний период в истории России, когда многие искренне верили, что нужно во всем подражать Западу, что он умнее, образованнее, нравственнее. Между тем постулаты такого рода были в моде у части населения России начиная с XVII века! А в XIX веке у значительной части элиты они стали доминирующими.

Давайте возьмем российского дипломата в западноевропейской стране в 1840-е годы. Он выпускник лицея, получил академическое образование. Возможно, какое-то время жил за границей еще до того, как получил университетское образование и был приписан к Министерству иностранных дел (или существовавшей до 1830-х годов Коллегии иностранных дел). Он сочиняет стихи или прозу, иногда музыку. Большинство писем, будь то официальное послание или любовная переписка, он пишет по-французски. Он очень привязан к стране, в которой выполняет свою дипломатическую миссию, обожает ее природу и старинные замки и не представляет себе, что бы он делал в «лапотной России», если бы не был дипломатом.

Таков был не только собирательный образ российского дипломата в Европе 1830–1840-х годов, но и своего рода его архетип. Как у любого архетипа, у него была противоположность. Редкая, в своем роде уникальная. Классическим примером такой противоположности был Федор Иванович Тютчев, известный поэт, философ и дипломат.

Тютчев родился в дворянской семье, условия образования

Мемориальная доска Федору Тютчеву, установленная в 1999 году в Мюнхене (Германия) на здании по адресу Герцогшпитальштрассе 12, где во времена Тютчева размещалась Российская миссия. Архитектор А. К. Тихонов

и воспитания в которой могли сделать его франкофилом, а возможно, и человеком, чуждым интересам своего народа. Основным языком общения в семье Тютчевых был французский – русскую литературу никто не читал.

Все изменилось, когда Тютчеву исполнилось десять лет и у него появился воспитатель – Семен Егорович Раич (настоящая фамилия Амфитеатров). Сын священника, он окончил духовную семинарию, но сан не принял, а поступил в Московский университет. Стал кандидатом юридического факультета, а потом магистром словесных наук. На жизнь он зарабатывал педагогической практикой, но то было не репетиторство, а настоящее погружение вверенных ему юношей в литературно-исторический

ареал, в котором литературные образы сосуществовали с героями древней и средневековой истории. Этот ареал основывался на его собственных энциклопедических знаниях: Раич, несомненно, талантливый литератор, перевел на русский язык «Георгики» Вергилия и «Освобождение Иерусалима» Тассо.

Его труды по возвращению все сторонне образованных и, прежде всего, овладевших высокой словесностью молодых людей принесли плоды: среди его воспитанников кроме Тютчева были Михаил Лермонтов, Евгения Тур и другие литераторы. Что же касается Тютчева, то он получил от Раича еще один урок, пригодившийся ему в дипломатической деятельности: смотреть на мир шире, видеть панорамную картину развития

человечества, особенно в области влияния религии на массы.

После окончания Московского университета и получения кандидатской степени Тютчев был в 1822 году отправлен в Петербург для работы в Государственной Коллегии иностранных дел. Его родственник граф Остерман-Толстой собирался в то время ехать в Мюнхен для работы в русской миссии, и он пристроил Тютчева сверхштатным чиновником этой миссии.

Первой женой Тютчева стала вдова бывшего сотрудника миссии Александра Петерсона и дочь графа Ботмера – красавица Элеонора. Литературоведы полагают, что большая часть ранних стихотворений Тютчева посвящена ей. Спустя год после ее смерти Тютчев женился на баронессе Эрнестине Дернберг, вдове дипломата

Фридриха фон Дернберга, в связь с которой вступил еще при жизни первой жены. Отец Эрнестины, барон Христиан Гюбер фон Пфедфель, также был дипломатом – он возглавлял баварскую миссию, был послом в Лондоне и Париже.

Личная жизнь Тютчева, безусловно, имела проекцию на его творчество. Человек глубоко эмоциональный, ярко воспринимавший действительность, увлекавшийся всем, что радовало его взор, он, вполне возможно, не сознавал, что его идейно-философские концепции существуют в отрыве от его повседневной жизни, от его жизненного выбора. К примеру, в целом ряде своих писем и статей Тютчев писал о преимуществах православия перед лютеранством и католицизмом, подчеркивая, что русская православная церковь более народна и уже потому заслуживает того, чтобы люди прислушивались к ее наказам и традициям. Тютчев даже призывал к созданию «православной империи» как антипода папского престола – дабы уменьшить влияние последнего на судьбы мира.

Вместе с тем его личная жизнь не имела ничего общего ни с церковными канонами, ни с традициями православной церкви. В том, что он раскаивался, сомнений нет. После смерти своей последней возлюбленной Елены Денисьевой он глубоко переживал, осознав, в какое сложное положение он ее поставил, живя с ней вне брака, нарушая тем самым и светские, и церковные правила.

Однако идейно-философские концепции Тютчева, связанные с его патриотическими устремлениями и политической позицией (даже если они не проявлялись в повседневной жизни, а носили некий взрывной, продиктованный эмоциями характер), заслуживают самого серьезного рассмотрения. Более того, многие из высказанных

им мыслей, как в печати, так и в письмах, созвучны тем настроениям, которые существуют сегодня в российском обществе и высказываются подлинными российскими патриотами.

Тютчев был реалистом. Проведя за границей в общей сложности 22 года, он изучил все стороны западноевропейской политической и общественной жизни и убедился, что она проникнута лицемерием, что она контролируется даже не монархами, а небольшими группами людей, создавших огромную тень империю сверхбогачей и всемогущих вельмож. Это в их руках нити управления обществом, церковью, экономикой практически любой западноевропейской страны и, что еще важнее, судьбами многих стран, потому что они решают вопросы войны и мира. Подтверждения своим наблюдениям он находил, общаясь в Баварии и в других районах Европы с аристократами и дипломатами, посвященными в тайны европейских монархий и даже в дворцовые интриги, которые осуществляла время от времени «власть за троном». С ним делились на этот счет и его баварские родственники: братья и кузены его жен-аристократок.

Его знания и его чутье подсказывали ему, что Европа все глубже погружается в кризис и неминуемо будет искать выход в обострении отношений с Россией. При этом он в своих статьях и письмах (в частности, в письме к князю Петру Вяземскому, который был его постоянным корреспондентом и доверенным лицом) не раз отмечал особенность общественной мысли в России. Тютчев писал: «...нам, чтоб ориентироваться, достаточно было бы только оставаться там, где мы поставлены судьбою. Но такова роковая участь, вот уже несколько поколений сряду тяготеющая над нашими умами, что вместо сохранения за нашею

мыслью относительно Европы той точки опоры, которая естественно нам принадлежит, мы ее, эту мысль, привязали, так сказать, к хвосту Запада. Я говорю – мы, но не Россия. Ибо – и это нужно твердо помнить – умы в России 60 уже лет не переставали двигаться в направлении совершенно обратном к тому направлению, куда увлекали Россию ее судьбы. Наше умственное будущее (*notre avenir intellectuel*), – собственно для нас, – это был Запад...»

Надо было быть настоящим провидцем, чтобы таким поистине фантастическим образом предсказать события 1990-х годов!

Как реалист, хорошо чувствующий пульс европейского политического организма, он был одним из первых, кто предвидел неизбежное начало европейской войны, которую развяжут в 1850-е годы Англия и Франция против России – при пособничестве Турции и ее колоний в Европе. В самом начале 1854 года он писал князю Вяземскому, которому постоянно посылал политические оценки текущих событий, следующее: «Вы видите, князь, что я не преувеличил себе важность вчерашних известий. И теперь, не думаете ли Вы, что я могу оказаться прав, предвидя Европейскую войну будущей весной?»

Еще раньше, в феврале, он писал жене: «Мы, по всем вероятностям, накануне одного из самых ужасных переворотов, когда-либо потрясавших мир. Перед Россией встает нечто более грозное, чем 1812 год... Россия опять одна против всей враждебной Европы».

Война началась даже раньше, чем он ожидал, и была смертоноснее, чем предвидели царь и его окружение.

Она не стала ни неожиданностью для Тютчева, ни закономерным итогом политических хитросплетений. Он констатировал:

Памятник Федору Тютчеву в Мюнхене был открыт 11 декабря 2003 года в ознаменование 200-летия поэта. Скульптор Андрей Ковальчук

«Ну, вот мы в схватке со всей Европой, соединяющейся против нас общим союзом. Союз впрочем, неверное выражение, настоящее слово – заговор».

Он имел в виду прежде всего то, что Англия и Франция стоваривались между собой довольно долгое время, что они, как он выразился, «подтаскивали к своим делам» Турцию, а потом грозили за неповиновение Австрии, если она откажется им помочь.

При этом Тютчев всегда исходил из своей концепции постоянной угрозы для России со стороны Запада: «Я допускаю сближения, но с тем, чтобы они были лишь случайными и чтобы соглашаясь на них, ни на мгновение не забывалась та истина-догмат, что между Россией и Западом не может быть союза ни ради интересов, ни ради принципов, что не существует

на Западе ни одного интереса, ни одного стремления, которые бы не злоумышляли против России, в особенности против ее будущности, и которые бы не старались повредить ей».

В германской печати 1840-х годов не раз звучали сентенции, в которых высказывалась досада относительно размеров и богатств России. Любопытно, что спустя полторы сотни лет Мадлен Олбрайт, занимавшая в то время пост госсекретаря США, возродила западноевропейские сантименты, заявив: «Нечестно то, что России принадлежит такая большая территория, как Сибирь...». За шесть десятилетий до нее так же считал Гитлер.

Собственно говоря, непреходящая русофобия и стремление развалить Россию и использовать ее природные богатства всегда лежали

в основе политики Запада. Тютчев не сомневался в том, что периодические обострения такого рода неизбежны: «Если пристально рассматривать ход событий, борьба между Западом и нами никогда не прекращалась. В ней не было даже длительной передышки, а случались лишь короткие остановки. Зачем теперь это скрывать от себя? Борьба между Западом и нами готова разгореться еще жарче, чем когда бы то ни было...»

В силу своего положения и политической необходимости Тютчев, работая в мюнхенской миссии, постоянно знакомился с баварской и вообще германской периодикой. Он, еще будучи молодым человеком, оценил силу печатного слова в сфере политики, понял, что политическая направленность газетных статей часто зависит от международно-политической

конъюнктуры, а эту конъюнктуру создает не божий промысел, а люди, и к тому же люди нечистоплотные. К 1840-м годам эта конъюнктура сложилась таким образом, что западные державы были серьезно заинтересованы в ослаблении России и с этой целью использовали то, что сегодня зовется «мягкой силой», то есть публикацию в российской печати статей, в которых подвергалась сомнению целесообразность политических шагов царского правительства, в первую очередь, конечно, в сфере политики в отношении европейских стран. Вспомогательной мягкой силой был широкий экспорт в Россию западноевропейской печатной продукции, включая пасквили, написанные английскими, французскими и австрийскими русофобами.

В своих статьях Тютчев предупреждал российское общество, что, всячески черня Россию, западные страны в то же время медленно, но неуклонно ведут дело к тому, чтобы образовать коалицию из Англии, Франции, Австрии и Турции, а затем использовать любой предлог для войны с Россией.

Он писал: «Ту державу, которую поколение 1813 года приветствовало с благородным восторгом, удалось с помощью припева, постоянно повторяемого нынешнему поколению при его рождении, почти удалось, говорю я, эту же самую державу преобразовать в чудовище для большинства людей нашего времени, и многие уже возмужалые умы не усомнились вернуться к простодушному ребячеству первого возраста, чтобы доставить себе наслаждение взирать на Россию как на какого-то людоеда XIX века».

Одной из самых серьезных проблем Тютчев считал тот факт, что подобный образ России пытаются вбить в мозги и русских людей, всячески отрицая захватническую

роль наполеоновского нашествия и внушая им, что главной идеей этого нашествия было освобождение русского крестьянства от крепостничества и утверждение свободных торговых отношений, свойственных новой эпохе.

Он сознавал и опасность того, что писала радикально левая пресса, называющая себя либеральной, и что в совокупности пропаганда такого рода, подкрепленная западными изданиями, может быть разлагающей для общества, особенно в период конфронтации с Западной Европой.

Вот что писал Тютчев одному из членов Государственного совета: «Невозможно, чтобы правительство всерьез не озабочилось бы явлением, возникшим несколько лет назад и приобретающим такие масштабы, значение и последствия которых ныне никто не смог бы предвидеть. Вы понимаете, дорогой князь, что я разумею учреждение русских изданий за границей вне всякого контроля нашего правительства. Факт этот, бесспорно, важен, очень важен и заслуживает самого пристального внимания. Бесполезно пытаться скрывать растущий успех сей литературной пропаганды. Нам известно, что сейчас Россия наводнена изданиями такого рода, их жадно ищут, они с необыкновенной легкостью переходят из рук в руки и уже проникли если и не в неграмотные народные массы, то, по крайней мере, в достаточно низкие слои общества. С другой стороны, надо обязательно признаться, что, не прибегая к положительно притесняющим тираническим мерам, весьма трудно на самом деле воспрепятствовать как ввозу и сбыту этих изданий, так и вывозу за границу предназначенных для печати рукописей. Ну что же, наберемся смелости и дадим себе отчет в истинном значении и важности рассматриваемого факта;

это просто-напросто отмена цензуры, но ее отмена в пользу вредного и враждебного влияния; и, чтобы быть в состоянии бороться с ним, постараемся понять, что составляет его силу и приносит ему успех».

Настойчивые обращения Тютчева к правительственным чиновникам возымели свое действие. Его позицию и его воззрения на опасность враждебной для России пропаганды оценили, а талант и политическую зрелость решили использовать в практических делах. Заинтересованность в использовании Тютчева прежде всего проявил государственный канцлер Александр Горчаков. В начале 1848 года Тютчев стал старшим цензором при Министерстве иностранных дел; при этом ему был дан чин действительного статского советника, который, кстати говоря, давал право на потомственное дворянство. В круг обязанностей Тютчева входил просмотр газетных статей и заметок по вопросам внешней политики, а также руководство всей группой цензоров. Это означало, что он не только определял основные положения, которыми руководствовались цензоры, но и вырабатывал методику работы цензоров по разным направлениям их деятельности. После десяти лет работы он был повышен до председателя Комитета иностранной цензуры.

Его деятельность позволила на довольно долгое время существенно уменьшить пропагандистский потенциал российских недругов, среди которых в середине XIX века было немало способных людей, могущих нанести России идейно-политический ущерб.

Не оценить усилия Тютчева на этом направлении невозможно: он проявил себя как истинный патриот и мыслитель, действия которого были созвучны идеям подлинно русского патриотизма.

ТЮТЧЕВИАНА

«ДОЛЖНОСТЬ РУССКОГО БОГА – НЕ СИНЕКУРА...»

Из дневников Федора Ивановича Тютчева,
а также писем и рассказов современников о нем

Федор Тютчев. Фотография С. Л. Левицкого. 1856

Надежда Сергеевна Акинфьева, рожденная Анненкова, проживала в Санкт-Петербурге в одном доме с дядей своим, канцлером князем Горчаковым, причем квартира ее помещалась в верхнем этаже. В то время за ней ухаживал

герцог Николай Максимилианович Лейхтенбергский (внук императора Николая I и правнук Жозефины Богарнэ – *Ред.*), за которого она впоследствии вышла замуж под фамилией графини де Богарнэ. Граф Алексей Васильевич

Олсуфьев рассказывал, что однажды он был приглашен с Тютчевым на обед к князю Горчакову. Когда они поднимались по лестнице, их обогнал герцог Лейхтенбергский. Перед началом обеда лакей доложил князю, что «у Надежды Сергеевны мигрень, и кушать они не будут». «Nous avons vu monter la migraine» («Только что мы видели, как поднималась мигрень»), – шепнул Тютчев». (Сообщено графом Алексеем Васильевичем Олсуфьевым)

«Припоминаю, что в 1834 году, в бытность мою в Карлсбаде, до меня дошли слухи о том, что Тютчев был поднят без сознания в Мюнхене, в Гофгартене. По возвращении из Мюнхена я спросил его, что это значило. Вот что он мне ответил: «Однажды ваш дядя пригласил меня обедать, я думал, что к шести часам, и пришел в ту минуту, когда вставали из-за стола. Итак, я не обедал. На другой день жена моя отсутствовала, некому было заказать обед, и я без него обошелся. На третий день я потерял привычку обедать, но силы мне изменили, и я лишился чувств в Гофгартене». (Из письма князя Ивана Сергеевича Гагарина к А. Н. Бахметевой)

«Был ли Тютчев в Петербурге во время смерти Пушкина или приехал вскоре после, касательно этого вопроса я не могу разобраться в своих воспоминаниях. Знаю только наверное, что он там был во время процесса Дантеса Геккерена. Тютчев очень

тяготился Петербургом и только мечтал о возможности вернуться за границу. Часто он говорил мне: «У меня не тоска по родине, а тоска по чужбине». Итак, однажды встречаю Тютчева на Невском проспекте. Он спрашивает меня, какие новости; я ему отвечаю, что военный суд только что вынес приговор Геккерену. «К чему его приговорили?» – «Он будет препровожден к границе под охраной фельдъегеря». – «Вы в этом уверены?» – «Совершенно уверен». – «Пойду, Жуковского убью». (Из письма князя Ивана Сергеевича Гагарина к А. Н. Бахметевой)

«Князь В. П. Мещерский, издатель газеты «Гражданин», посвятил одну из своих бесчисленных и малограмотных статей «дурному влиянию среды». – «Не ему дурно говорить о дурном влиянии среды, – сказал Тютчев. – Он забывает, что его собственные среды заедают посетителей». Князь Мещерский принимал по средам». (Из письма князя Ивана Сергеевича Гагарина к А. Н. Бахметевой)

Когда канцлер Горчаков сделал камер-юнкером Акинфьева (в жену которого был влюблен), Тютчев сказал: «Князь Горчаков походит на древних жрецов, которые золотили рога своих жертв». (Из рукописной записной книжки Б. А. Козлова)

Когда Горчаков прочел Тютчеву черновик депеши по поводу вмешательства иностранных кабинетов во время последнего Польского мятежа, Тютчев, находя ее недостаточно энергичной, сказал ему следующие слова: «Князь, благодаря тому что вы говорите с Европой по-французски, вы начинаете мыслить, как француз». (Из воспоминаний князя Ивана Сергеевича Гагарина)

Памятник Тютчеву в музее-заповеднике «Овстуг»

Тютчев очень страдал от болезни мочевого пузыря и за два часа до смерти ему выпускали мочу посредством зонда. Его спросили, как он себя чувствует после операции. «Видите ли, это подобно клевете, после которой всегда что-нибудь да останется». (Из письма князя Ивана Сергеевича Гагарина к А. Н. Бахметевой)

Об императоре Николае I Тютчев сказал: «Это лишь фасад великого

человека». (Из рукописной записной книжки Б. А. Козлова)

Меткое замечание Тютчева о В. П. Титове (русском писателе, дипломате, племяннике министра юстиции Д. В. Дашкова, воспитателе великих князей Александра и Николая – *Ред.*), человеку очень методичном: «Подумаешь, что Господь Бог поручил ему составить инвентарь мироздания». (Из журнала «Русский Ахилл», 1892 г.)

Тютчев утверждал, что единственная заповедь, которой французы крепко держатся, есть третья: «Не приемли имени Господа Бога твоего всуе». Для большей верности они вовсе не произносят его. (Из письма князя Ивана Сергеевича Гагарина к А. Н. Бахметевой)

Вот слова Тютчева, сказанные им во время Крымской войны по поводу известного упования на русского Бога: «Надо сознаться, что должность русского Бога – не синекура». (Из письма князя Ивана Сергеевича Гагарина к А. Н. Бахметевой)

Княгиня Lison Трубецкая (Елизавета Эсперовна Белосельская-Белозерская, прозванная «Лиз Парижская, ангел с бархатным взглядом» – *Ред.*) говорила без умолку по-французски при Тютчеве, и он сказал: «Полное злоупотребление иностранным языком; она никогда не посмела бы наговорить столько глупостей по-русски». (Из рукописной записной книжки Б. А. Козлова)

Тютчев говорил: «Русская история до Петра Великого – сплошная панихида, а после Петра Великого – одно уголовное дело». (Из письма князя Ивана Сергеевича Гагарина к А. Н. Бахметевой)

Тютчев пишет про свою дипломатическую службу: «Господин вице-канцлер хуже тестя Иакова... Тот, по крайней мере, заставил своего зятя работать только семь лет, чтобы получить Лию; для меня срок был удвоен, они правы в конце концов. Так как я никогда не относился к службе серьезно, справедливо, чтобы служба также смеялась надо мной». (Параллель с историей Иакова из Ветхого завета. Иаков захотел жениться на Рахили, но отец ее Лаван поставил ему условие: семь лет рабства – потом

женись. – *Ред.*). (Из письма Тютчева к князю И. С. Гагарину)

«Всякий человек в известную пору жизни похож на лирического поэта, дело только за тем, чтобы развязать ему язык». (Из письма Тютчева к князю И. С. Гагарину)

Слабой стороной Д. Н. Блудова (председателя Государственного Совета) был его характер, раздражительный и желчный. Граф В. А. Сологуб писал в своих воспоминаниях: «Известный остряк и поэт Тютчев сказал про Блудова: «Надо признать, что граф Блудов – образец христианина: никто так, как он, не следует заповеди о забвении обид... Правда, нанесенных им самим». (Из воспоминаний графа В. А. Сологуба)

«Мои первоначальные впечатления всегда отличаются необычайной снисходительностью. Будь они длительнее, они перешли бы в милосердие». (Из письма Тютчева ко второй жене Эрнестине Федоровне, урожденной баронессе Пфедфель)

Некую госпожу Audran Тютчев называет «неутомимой, но очень утомительной». (Из письма Тютчева к Эрнестине Федоровне)

Возвращаясь в Россию из заграничного путешествия, Тютчев пишет жене из Варшавы: «Я не без грусти расстался с этим гнилым Западом, таким чистым и полным удобств, чтобы вернуться в эту многообещающую в будущем грязь милой родины». (Из письма Тютчева к Эрнестине Федоровне)

Говоря о роли Австрии перед началом Восточной войны (так в Европе называли Крымскую войну 1853–1856 годов – *Ред.*), Тютчев пишет: «Что касается этой бедной Австрии, все тело которой представляет сплошную Ахиллесову

пятую, ясно, что, нуждаясь в поддержке с Востока или Запада, ей приходится сделать выбор между двумя сидениями: прочным и хорошо набитым креслом и не менее прочным и хорошо заостренным колом. И я не теряю надежды, что она сядет на кол». (Из письма Тютчева к Эрнестине Федоровне)

Говоря про Восточную войну, Тютчев пишет: «Это война крептинов с негодаями». (Из письма Тютчева к Эрнестине Федоровне)

В мае 1855 года перед назначением на очередную должность Тютчев пишет: «Завтра в час дня я должен приносить эту пресловутую присягу, которую все откладывал до сих пор под разными предлогами. Ах, я готов приносить им всевозможные присяги, но, если бы я мог уделить им немного ума, это было бы гораздо для них полезнее». (Из письма Тютчева к Эрнестине Федоровне)

О канцлере Горчакове Тютчев пишет: «Он незаурядная натура и с большими достоинствами, чем можно предположить по наружности. Сливки у него на дне, молоко на поверхности». (Из письма Тютчева к Эрнестине Федоровне)

Летом 1858 года, удивляясь необыкновенно жаркой погоде, Тютчев замечает: «Кто знает, может быть, это продлится, и Господь Бог – из соревнования – решил отменить холод и дурную погоду, как русский император предначертал отмену крепостного права». (Из письма Тютчева к Эрнестине Федоровне)

Возвращаясь в Россию из-за границы, Тютчев пишет из Берлина: «Наконец-наконец, последний шаг совершится, и не позже сегодняшнего вечера я брошусь не в вечность, как повешенные в Англии,

а в бесконечное пространство, как путешественники в России». (Из письма Тютчева к Эрнестине Федоровне)

Про русских дипломатов и иностранную их политику Тютчев отзывался так: «Вся наша иностранная политика подобна русскому языку, на котором говорят эти господа: это лишь перевод с французского». (Из письма Тютчева к Эрнестине Федоровне)

По поводу князя Горчакова: «Он скользит по трудностям дипломатического положения, как нимфа в басне скользила по хлебным колосьям, не сгибая их». (Из письма Тютчева к Эрнестине Федоровне)

Осенью 1868 года Тютчев пишет жене, обеспокоенной состоянием его здоровья: «Общее правило: во время разлуки следует признавать себя больным только после своей смерти». (Из письма Тютчева к Эрнестине Федоровне)

«Приходит время, когда не в силах бывает избавиться от чувства все возрастающего ужаса при виде, с какой быстротой одни за другими исчезают наши современники. Они уходят, как последние карты в пасьянсе». (Из письма Тютчева к Эрнестине Федоровне)

В 1871 году, встретившись в Петербурге с греческим посланником Будурисом, с которым в молодости знаком был в Мюнхене, Тютчев пишет: «Он привел мне несколько изречений, сказанных мною будто бы в то время. По-видимому, я уже тогда говорил остроты. Выходит, что я посвятил этому целую жизнь». (Из письма Тютчева к дочери Екатерине Федоровне)

По поводу политического адреса Московской городской думы

(1869 год) Тютчев пишет: «Всякие попытки к политическим выступлениям в России равносильны стараниям высекают огонь из куска мыла. Следовательно бы понять раз навсегда, что в России нет ничего серьезного, кроме самой России». (Из письма Тютчева к дочери Екатерине)

«В данную минуту здесь находится князь Черногорский, приехавший, как я предполагаю, искать помощи и совета. Пока он получил шубу, которую Государь подарил ему в день нового года. Это, кажется, все, что мы можем предложить в настоящее время христианству Востока». (Из письма Тютчева к Эрнестине Федоровне)

По поводу сановников, близких Николаю I, оставшихся у власти и при Александре II, Тютчев сказал однажды, что они напоминают ему «волосы и ногти, которые продолжают расти на теле умерших еще некоторое время после их погребения». (Из письма Эрнестины Тютчевой к барону Карлу Пфедфелю)

Во время предсмертной болезни поэта император Александр II, до тех пор никогда не бывавший у Тютчевых, пожелал навестить поэта. Когда об этом сказали Тютчеву, он заметил, что это приводит

Могила Ф. И. Тютчева на Новодевичьем кладбище в Санкт-Петербурге

его в большое смущение, так как будет крайне неэтично, если он не умрет на другой же день после царского посещения. (Со слов дочери поэта Дарьи Тютчевой)

После последнего припадка (в конце июня 1873 года), несмотря на все уверения докторов, что Тютчеву остается жить день-два, он прожил еще недели три, но эта жизнь была медленной агонией. Все постепенно изнемогало в нем, никло и умирало. Не омрачилось только сознание, и не умирала мысль.

«Сделайте так, чтобы вокруг меня было немного жизни», – обратился Тютчев к дочери. Но такое возбуждение было минутное, а скоро и совсем затихло. (Со слов И. С. Аксакова, поэта и публициста, зятя Ф. И. Тютчева)

ТЮТЧЕВ ГЛАЗАМИ СОБРАТЬЕВ ПО ПЕРУ

Какую оценку творчеству Федора Тютчева давали писатели-современники? Ведь именно они самые строгие и ревнивые критики литературной деятельности своих собратьев по перу

Иван Тургенев

«...г. Тютчев, принадлежащий к поколению предыдущему, стоит решительно выше всех своих собратьев по Аполлону. Легко указать на те отдельные качества, которыми превосходят его более даровитые из теперешних наших поэтов: на пленительную, хотя несколько однообразную, грацию Фета, на энергическую, часто сухую и жесткую страстность Некрасова, на правильную, иногда холодную живопись Майкова; но на одном г. Тютчеве лежит печать той великой эпохи, к которой он принадлежит и которая так ярко и сильно выразилась в Пушкине; в нем одном замечается та соразмерность таланта с самим собою, та ответственность его с жизнью автора – словом, хотя часть того, что в полном развитии своем составляет отличительные признаки великих дарований. Круг г. Тютчева не обширен – это правда, но в нем он дома. Талант его не состоит из бессвязно разбросанных частей: он замкнут и владеет собою; в нем нет других элементов, кроме элементов чисто лирических; но эти элементы определенительно ясны и срослись с самою личностью автора; от его стихов не веет сочинением; они все кажутся написанными на известный случай, как того хотел Гете, то есть они не придуманы, а выросли сами, как плод на дереве, и по этому драгоценному качеству мы узнаем, между прочим, влияние на них Пушкина, видим в них отблеск его времени.

<...> Талант его, по самому свойству своему, не обращен к толпе

и не от нее ждет отзыва и одобрения; для того чтобы вполне оценить г. Тютчева, надо самому читателю быть одаренным некоторою тонкостью понимания, некоторою гибкостью мысли, не остававшейся слишком долго праздною. Фиалка своим запахом не разит на двадцать шагов кругом: надо приблизиться к ней, чтобы почувствовать ее благовоние. Мы, повторяем, не предсказываем популярности г. Тютчеву; но мы предсказываем ему глубокое и теплое сочувствие всех тех, которым дорога русская поэзия, а такие стихотворения, каковы «Пошли, Господь, свою отраду...» и другие, пройдут из конца в конец России и переживут многое в современной литературе, что теперь кажется долговечным и пользуется шумным успехом».

Лев Толстой

«Когда-то Тургенев, Некрасов... едва смогли уговорить меня прочесть Тютчева, но зато когда я прочел, то просто обмер от величины его творческого таланта».

«Скоро после вас я на железной дороге встретил Тютчева, и мы 4 часа проговорили. Я больше слушал. Знаете ли вы его? Это гениальный, величавый и дитя-старик. Из живых я не знаю никого, кроме вас и его, с кем бы я так одинаково чувствовал и мыслил». (Из письма Николаю Страхову)

Афанасий Фет

«Давно хотелось мне поговорить о небольшой книжке стихотворений Ф. Тютчева, появившейся в 1854 году, наделавшей столько шуму в тесных кружках любителей изящного и, увы, относительно к своему достоинству, так мало еще распространенной в массе читающей публики...»

Два года тому назад. В тихую, осеннюю ночь, стоял я в темном переходе Коллизея и смотрел в одно из оконных отверстий на звездное небо. Крупные звезды пристально и лучезарно глядели мне в глаза, и, по мере того как я всматривался в тонкую синеву, другие звезды выступали передо мною и глядели на меня так же таинственно и так же красноречиво, как и первые. За ними мерцали в глубине еще тончайшие блестящие и мало-помалу всплывали в свою очередь. Ограниченные темными массами стен, глаза мои видели только небольшую часть неба, но я чувствовал, что оно необъятно и что нет конца его красоте.

С подобными же ощущениями раскрываю стихотворения Ф. Тютчева. Можно ли в такую тесную рамку (я говорю о небольшом объеме книги) вместить столько красоты, глубины, силы, одним словом – поэзии. Если бы я не боялся нарушить права собственности, то снял бы дагерротипически все небо г. Тютчева с его звездами 1-й и 2-й величины, т.е. переписал бы все его стихотворения. Каждое из них – солнце, т.е. самобытный, светящийся мир, хотя на иных и есть пятна; но, думая о солнце, забываешь о пятнах.

Поэтическая сила, т.е. зоркость г. Тютчева – изумительна. Он не только видит предмет с самобытной точки зрения, – он видит его тончайшие фибры и оттенки. <...> заметим, что не только каждое стихотворение, почти каждый стих нашего поэта дышит какою-нибудь тайной природы, которую она ревниво скрывает от глаз непосвященных. Какою эдемскою свежестью веет его весна и юг! Каким всецельным чародеем проникает г. Тютчев в заветную область сна и как это субъективнейшее явление отделено у него от человека и мощно выдвинуто на всеобщее уразумение. Прислушайтесь к тому, что ночной ветер напевает нашему поэту, – и вам станет страшно. Но всего не перечтешь. Называя г. Тютчева поэтом мысли, мы указали только на главное свойство его природы, но она так богата, что и другие ее стороны не менее блестящи. Кроме глубины создания его отличаются неуловимой тонкостью и грацией, вернейшим доказательством силы».

Николай Некрасов

«Стихотворения г. Ф. Т. принадлежат к немногим блестящим явлениям в области русской поэзии. Г. Ф. Т. написал очень немного; но все написанное им носит на себе печать истинного и прекрасного таланта, нередко самобытного, всегда грациозного, исполненного мысли

и неподдельного чувства. Мы уверены, что, если б г. Ф. Т. писал более, талант его доставил бы ему одно из почетнейших мест в русской поэзии.

Главное достоинство стихотворений г. Ф. Т. заключается в живом, грациозном, пластически-верном изображении природы. Он горячо любит ее, прекрасно понимает, ему доступны самые тонкие, неуловимые черты и оттенки ее, и все это превосходно отражается в его стихотворениях. Конечно, самый трудный род поэтических произведений – это те произведения, в которых, по-видимому, нет никакого содержания, никакой мысли; это пейзаж в стихах, картинка, обозначенная двумя-тремя чертами. Уловить именно те черты, по которым в воображении читателя может возникнуть и дорисоваться сама собою данная картина, дело величайшей трудности. Г. Ф. Т. в совершенстве владеет этим искусством. <...>

Каждый стих хватает за сердце, как хватают за сердце в иную минуту беспорядочные, внезапно набегавшие порывы осеннего ветра; их и слушать больно и перестать слушать жаль...»

Иван Аксаков

«Тютчев принадлежал, бесспорно, к так называемой пушкинской плеяде поэтов. Не потому только, что он был им почти сверстником по летам, но особенно потому, что на его стихах лежит тот исторический признак, которым отличается и определяется поэзия этой эпохи. Он родился в 1803 г., следовательно, в один год с поэтом Языковым, за несколько месяцев до Хомякова, за два года до Веневитинова, пять лет спустя после Дельвига, четыре года после Пушкина, три после Боратынского, одним словом, в той замечательной на Руси полосе времени, которая так обильна поэтами. <...>

Стихи Тютчева представляют тот же характер внутренней искренности и необходимости, в котором

мы видим исторический признак прежней поэтической эпохи. Вот почему он и должен быть причислен к пушкинскому периоду, хотя, по особенной случайности, его стихи проникли в русскую печать уже тогда, когда почти отзвучали песни Пушкина и прочих наших поэтов, когда время владычества поэзии над умами уже миновало. Десятками лет пережил Тютчев и Пушкина и весь его поэтический период, но оставался верен себе и своему таланту. Он был среди нас подобно мастеру какой-либо старой живописной школы, еще живущей и творящей в его лице, но не допускающей ни повторения, ни подражания.

Он был поэт по призванию, но не по профессии. Он священнодействовал как поэт, но не замечая, не сознавая своего священнодействия, не благоговей к себе и своему жречеству. Его ум и его сердце были, по-видимому, постоянно заняты: ум витал в области отвлеченных, философских или исторических помыслов, сердце искало живых ощущений и тревожений; но прежде всего и во всем он был поэт, хотя собственно стихов он оставил по себе сравнительно и не очень много. Стихи у него не были плодом труда, хотя бы и вдохновенного, но все же труда, подчас даже усидчивого у иных поэтов. Когда он их писал, то писал невольно, удовлетворяя настоятельной, неотвязчивой потребности, потому что не мог их не написать: вернее сказать, он их не писал, а только записывал. Они не сочинялись, а творились. Они сами собой складывались в его голове, и он только ронял их на бумагу, на первый попавшийся лоскуток. Если же некому было припрятать к месту оброненное, подобрав эти лоскутки, то они нередко и пропадали. Эти-то лоскутки и постарался подобрать князь И. Гагарин, когда вздумал показать стихи Тютчева Пушкину; но очень может быть, что многое пропало и истребилось безвозвратно».

ТЮТЧЕВИАНА

«ДУША МОЯ – ЭЛЕЗИУМ ТЕНЕЙ...»

И. С. Тургенев: «О Тютчеве не спорят; кто его не чувствует, тем самым доказывает, что он не чувствует поэзии»

КАРИНА ЭНФЕНДЖЯН

Федор Тютчев. Раскрашенная фотография К. Даутендея. 1850–1851

Стихи Федора Ивановича Тютчева... Не только поэта, но и философа, искавшего ответы на вечные вопросы мироздания. Почему людям так щедро дарован этот мир? И почему жизнь – лишь «минута торжества»? Душа поэта – «жилица двух

миров» – пребывает в постоянном поиске истины, в вечном стремлении к духовной высоте и недостижимым идеалам.

Многие лирические стихотворения Тютчева отражают его философские размышления о дуализме мира, в котором неизбежна борьба противоположностей – света и тьмы, жизни и смерти, разрушения и созидания, любви и одиночества. Лирика Тютчева интроспективна – его стихи часто проникнуты глубокими внутренними переживаниями, сомнениями и чувствами поэта.

«Таланту Тютчева доступна и знойная страстность, и суровая энергия, и глубокая дума, возбуждаемая не одними стихийными явлениями, но и вопросами нравственными, интересами общественной жизни», – отмечал Н. А. Добролюбов.

Вспомним вместе с вами, дорогие читатели, некоторые из стихов замечательного русского поэта Федора Ивановича Тютчева.

Душа хотела б быть звездой;
Но не тогда, как с неба полночи
Сии светила, как живые очи,
Глядят на сонный мир земной, –
Но днем, когда, сокрытые как дымом
Палющих солнечных лучей,
Они, как божества, горят светлей
В эфире чистом и незримом.
1828–1830

Утро в горах

Лазурь небесная смеется,
Ночной омытая грозой,
И между гор росисто вьется
Долина светлой полосой.
Лишь высших гор до половины
Туманы покрывают скат,
Как бы воздушные руины
Волебством созданных палат.
1829

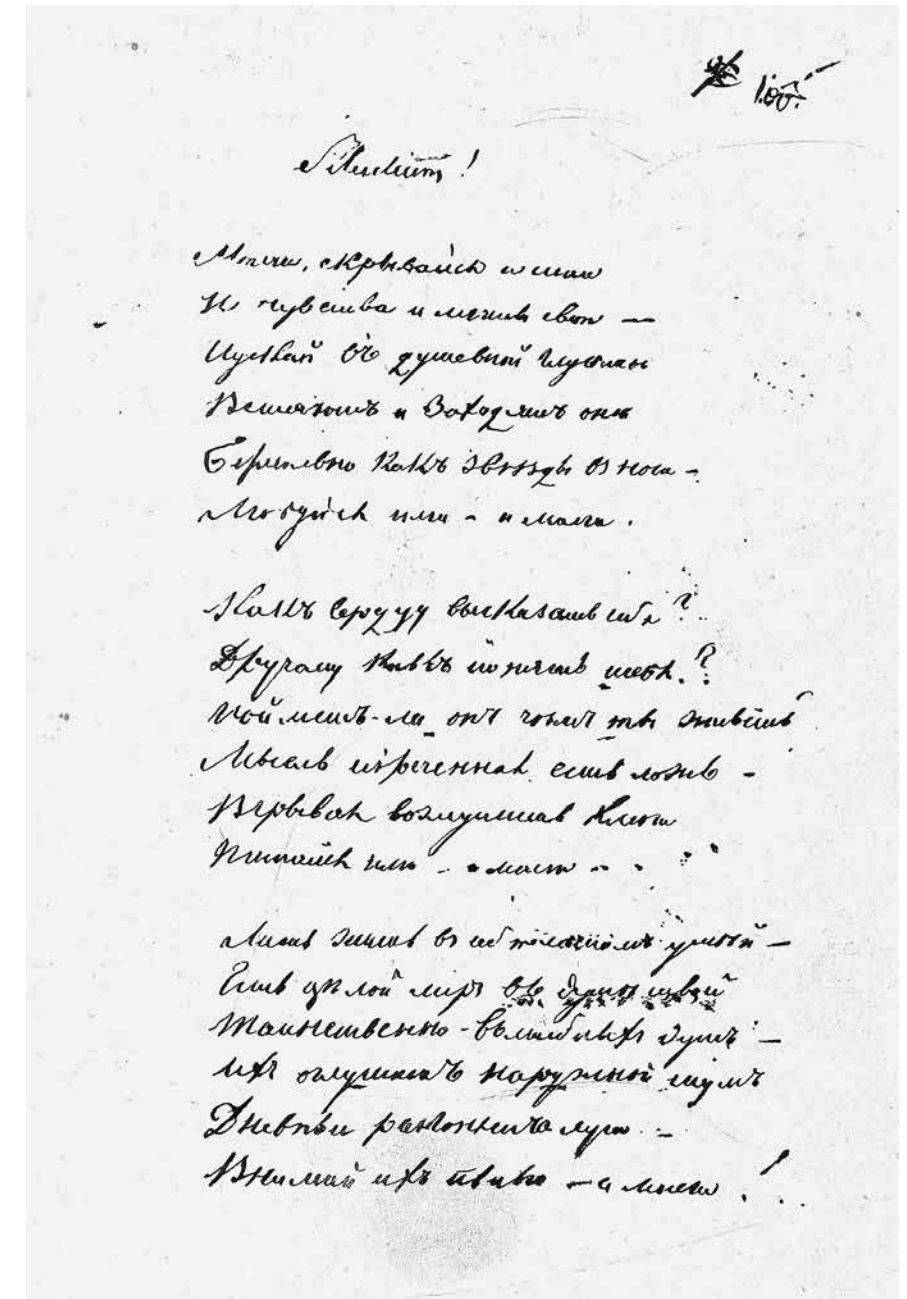
Silentium!

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои –
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, –
Любуйся ими – и молчи.
Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь –
Взрывая, возмущивши ключи,
Питайся ими – и молчи...
Лишь жить в себе самом умей –
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум –
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи –
Внимай их пенью – и молчи!..
1830

Как над горячею золой
Дымится свиток и сгорает
И огонь сокрытый и глухой
Слова и строки пожират –

Так грустно тлится жизнь моя
И с каждым днем уходит дымом,
Так постепенно гасну я
В однообразье нестерпимом!..

О Небо, если бы хоть раз
Сей пламень развился по воле –
И, не томясь, не мучась доле,
Я просиял бы – и погас!
Начало 1830-х

Рукопись стихотворения «Silentium!»

Душа моя, Элизиум теней,
Теней безмолвных, светлых
и прекрасных,
Ни помыслам години буйной сей,
Ни радостям, ни горю
не причастных.
Душа моя, Элизиум теней,
Что общего меж жизнью и тобою!

Меж вами, призраки минувших,
лучших дней,
И сей бесчувственной толпою?..
Начало 1830-х

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть!..

Зловещий блеск и пестрота дерев,
Багряных листьев томный,
легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землею
И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный ветер порою,
Ущерб, изнеможенье – и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью
страданья!

1830

Фонтан

Смотри, как облаком живым
Фонтан сияющий клубится;
Как пламенеет, как дробится
Его на солнце влажный дым.
Лучом поднявшись к небу, он
Коснулся высоты заветной —
И снова пылью огнецветной
Ниспасть на землю осужден.
О смертной мысли водомет,
О водомет неистоцимый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремится, тебя мятет?
Как жадно к небу рвешься ты!..
Но длань незримо-роковая,
Твой луч упорный преломляя,
Свергает в брызгах с высоты ...

1836

Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой –
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой ...
Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда ...

1848

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей

Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!
Давно ль, гордясь своей победой,
Ты говорил: она моя ...
Год не прошел – спроси и сведай,
Что уцелело от нея?
Куда ланит девались розы,
Улыбка уст и блеск очей?
Все опалили, выжгли слезы
Горячей влагою своей.
Ты помнишь ли, при нашей встрече,
При первой встрече роковой,
Ее волшебный взор, и речи,
И смех младенчески-живой?
И что ж теперь? И где все это?
И долговечен ли был сон?
Увы, как северное лето,
Был мимолетным гостем он!
Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь ее она легла!
Жизнь отреченья, жизнь страданья!
В ее душевной глубине
Ей оставались вспоминанья ...
Но изменили и оне.
И на земле ей дико стало,
Очарование ушло ...

Толпа, нахлынув, в грязь втоптала
То, что в душе ее цвело.
И что ж от долгого мученья,
Как пепл, сберечь ей удалось?
Боль, злую боль ожесточенья,
Боль без отрады и без слез!
О, как убийственно мы любим!
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!..

1850

Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто в летний жар и зной,
Как бедный нищий, мимо саду,
Бредет по жесткой мостовой;
Кто смотрит вскользь –
через ограду –
На тень деревьев, злак долин,
На недоступную прохладу
Роскошных, светлых луговин.
Не для него гостеприимной

Деревья сенью разрослись –
Не для него, как облак дымный,
Фонтан на воздухе повис.
Лазурный грот, как из тумана,
Напрасно взор его манит,
И пыль росистая фонтана
Главы его не осенит ...
Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто жизненной тропой,
Как бедный нищий – мимо саду –
Бредет по знойной мостовой.

1850

Предопределение

Любовь, любовь – гласит преданье
Союз души с душой родной –
Их съединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье,
И ... поединок роковой ...
И чем одно из них нежнее
В борьбе неравной двух сердец,
Тем неизбежней и вернее,
Любя, страдая, грустно млея,
Оно изноет наконец ...

1850–1851

О вещая душа моя,
О сердце, полное тревоги, –
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..
Так ты – жилища двух миров,
Твой день – болезненный
и страстный,
Твой сон – пророчески-неясный,
Как откровение духов ...
Пусть страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые –
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.

1855

Она сидела на полу
И грудь писем разбирала –
И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала –

Памятник Ф. И. Тютчеву в Брянске

Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела –
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело ...

О, сколько жизни было тут;
Невозвратно-пережитой!
О, сколько горестных минут,
Любви и радости убитой!..

Стоял я молча в стороне
И пасть готов был на колени, –
И страшно грустно стало мне,
Как от присущей милой тени.

1858

Хоть я и свил гнездо в долине,
Но чувствую порой и я,

Как животворно на вершине
Бежит воздушная струя, –
Как рвется из густого слоя,
Как жаждет горных наша грудь,
Как всё удушливо-земное
Она хотела б оттолкнуть!
На недоступные громады
Смотрю по целым я часам, –
Какие росы и прохлады
Оттуда с шумом льются к нам!
Вдруг просветлеют огнецветно
Их непорочные снега:
По ним проходит незаметно
Небесных ангелов нога ...

1860

Я знал ее еще тогда,
В те баснословные года,

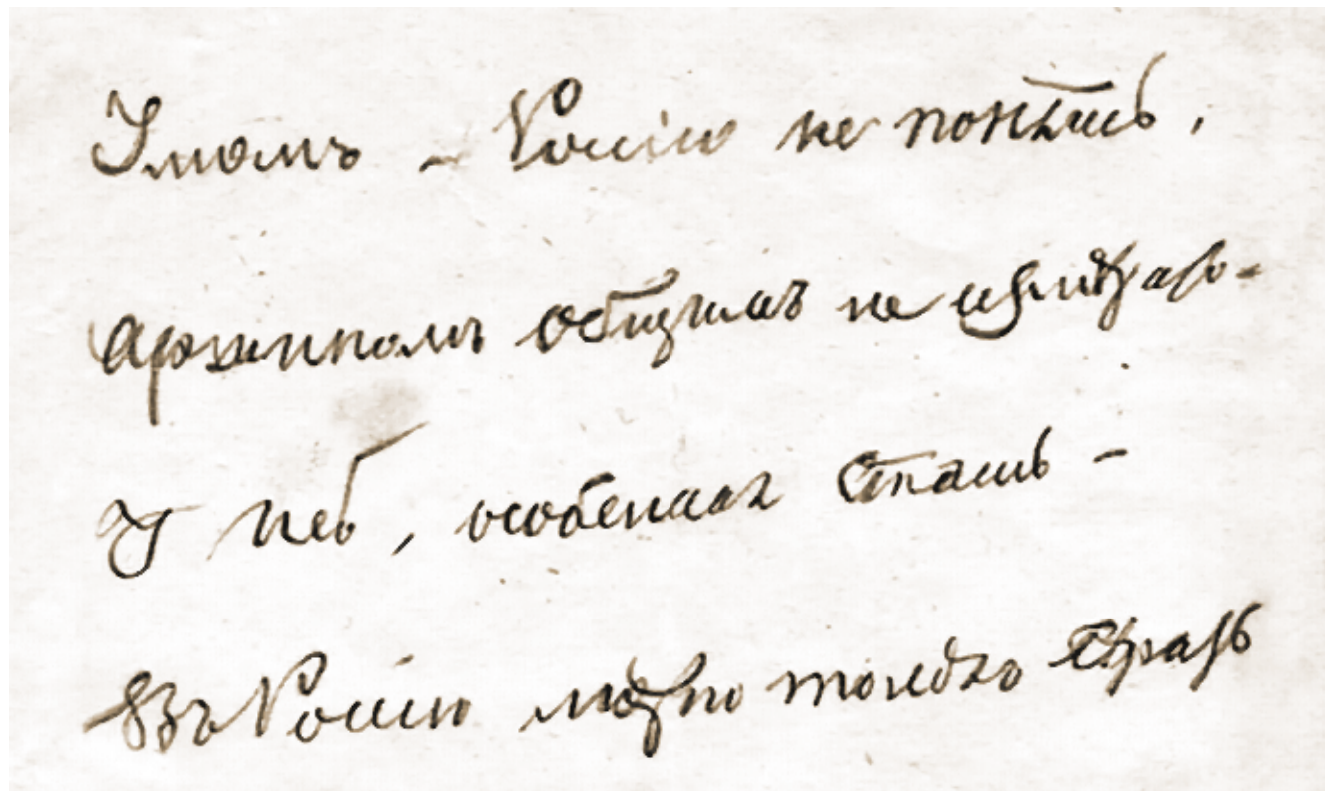
Как перед утренним лучом
Первоначальных дней звезда
Уж тонет в небе голубом ...

И всё еще была она
Той свежей прелести полна,
Той дорассветной темноты,
Когда, незрима, неслышна,
Роса ложится на цветы ...

Вся жизнь ее тогда была
Так совершенна, так цела
И так среде земной чужда,
Что, мнится, и она ушла
И скрылась в небе, как звезда.

1861

Когда на то нет Божьего согласия,
Как ни страдай она, любя, –

Душа, увы, не выстрадает счастья,
Но может выстрадать себя...
Душа, душа, которая всецело
Одной заветной отдалась любви
И ей одной дышала и болела,
Господь тебя благослови!
Он, милосердный, всемогущий,
Он, греющий своим лучом
И пышный цвет,
на воздухе цветущий,
И чистый перл на дне морском.
1865

*Est in arundineis modulatio musica ripis**

Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный мусикийский шорох
Струится в зыбких камышах.
Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе, —
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею создаем.
Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре

Душа не то поет, что море,
И роищет мыслящий тростник?
1865

*Есть музыкальный строй в при-
брежных тростниках (лат.). — Ред.

Как неожиданно и ярко,
На влажной неба синеве,
Воздушная воздвиглась арка
В своем минутном торжестве!
Один конец в леса вонзила,
Другим за облака ушла —
Она полнеба обхватила
И в высоте изнемогла.
О, в этом радужном виденье
Какая нега для очей!
Оно дано нам на мгновенье,
Лови его — лови скорей!
Смотри — оно уж побледнело,
Еще минута, две — и что ж?
Ушло, как то уходит всецело,
Чем ты и дышишь и живешь.
1865

Умом Россию не понять,
Арином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.
1866

Не в первый раз волнуется Восток,
Не в первый раз Христа там
распинают,
И от креста луны поблещит рог
Щитом своим державы прикрывают.
Несется клич: «Распи, распи его!
Предай опять на рабство и на муки!»
О Русь, ужель не слышишь эти звуки
И, как Пилат, свои умоешь руки?
Ведь это кровь из сердца твоего!
1867

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...
1869

ТЮТЧЕВИАНА

НЕПРЕВЗОЙДЕННЫЙ ОСТРОСЛОВ

Из импровизированных ответов Ф. И. Тютчева
на вопросы книги «Игра в секретаря»

Великосветский салон. Неизвестный художник. 1830-е годы

Забавная книга «Игра в секретаря», составленная и изданная на французском языке в Париже, была популярна в Санкт-Петербурге в 1855–1859 годах.

Итак, представьте: в светском салоне хорошенькая барышня расспрашивает одного

из гостей — известного политика и остроколова Ф. И. Тютчева. Нечто вроде игры в фанты. На ответ — всего три секунды! И Федор Иванович, которого князь П. А. Вяземский называл «жемчужноустом», дает ответы на французском, искусно играя словами.

Откуда берутся великие идеи?

Вовенарг (Люк де Клапье Вовенарг — французский философ и моралист XVIII века, автор афоризмов. — Ред.) говорил, что они идут из сердца, но было бы гораздо интереснее узнать, в каком месте они исчезают.

Почему принято загадывать желание, когда видишь падающую звезду?

Да потому что, если бы у нас было больше времени на то, чтобы загадать желание, мы бы никогда такого не выбрали.

Почему жребий слеп?

Он бы не был таким, если бы сидел сейчас на моем месте.

Видит ли звезда того, кого она ведет по Земле?

Да, если снизойдет посмотреть.

Если бы вас допрашивали в инквизиции, в чем бы признались вы?

В чем не смею признаться вам.

Кто придумал женитьбу?

Тот, кто, к его счастью, не успел получить патент на изобретение.

Верите ли вы в предзнаменования?

Гораздо больше, чем оракулам.

Правда ли, что всегда приятнее заставлять ждать других, чем ждать самому?

Если вы говорите о смерти, то — нет.

ПОД СЕНЬЮ ТЮТЧЕВА

В Калининграде собираются увековечить память великого сына России

БОРИС БАРТФЕЛЬД,
писатель

Проснуться под крышей флигеля в тютчевском родовом имении, посмотреть в окно на заснеженный парк, вспомнить, что сегодня 5 декабря – день рождения Федора Ивановича Тютчева. Но какого года и какого столетия? Поэзия Тютчева вневременна и, кажется, этот величественный дом в Овстуге и романтический парк были всегда. Хотя мы знаем, что большую часть XX века этого дома не было, а парк под корень вырубил немцы во время оккупации. Но тридцатилетние усилия жителей Бряничины и энтузиастов во главе с сельским учителем Владимиром Гамолыным, вдохновленные любовью к родному краю и поэзии Тютчева, совершили в восьмидесятые годы чудо возрождения.

Мне, счастливцу, повезло видеть эту усадьбу не только зимой, но и на границе весны и лета, и в самом конце августа. Именем русского поэта освещены не только брянские просторы, но и Москва, Петербург, Царское село, Мюнхен. Но причем же здесь далекий Калининград, из которого я пишу эти строки? Конечно, великая поэзия преодолевает времена, пространства и границы, но ведь есть факт и личного присутствия поэта в нашем городе.

Перенесемся в далекий 1859 год. В мае Тютчев получает курьерскую экспедицию в Берлин и на пароходе отправляется в Европу. На его долгом пути Щецин, Берлин, Мюнхен, множество немецких городов,

а также Париж и Женева. Завершая поездку 21 октября (ст. стиль), поэт возвращается в Берлин. Откуда, получив специальное поручение, выезжает 24 октября в Кенигсберг с целью посетить в Королевском городе русского консула. Накануне отъезда Тютчев пишет жене из Берлина: «Сегодня вечером я окупнусь – не в вечность, как повешенные в Англии, но в бесконечность, как путешественники в России».

Получив в Кенигсбергском консульстве специальную почту для доставки в Петербург, поэт отправляется в российскую столицу по бескрайнему пространству Империи. Прибывает в Петербург 2 ноября и возвращается к работе председателя Комитета иностранной цензуры. И в этой бесконечной дороге Федор Иванович пишет немыслимое по красоте грустно-размыслительное стихотворение «На возвратном пути из Кенигсберга». Прочитайте его краткий фрагмент:

*Родной ландшафт...
Под дымчатым навесом
Огромной тучи снеговой
Синеет даль – с ее угрюмым лесом,
Окутанным осенней мглой...
Все голо так – и пусто-необъятно
Воднообразии немом...
Местами лишь просвечивают пятна
Стоячих вод, покрытых
первым льдом.*

До нас дошел автограф стихотворения в письме поэта к дочери

Дарье, а уже 17 января 1860 года случилась первая его публикация в газете «Наше время». Автограф стихотворения сопровождается припиской Тютчева к дочери: «Вот, моя милая дочь, несколько рифмованных строк, они помогли мне отвлечься от тягот надоевшего путешествия, посылаю их тебе вместо длинного письма... Однако справедливости ради должен тебе сказать, что в эту самую минуту ярко светит солнце, правда, озаряет оно не розовые кусты и не цветущие апельсиновые деревья, а свежие, только что распустившиеся сосульки».

Разве этого эпизода биографии и стихотворения недостаточно, чтобы в Калининграде увековечить память великого поэта, дипломата и мыслителя? Тем более, что поэт присутствует в культурно-историческом сознании города. Наш историко-художественный музей тесно сотрудничает с музеем-усадьбой «Овстуг». С участием Министерства иностранных дел в Калининградском представительстве министерства два музея провели блестящую выставку «Российские поэты-дипломаты XVIII–XXI веков», приуроченную к 210-летию со дня рождения Тютчева.

Сейчас же, накануне 220-летия поэта, самое время закатать рукава и увековечить память великого сына России в городе, где он побывал.

МНОГАЯ И БЛАГАЯ ЛЕТА!

20 ноября 2023 года Предстоятелю Русской Православной Церкви Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу исполняется 77 лет

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

«Проповедуя Царствие Божие и уча о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно» (Деяния 28:31). Эти слова будто сказаны о Вас, Ваше Святейшество.

Последние годы в истории нашей Отчизны тесно связаны с Вашими Первосвятительскими трудами. Это время этапных, многотрудных, поистине судьбоносных решений

для канонического пространства Русской Православной Церкви и для всего Русского мира. Со смирением и покорностью воле Божией Вы гордо и с достоинством несете крест Патриаршего служения Богу и людям.

Ваше пребывание на престоле Первосвятителей Московских ознаменовано не только развитием всех сторон церковного

бытия – строительством и восстановлением храмов, открытием новых метрополий, епархий и приходов, совершенствованием миссионерского, социального и молодежного служения, модернизацией системы религиозного образования, – но и неустанной деятельностью во имя мира и сохранения единства Православной Церкви. «И делом правды будет мир, и плодом правосудия – спокойствие и безопасность вовеки» (Исаия 32:17) – таков знак Вашего Пастырского служения.

Ваш личный пример, Ваше сердечное попечение о нуждах людей и Православия помогают всем нам по-новому взглянуть на прошлое и глубже понять настоящее. Вы говорите о евангельских истинах, а люди разных вероисповеданий повсюду в мире лучше осмысливают события и факты нашего дня, какими бы проблемными и сложными они бы нам ни казались. Вы учите нас жить по заветам Христовым, это значит – по совести

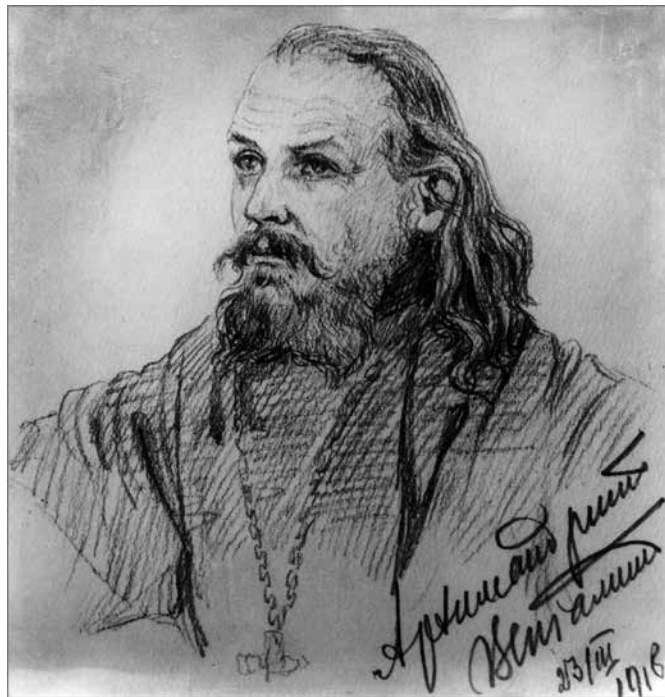
и вере. Вере в Христа, в Россию и в нас самих, к каким бы народам мы ни принадлежали.

В этот радостный для Русской Православной Церкви день редакция «Русской мысли» приносит Вашему Святейшеству пожелания крепкого здоровья и помощи Божией в высоком и ответственном Первосвятительском служении. Многая и благая лета!

В РИЗЕ «КРАСНОГО» АРХИЕРЕЯ

Принял ли бывший глава военного духовенства Белой армии советскую власть по простоте евангельской или действительно верил в нее?

ЕВГЕНИЯ КАРЕЗИНА

Архимандрит Вениамин (Федченков),
ректор Таврической духовной семинарии.
Рис. В.В. Богдановича. 1918

Каким все-таки раз-
ным было отноше-
ние у представителей
Белой эмиграции к Ро-
дине, которая вместе
со сменой названия и по-
литического строя стала
и чуждой, и враждебной
ко многим своим сыно-
вьям... Каждый решал
для себя сам: выражать
Стране Советов свое не-
согласие издали, про-
живая на благополучной
чужбине, или остаться,
приняв новую реаль-
ность. Митрополит Ве-
ниамин (Федченков)
много лет искал ответа
на вопрос: нужно ли его
служение Церкви там,
где запретили Бога...

До 1917 года в биогра-
фии Ивана Афанасьевича,
ставшего выдающим-
ся церковным деятелем
в непростые для русского право-
славия годы советского правления,
не находим ничего особенно при-
мечательного. Родился в 1880 году
в многодетной семье безземельных
сельских тружеников в Смолен-
ской губернии. Получил блестящее
духовное образование. В 1907 году
принял монашеский постриг с име-
нем Вениамин. Через два года стал
секретарем архиепископа Сергия
(Страгородского).

В разгар Октябрьской револю-
ции сделал выбор в пользу Белого
движения, находя его более патри-
стичным и близким к православию.

Благословив генерала Врангеля
на командование вооруженными

силами Юга России, владыка при-
нял в 1920 году его предложение
возглавить военное духовенство
армии. При этом был уверен, что
«для Церкви и белые, и красные,
если только они верующие, одина-
ково приемлемы, а следовательно,
я, работая с белыми, не ухожу
от народа».

В ноябре 1920 года вместе
с остатками Русской армии вла-
дыка эвакуировался из Крыма.
В эмиграции выступал против
политизации церковной жизни.
Единственный из эмигрировавших
архиереев остался верным Мо-
сковскому Патриархату. В марте
1931 года создал в Париже приход

в честь трех Вселенских
святителей, получивший
статус подворья Москов-
ской Патриархии.

22 ноября 1933 года
владыка Вениамин был
назначен архиепископом
Алеутским и Северо-
Американским; 14 июня
1938 года возведен в сан
митрополита.

Часть эмигрантов
не приняла митропо-
лита Вениамина и на-
зывала его «красным»
архиереем. Тем не менее
владыке удалось усилить
в Америке РПЦ Мо-
сковской юрисдикции,
а также организовать
помощь своим сооте-
чественникам, взявшим
на себя основную тя-
жесть в борьбе с фашиз-
мом. 2 июля 1941 года
на митинге в Медисон-

сквер-гарден в своей речи митро-
полит, в частности, сказал: «...от
конца событий в России зависят
судьбы мира. И особенно – рабо-
чего мира. Пусть не думают, что
я думаю о какой-то политической
партии! Нет! Но о младшем брате
нужно думать. И в России думают
о нем и живут для него, как умеют.
И потому нужно приветствовать
намерение президента и других го-
сударственных мужей о сотрудни-
честве с Россией в самый ближай-
ший момент и во всякой форме».

Митрополит Вениамин пытался
вернуться в СССР еще в 1927 году,
но смог сделать это только 12 фев-
раля 1948 года, когда был назначен

митрополитом Рижским и Латвий-
ским. В бытность в СССР возглав-
лял также Саратовскую и Ростов-
скую епархии.

Размышляя над пройденным пу-
тем, митрополит Вениамин придет
к выводу о необходимости принять
Россию, оказавшуюся во власти
большевиков, и всемерно помогать
соотечественникам. Что же заста-
вило бывшего главу военного ду-
ховенства Белой армии возложить
на себя ризу «красного» архиерея?

Во-первых, выросший в кре-
стьянской среде, митрополит
Вениамин никогда не отрывал-
ся от своих народных корней.
Он считал себя обязанным забо-
титься о трудящемся «младшем
брате». Кстати говоря, делал это
не только в качестве иерарха РПЦ,
но и в частной жизни.

Во-вторых, отношение Вениа-
мина к революционным событиям
нельзя назвать однозначно отрица-
тельным. Он считал, что в основе
социалистического строя содер-
жится много справедливого и до-
брого. Владыка запишет в автобио-
графическом очерке «На рубеже
двух эпох»: «В нашей революции
есть Промысл Божий... И уже
поэтому мы должны принять эту
власть, а не только потому, что она
принята и народом».

Важно заметить, что в годы эми-
грации он уже не поддерживает
призывов главы зарубежного Ар-
хиерейского Синода митрополита
Антония (Храповицкого) к право-
славным включаться в воору-
женную борьбу с большевизмом.

Третья причина, которой мож-
но объяснить примирение с со-
ветской властью бывшего главы
военного духовенства Белого
движения, – это неукоснительное
следование Божией воле и особое
усердие в ее познании.

Так, еще в бытность свою в эми-
грации оказавшись перед труд-
нейшим выбором – принять или
нет так называемую декларацию

митрополита Сергия (Страго-
родского), вызвавшую недоуме-
ние многих верующих, владыка
отслужил сорок литургий («со-
рокоуст»), внимательно прислу-
шиваясь к тому, что происходит
в его душе.

Свои мысли он отразил в днев-
никовой записи «Святой соро-
коуст. Мысли по поводу указов
Митрополита Сергия»: «Ныне
впервые почувствовал сердцем,
что в принятом мною важном ре-
шении *есть смирение*... И *любовь*
почувствовал я (в своем реше-
нии) к теперешнему главе Русской
Церкви <...> И даже если бы до-
пустить, что он и погрешил (по не-
ведению или даже по недостатку
сил), и тогда нехорошо быть тем
неблагодарным сыном, который
открыл наготу своего отца. А луч-
ше *своею* одеждою, т.е. лишением
своей чести вследствие передачи
части ее обнажившемуся отцу, по-
крыть ее. <...> И русский народ
нужно любить, особенно живущий
там, в России. <...> Ни борьбою,
ни обличением, ни холодным ухо-
дом (это тоже вид вражды) не спа-
сти никого... А только смирением
себя и самоотверженной любовью
и другою – христианскою любо-
вью. Нужна любовь спасающая.
Любовь и к той, и к другой сто-
роне, иначе странно было бы: од-
ним помогать, а другим вредить...
Но как же это соединить?»

В 1948 году, когда владыка вер-
нулся в СССР, на горизонте замая-
чили новые притеснения Церк-
ви – не такие варварские, как
в 1918 и 1937 годах, но не менее
жесткие в своей изощренности.
Как и в самые сложные времена
своей жизни, теперь уже митро-
полит Рижский и Литовский об-
ращается к Богу и снова служит
сорокоуст на Родине. Молится
не только о здравии своих идеоло-
гических противников, но и о да-
ровании своим соотечественникам
любви к власти и даже признает

(какой парадокс!) заслуги совет-
ской власти перед Православ-
ной Церковью.

«Так называемая “доброта”
не всегда хороша. Люди грешны
и слабы и нуждаются во власти.
Иначе расслабят еще больше.
Власть сдерживает анархию...
Всякая власть. И по одному этому
она “от Бога” (Рим. гл. 13). <...>
Советская власть и ее прочность
(помимо ее значения для Родины)
имеет очень большое значение
и для Церкви, и для Православия:
ею держатся в связи с нашей Цер-
ковью окраинные области и загра-
ничные Церкви других держав», –
размышляет владыка в одном
из своих многочисленных трудов
«Два сорокоуста».

Может сложиться впечатление,
что владыка некоторым обра-
зом уговаривает сам себя и воз-
можного читателя любить власть
не столько «за что-то», сколько
«вопреки».

Впрочем, рассуждая так, митро-
полит Вениамин не побоится го-
ворить правду ни пастве, ни вы-
сокопоставленным советским
чиновникам, будет усердно вос-
станавливать приходы, защищать
и поддерживать пастырей, пострада-
вших в годы гонений на веру.
Результат не заставит себя ждать –
в 1958 году, по настоянию властей,
он будет отправлен за штат с раз-
решением проживать в Свято-
Успенском Псково-Печерском
монастыре, где и проведет по-
следние три с небольшим года
земной жизни.

По мнению знавших его людей,
владыка Вениамин обладал неко-
торой наивностью. «В каком-то
удивительном смысле он умудрил-
ся многого не заметить, – пишет,
например, митрополит Антоний
Сурожский. – Или это те самые
евангельская детская простота
и опять же неукоснительное сле-
дование примеру Спасителя одинако-
во любить и злых, и добрых?»

СВЯТЫЕ ПОЗДНЕЙ ОСЕНИ

Пример исполнения библейских заповедей

АВГУСТИН СОКОЛОВСКИ,
доктор богословия, священник

Ежедневно в православном богослужебном календаре празднуется память святых. Весьма немногие известны нашим современникам. Биография каждого из них представляет собой драгоценное сокровище памяти о тех, в ком собрание верующих во Христа Иисуса, именуемое Церковью, некогда увидело пример исполнения библейских заповедей.

СВЯТОЙ ОРЕСТ КАППАДОКИЙСКИЙ

23 ноября Церковь празднует память мученика Ореста Врача. Святой был весьма почитаем в христианской древности на Православном Востоке. К его молитвам прибегали с просьбой об исцелении. К месту страдания мученика в Каппадокии во множестве стекались паломники. Ныне же Орест Врач – забытый святой.

По месту своего происхождения и страдания святого также именуют Орестом Тианским. Тиана – весьма известный в древности город в Южной Каппадокии. В первые века христианства это место был оплотом язычества. Город был широко известен, как место жизни и деятельности Аполлония Тианского (+98). Этого философа и легендарного совершителя чудес

Святой Орест Каппадокийский (Тианский)

древние языческие полемисты противопоставляли Христу. Их аргументы повторяют и некоторые современные критики религии.

Орест практиковал врачебное дело. Тот факт, что название его профессии впоследствии стало частью его имени в святцах, свидетельствует о том, что он был весьма талантливым доктором, «врачом от Бога», как сказали бы наши современники. Одновременно Орест был благовестником,

то есть миссионером и проповедником, делом и словом свидетельствовавший о Христе.

В Великое гонение Диоклетиана (около 304 года) Орест пострадал за веру. Причиной стало обвинение в том, что проповедь Ореста обращает ко Христу слишком многих. Тогда же в Палестине был умучен за веру также бывший родом из Каппадокии святой Георгий Победоносец. Интересно, что в Грузинской Церкви воспоминание мученичества святого Георгия совершается в день, когда все Православие чтит память святого Ореста. Так удивительно общение святых!

По словам одного из славословий Ранней Церкви, «кровь мучеников есть семя Церкви». На рубеже второго и третьего столетий эту мысль озвучил древний учитель Карфагенской Церкви Тертуллиан (+220). Орест Врач и Георгий Победоносец, несомненно, были теми «семенами благовестия», благодаря проповеди и мученичеству которых языческая прежде Каппадокия и многие другие земли стали христианскими.

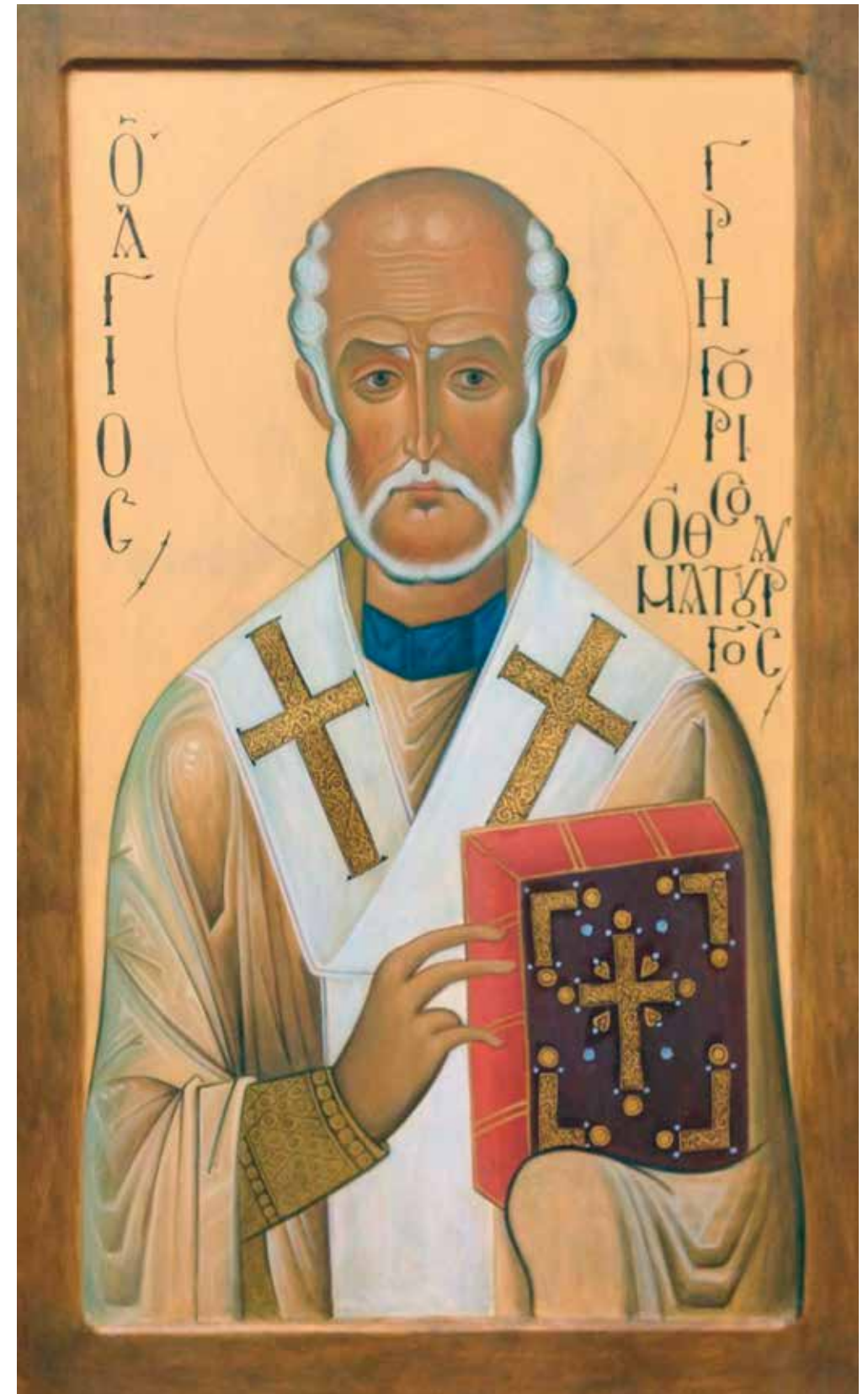
Как бы в знак благодарности ранней Церкви эта великая страна даровала миру многих Отцов Церкви, подвижников и благовестников, среди которых были

Великие каппадокийцы Василий Великий (330–379), Григорий Богослов (329–390) и Григорий Нисский (335–394), а также Просветительница Грузии, равноапостольная Нина (+335).

На примере святого Ореста весьма отчетливо прослеживается преемство святых. Так, несколько десятилетий спустя, когда христианство в пределах Каппадокии весьма распространилось, император Валент, который был убежденным сторонником арианской ереси, требовал у святителя Василия Великого уступок в православной вере. Согласно житию, он угрожал ему смертью, но это не помогло. Василий, как это и подобает христианскому епископу, не боялся никого и ничего. «Император не решился привести в исполнение свои угрозы и удалился», – свидетельствует жизнеописание Василия.

Однако, не получив желаемого, Валент коварно разделил Каппадокию на две части. Таким образом, Тиана сделалась столицей Второй Каппадокии, а епархия Василия была разделена. Во главе ставшей независимой тианской епархии стоял еретический епископ Анфим.

Святыня – место поклонения подвигам мученика Ореста – попала в руки еретиков. Об этом святой Василий весьма сожалел

Святитель Григорий Чудотворец. Византийская икона второй половины XII века

Святитель Амфилохий Иконийский

в своих творениях. Как и все православные каппадокийцы, святой воспринимал Ореста Врача как своего подлинного отца в вере. Ведь Орест проповедовал и стал мучеником за Христа именно в Каппадокии.

Известно, что единственное пока полное собрание житий

святых на русском языке принадлежит святителю Димитрию Ростовскому (1651–1709). Написанию этого бессмертного труда святой посвятил более двух десятков лет. Однажды, в видении святой Орест явился Димитрию, чтобы подсказать, как правильно написать о нем в житии.

СВЯТОЙ ГРИГОРИЙ НЕОКЕСАРИЙСКИЙ

Из древней христианской Каппадокии перенесемся в земли древнего Понтийского Царства. В последний день осени Церкви, следующие юлианскому календарю, чтят память святителя Григория Чудотворца

(213–270). Святой был епископом Неокесарии. Ныне это небольшой город Никсар в центральной части причерноморского региона Малой Азии. В древности Неокесария была значимым городом, важным политическим и религиозным центром тех земель.

Для великих Отцов Церкви Святой Григорий был героем веры, образцом для подражания. Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский и другие считали Григория своим духовным отцом. Без них становление православной традиции жизни и мысли в том виде, в котором она дошла до нас, было бы немыслимо. Среди святых Григорий был поистине велик.

Древняя Церковь не искала чудотворений, однако Григория именovala Чудотворцем за силу совершенных им по дару благодати знамений. Это редчайшее даже для святых прибавление к имени. Благодать совершать чудеса, данная людям, упоминается Апостолом Павлом, как некий особенный в Церкви чин: «Иных Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями; далее, иным дал силы чудодейственные, поставил чудотворцами (1 Кор.12:29). В силу таинственного духовного преемства Чудотворцем был впоследствии назван епископ Мир Ликийских Николай.

Помимо чудотворений, Григорий прославился как пастырь, миссионер, благовестник, богослов и философ, и даже составитель канонических норм. Они вошли в состав православной «Книги правил». Значение их в устройстве Православной Церкви непреложно по сей день.

В честь святого епископа был назван отец Григория Богослова, епископ Назианза Григорий Старший (276–374). В православном месяцеслове он также почитается во святых. Григорий Нисский, брат Василия Великого, посвятил

неокесарийскому святителю Похвальное Слово.

В этом интереснейшем тексте сохранилось немало сведений о жизни святого. Григорий Чудотворец родился в 213 году в Неокесарии, в семье язычников, был назван Феодором, то есть «даром богов». В 14 лет он осиротел. Учителем святого в вере был знаменитый Ориген (185–253). Крестился он сознательно, когда ему было около двадцати лет. Само имя «Григорий» означает «бодрствующий», «бдящий», ибо «ожидающий Второго Пришествия Христа». Григорий – это типично христианское имя. Оно является «именем-догматом», ибо выражает одно из убеждений, которыми жили христиане первых веков.

Он много странствовал в поисках премудрости и веры, затем вернулся в свой родной город, где епископствовал с 238 года до самой своей праведной кончины около 270-го. Когда Григорий пришел на кафедру, город был полностью языческим: в Неокесарии было только 17 христиан. Когда отходил ко Господу, – лишь 17 идолопоклонников. Получается, что самым великим чудом Григория было благовестие Евангелия, обращение к животворящей Христовой Вере огромного числа людей примером и проповедью.

Григорий был исповедником веры. Он пережил жесточайшее гонение Декия (249–251), когда от веры отказалось множество христиан. Григорий претерпел мучения, но не отрекся от веры и остался в живых. Ранняя Церковь знала почти исключительно мученическую святость. Ведь мучениками стали почти все Апостолы. Важно, что именно Григорий Неокесарийский стал первым в истории святым епископом не мучеником. При чем почитание его среди святых было начато уже его современниками.

Очевидно, что имя Чудотворец по отношению к Григорию в устах современников не было просто

похвалой. Для Отцов Церкви оно стало исповеданием. Ибо свидетельствовало, что спустя два столетия после Вознесения Господа Иисуса, «Бог вновь посетил народ Свой» (ср. Лк. 7:16). Бог Библии – источник чудес и знамений. Бог – застающий врасплох.

СВЯТОЙ АМФИЛОХИЙ ИКОНИЙСКИЙ

После Каппадокии и Понтийского царства вспомним и Ликаонию. Эта древняя область в центральной части Малой Азии со столицей в Иконии была просвещена христианской проповедью еще в апостольские времена. Среди немалого числа древних святых Ликаонии Церковь особенно чтит память святителя Амфилохия Иконийского (340–394). Святой был праведным епископом и великим богословом, героем веры в противостоянии арианской ереси.

Напомним, что арианством принято именовать учение, утверждавшее, что воплотившийся во Христе Иисусе Сын Божий был творением Бога. Церковь, на основании Библии, верила, что Сын Божий, Бог Слово, не сотворен, божественен и равен Богу. Он был всегда. Между Его бытием и бытием Самого Бога нет никакого «зазора». Потому, как Сам Иисус говорит в Писании: «Я и Отец – одно» (Ин. 10:30). Символ Веры именует Сына Божия «единосущным» Отцу.

Такое понимание было даровано Духом Святым ученикам Христовым, Апостолам и Самой Церкви в День Пятидесятницы. Оно основывалось на видении и прочтении слов и дел Христовых в свете совершившейся Пасхальной Тайны, Воскресения Иисуса и Его Второго Пришествия, которое, как свидетельствует Писание и Символ Веры, вскоре неминуемо произойдет (Апок. 22:20).

Василий Великий. Икона работы Феофана Грека из иконостаса Благовещенского собора Московского кремля. Начало XV века

Ариане же опирались на те места Писания, где Христос до Своего Воскресения свидетельствовал о первенстве Бога и Отца. На языке богословия это именуется предпасхальным прочтением слова Божия.

Арий не был первым, кто так мыслил, но он первым заявил об этом мнению громогласно и однозначно. Важно, что в понимании Древней Церкви именно это делало человека еретиком. «Не ересь делает еретиком, но упорство в заблуждении», – писал великий богослов XVII века, епископ Корнелий Янсен (1585–1638).

Примечательно, что сами «ариане» себя арианами не считали. Многие из них разделяли его убеждения, но от самого Ария готовы были отречься. Он был александрийским священником, то есть формально не мог возглавить значимую церковную партию. Считая себя вполне ортодоксальными, внутри себя еретики разделились на множество фракций.

Тем не менее во второй половине IV века в епископате Вселенской Церкви на Востоке ариане составляли подавляющее большинство. Важно понимать, что параллельные церковные структуры тогда не создавались – и формально, и реально Церковь была едина и одна. Поэтому было весьма важно, кто именно из епископов, православный или арианин, занимал ту или иную кафедру и какое учение было принято на местных и в особенности всеобщих собраниях епископата.

Это и повлияло на решение Василия, который поставил Амфилохия епископом, зная о его подлинном православии и безупречности «свидетельства от внешних» (1 Тим. 3:7).

Василий Великий и Григорий Богослов, так же, как и Амфилохий, были родом из Каппадокии. Поэтому все вместе они именуются Великими каппадокийцами. Более того,

Амфилохий был двоюродным братом Григория. Их, а также Василия, помимо догматической общности православной веры, связывала подлинная дружба. Так что даже большинство сведений о биографии Амфилохия, сохранились для нас во взаимной переписке святых.

До воцарения Феодосия Великого (+395) в 379 на стороне арианства стояли дети и преемники императора Константина, а также столичный епископат. Вероятно, правители видели в абсолютной монархии Бога Отца прообраз своего самодержавия, а влиятельные епископы считали это залогом симфонии светской и духовной властей.

Доктринальная победа над арианством была в значительной степени обеспечена трудами Василия Великого. Он был архиепископом Кесарии Каппадокийской – Церковной митрополии, влияние и юрисдикция которой в те времена, по сути, равнялась прерогативам современной отдельной Поместной Церкви.

Однако Василий истощил себя в епископских трудах и умер в 379 году, прожив всего 49 лет. Второй Вселенский Собор 381 года – плод стараний Василия – состоялся уже без него.

Без догматических и практических усилий Амфилохия дело Василия Великого в борьбе за Православие и противостояние заблуждению могло бы не восторжествовать.

ВДОХНОВЕНИЕ СВЯТЫХ

В нашем коллективном воображении Бог представляется весьма старым. Этому соответствует икона так называемой новозаветной Троицы, где Сын Божий Иисус Христос символически благословляется Богом, сидящим на царском троне. И именно на этой иконе

подчеркнута «старость Бога». «Видел я, наконец, что поставлены были престолы; и воссел Ветхий днями: одевание на Нем было бело, как снег, и волосы главы Его – как чистая волна; престол Его – как пламя огня, колеса Его – пылающий огонь» (Деян. 7:9), – написано в книге пророка Даниила.

Этому общепринятому представлению об абсолютной старости Бога вторит метафизика. При этом она идет своими путями. Бог философии недоступен человеку. Он невидим, непостижим. Он ничем не ограничен. Таковы базовые установки, с которых начинается изучение догматики любой семинарист.

Одновременно, в свете богословия XXI века для нас очевидно, что все эти чрезвычайно возвышенные определения Бога односторонни. Они действуют лишь в одном направлении. Они распространяются только на нас, людей. Ведь мы ограничены и смертны.

Бог же, во Христе Иисусе, делает доступным и ограниченным Себя. Он, по слову одного из средневековых богословов, принял на Себя все наше и отдал нам все Свое. В Евхаристии мы приобщаемся этой тайне.

«Лета наши как бы паутина считаются; дней лет наших: семьдесят, а если в силах – восемьдесят лет, и то большая часть их – труд и болезнь; ибо постигло нас унижение, и мы будем научены», – говорится в Псалмах (Пс. 89:10).

С годами человек становится мудрее, его поведение и нравы делаются лучше. Страдание и болезни облагораживают и учат пониманию. На библейском уровне понимания слова эти верны. Но на уровне повседневности они оказываются общепринятыми стереотипами, которые опровергаются самой реальностью. С годами человек озлобляется. Привычки его цементируются опытом. В старости человека

по-настоящему могут любить лишь родные. В этом смысле прав был пророк секулярности Стив Джобс, когда в своей Стэнфордской речи утверждал, что краткость жизни человека на самом деле благодеяние для других.

Новозаветное мышление позволяет нам согласиться с этим и одновременно мыслить дальше и глубже. Мы привыкли видеть Бога старше нас. В народном благочестии Он веками и даже тысячелетиями представлялся старцем. Такое восприятие может быть полезно, но может быть вредно. Потому что скрывает от нас смыслы.

«Поздно полюбил я Тебя, Красота, такая древняя и такая юная, поздно полюбил я Тебя», – пишет о Боге святой Августин (354–430). Этому мыслителю древности, который был епископом североафриканской карфагенской церкви, история философии приписывает изобретение самой мысли о времени. Рассуждая о времени и о временности человека, Августин обращается к мысли о Боге и утверждает, что среди всех живых существ именно Он является самым молодым. Бог молод, Он юн. Он обновляет бытие. Он моложе каждого из нас и моложе всего в мире.

В этом парадоксальном утверждении богословской мысли раскрывается множество смыслов. Получается, что в подлинной молодости есть богообразность. Она присутствует в желании учиться, в идеализме и романтике восприятия обычных вещей. Готовность самозабвенно изменять этот мир к лучшему была вдохновением святых. Вера проявлялась в них в способности постоянно создавать себя заново ради блага ближних. «Благоговение перед жизнью», – некогда писал Альберт Швейцер (1875–1965). Этой богообразной молодостью Бога вдохновлялись древние святые, о которых Церковь вспоминает в осенние дни.

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ: ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ США

Нейтрально-благожелательная позиция, занятая Вашингтоном в ходе Крымской войны, была высоко оценена в Петербурге

ТЕО ГУРИЕЛИ

Авраам Линкольн (сидит слева) с единомышленниками и генералами северян

В апреле 1861 года в Соединенных Штатах Америки началась Гражданская война. Она продолжалась четыре года, с 1861 по 1865 год, и привела к значительным людским потерям и немалым разрушениям.

Семена этой войны были посеяны еще в период войны за независимость XVIII века, в результате чего рядом с капиталистическим

производством сохранилась и развивалась рабовладельческая система. Ее усиление привело к тому, что с 30-х годов XIX века интересы богатых плантаторов-рабовладельцев южных штатов стали доминировать во внешней политике Соединенных Штатов: в 1810–1812 годы США захватили Западную Флориду, в 1818 году ввели войска в Восточную Флориду, в 1845-м

аннексировали отделившийся от Мексики Техас, в 1846–1848 годах воевали с Мексикой, отняв у нее богатейшие плодородные территории, а в 1854 году заявили о своем притязании на Кубу.

До поры до времени рабовладельческая система и капиталистическое производство существовали рядом, но наступил момент неизбежного столкновения двух

общественных систем. В 1860 году Соединенные Штаты раскололись: их стали называть «разъединенными штатами».

Противоборствующими сторонами в Гражданской войне в США были федеральное правительство США, которое поддержали 24 штата Севера (20 нерабовладельческих и 4 рабовладельческих) с одной стороны и Конфедерация

Но главное – Север имел развитую промышленность и более разветвленную сеть железных дорог и судоходных каналов. В случае длительной войны у Юга не было никаких шансов на победу.

Но южане, начиная войну, все же надеялись победить. Плантаторы-рабовладельцы, в руках которых находилась большая часть кадрового состава небольшой федераль-

Возможность такой интервенции казалась южанам несомненной в силу следующего фактора. Английская буржуазия стремилась к уничтожению опасного соперника в лице промышленности северо-восточных и западных штатов Америки. В случае победы южных штатов над северными Соединенные Штаты опять превратились бы в колонию Англии. К тому же

Лидеры и генералы южан

из 11 рабовладельческих штатов Юга с другой.

Заметим, что соотношение сил между Севером и Югом было явно не в пользу последнего. На Севере было 24 штата с населением в 22 млн человек. Юг имел 11 штатов с населением в 9 млн. Юг собирался воевать за сохранение рабства – между тем в числе этих 9 млн было около 4 млн рабов.

ной армии, планировали быстрым ударом захватить столицу страны, двинув в бой регулярные части и присоединив к ним добровольческие подразделения южных штатов с наспех сформированной кавалерией. Затем, опираясь на успехи первоначального периода войны, они рассчитывали добиться вооруженной интервенции Англии и Франции.

и Франция стремилась к захватам в Америке. Таким образом, весь расчет южан был построен не на возможности победы своими силами, а на неизбежности интервенции англичан и французов.

Еще 4 марта 1858 года один из политических лидеров южан, сенатор Джон Гаммонд из Южной Каролины, заявил: «Без единого пушечного выстрела и не обнажая

Крейсер северян «Кирсадж» топит крейсер южан «Алабама».

меча, мы можем поставить на колени весь мир, если они посмеют начать с нами войну... Что произойдет, если в течение трех лет не будет поставок хлопка? Я не буду подробно останавливаться на том, что каждый из вас может себе представить, но одно не подлежит сомнению: Англия сделает все возможное и мобилизует весь цивилизованный мир, чтобы спасти Юг. Нет, вы не посмеете воевать с хлопком. Нет такой власти на земле, которая

посмела бы воевать с ним. Хлопок правит миром». Исходя из этих соображений, южане интересовались не столько стратегическим планом и созданием мощных arsenалов, сколько вопросами признания рабовладельческого юга Англией и Францией. Им важнее всего было склонить правительства этих стран к военной помощи южанам. На другой день после взятия южанами форта Семтер президент США Авраам Линкольн призвал

75 тыс. волонтеров в добровольческие полки всех штатов страны «для подавления заговора в южных штатах» (15 апреля 1861 г.). Лицам, составившим заговор против союзного государства, Линкольн давал 20 дней, чтобы опомниться и вернуться к мирным занятиям. Спустя два дня президент Конфедерации южных штатов, крупный рабовладелец Джефферсон Дэвис издал прокламацию о выдаче документов на каперство для борьбы против торгового

и военного флотов Соединенных Штатов. Через два дня Линкольн ответил на это объявлением блокады южных штатов, квалифицируя южное каперство как пиратство. Таким образом, северяне и южане объявили войну друг другу, когда война фактически уже началась. 3 мая 1861 года эмиссары южан Уильям Лаундс Янси и Пьер Адольф Рост были впервые приняты лордом Уильямом Расселом, английским министром иностранных дел, причем приняты в кабинете премьер-министра Генри Пальмерстона. Правда, по настоянию посла

Соединенных Штатов в Лондоне Джона Далласа, они были приняты «неофициально». Даллас получил заверение лорда Рассела в том, что решения по вопросам, связанным с Гражданской войной, будут приняты правительством только после прибытия нового американского посла Чарльза-Фрэнсиса Адамса, назначенного северянами. Однако, не дожидаясь его приезда, Рассел направил послу Англии в Вашингтоне Ричарду Лайонсу инструкцию, в которой уведомил о решении кабинета признать Юг воюющей стороной. Адамс прибыл в Лондон 13 мая, но в тот же день утром, до того как он был принят, английское правительство утвердило декларацию о своем нейтралитете. Этой декларацией Юг признавался не мятежными штатами, а воюющим государством. Следовательно, декларация была шагом к признанию Конфедерации южных штатов и вступлению в войну против северян. Сразу же после опубликования декларации английское правительство послало в американские воды свой военный флот. Вслед за этим Англия подписала 31 октября 1861 года соглашение с Францией и Испанией об интервенции в Мексике. В декабре испанские войска высадились в Вера-Круз. В январе 1862 года к ним присоединились войска Англии и Франции. Правительство Соединенных Штатов протестовало против интервенции. Однако добиться ухода французских войск удалось только после окончания Гражданской войны (английские и испанские войска были выведены несколько ранее, когда провал кампании южан стал очевиден). Вскоре после начала интервенции трех держав в Мексике, предпринятой по инициативе Пальмерстона, над северянами, терпевшими тяжкие поражения

на фронте, нависла угроза английской интервенции. Объявленная северянами блокада Конфедерации, практически исключившая возможность вывоза американского хлопка, вызвала сильнейшее раздражение в Европе. Лорд Лайонс во время встречи 26 марта 1861 года с государственным секретарем США Уильямом Сьюардом заявил: «Если Соединенные Штаты решаются приостановить силой столь важную для Великобритании торговлю с производящими хлопок штатами, я не отвечаю за то, что может произойти». Английские власти, раздувая антиамериканскую кампанию в прессе, призывали свою страну к войне с бывшей колонией; на верфях Англии ускоренными темпами строились новые военные корабли и совершенствовались старые. Между тем рабочие и ремесленники Англии и Ирландии не разделяли военных амбиций своей власти и не одобряли ее военных приготовлений. По всем крупным промышленным центрам Англии прокатилась волна рабочих митингов (заметим, что одним из главных инициаторов этого движения был Карл Маркс). Несмотря на хлопковый голод, который оставил без работы и без хлеба массу людей, рабочие протестовали против позорной интервенции и явного вмешательства в войну на стороне рабовладельцев. Англия и сама, судя по всему, стояла на пороге гражданской войны. Мысли и чувства английских рабочих, да и рабочих других стран Европы, выразил Интернационал в своем обращении к Линкольну по случаю победы, одержанной им на президентских выборах 1864 года. В обращении говорилось: «Рабочие Европы выражают уверенность, что, подобно тому, как американская война за независимость открыла для буржуазии

новую эру подъема, так и американская война против рабства принесет то же самое рабочему классу».

Постепенно становилось ясно, что расчет рабовладельцев на интервенцию, которую организует английская буржуазия, оказался ошибочным.

Другой ошибкой южан была их надежда на магический эффект запрещения вывоза хлопка. Однако голод 1861 года в Европе сделал вопрос о пшенице значительно более важным, а северяне, несмотря на Гражданскую войну, вывозили в Европу огромное количество пшеницы.

В апреле 1862 года, во время одной из бесед с Наполеоном III, эмиссар южан Джон Слайдель настаивал на признании Францией Конфедерации южных штатов как независимого объединения. Император готов был пойти на этот шаг при условии признания Конфедерации Англией. Однако английское правительство не торопилось это сделать и лишь оказывало помощь конфедератам, хотя и не особенно значительную, выжидая исхода военных действий. Так, в конце июля 1862 года, несмотря на отчаянные протесты посла Соединенных Штатов Адамса, Англия санкционировала передачу конфедератам крейсера «Алабама», построенного для них на верфи в Ливерпуле. Крейсер, потопивший 65 кораблей северян и уничтоживший имущества на 5 млн долларов, был потоплен северянами лишь в июне 1864 года.

У конфедератов были и другие корабли, построенные в Англии для каперства: «Флорида», «Джорджия», «Шенандоа» и другие. Именно на поставки военных судов из Англии конфедераты больше всего надеялись: ведь своих судостроительных верфей у них не было. Но по мере того как развивались события, лидеры

конфедератов все больше осознавали свою ошибку: они вступили в войну с промышленной державой, потенциал которой, переведенный на военные рельсы, обеспечивал все большее преимущество северянам. Впервые в истории военно-промышленного производства североамериканские фабриканты стали строить гигантские арсеналы и склады артиллерийских боеприпасов; их «мониторы» – низкопрофильные тяжелобронированные суда, оснащенные броневыми башнями с крупнокалиберными орудиями, – успешно действовали на реках и в прибрежных водах, нанося южанам страшный урон. Даже английские крейсеры, ставшие каперскими кораблями южан, стали существенно уступать североамериканским в оснащении и калибрах орудий.

После завершения войны, согласно Вашингтонскому договору 1871 года и решению арбитража в Женеве, Англия была принуждена уплатить Соединенным Штатам в возмещение убытков, причиненных «Алабамой» и другими каперами, астрономическую по тем временам сумму – 15,5 млн долларов.

В сентябре 1862 года, видя, что чаша весов в Гражданской войне медленно, но неуклонно показывает все возрастающее преимущество северного союза, Пальмерстон призвал Рассела признать Конфедерацию. Заседание кабинета для рассмотрения этого вопроса было назначено на конец сентября. Но англичане опоздали со своим решением. В течение оставшихся дней в Соединенных Штатах была издана предварительная прокламация об освобождении рабов. Вопрос о признании Конфедерации был снят с повестки заседания английского кабинета.

Теперь об интервенции говорили только во Франции. 31 октября дипломатические представители Англии и России были извещены

французским правительством о предлагаемом Францией проекте совместного выступления трех держав. Было намечено предложить шестимесячное перемирие, снять блокаду и открыть американские порты для европейской торговли.

Россия отклонила французское предложение. Английское правительство, ссылаясь на Россию, также ответило отказом. Огромную роль и на этот раз сыграло активное сопротивление этому проекту английских рабочих, вторично организовавших ряд массовых митингов протеста.

После отмены рабства внутренние и внешние дела Конфедерации настолько ухудшились, что вице-президент Конфедерации Александр Стивенс, один из самых ярых сторонников рабовладения, предложил для победы над северными штатами последовать их примеру и отменить рабство и на Юге. Но конгресс южан в Ричмонде не решился на это.

Последний гвоздь в крышку гроба рабовладельческой системы был вбит победами северян под Геттисбергом и Виксбергом. Наступил решающий перелом в военных действиях. Все это сделало интервенцию Англии и Франции окончательно невозможной.

Позорный провал англо-французской политики в Северной Америке неожиданно открыл в 1863 году окно возможностей для сближения Соединенных Штатов и России. Катализатором его стали напряженные отношения России с Англией и Францией, особенно обострившиеся в 1863 году, когда эти две страны подталкивали страны Европы к новой войне с Россией из-за польского вопроса. Франция, Великобритания и Австрия предъявили русскому правительству протест против его репрессий в Польше и начали военные приготовления. Русская армия была переведена на военное положение,

были развернуты работы по дальнейшему укреплению Кронштадта. В России считали, что война с западноевропейскими державами неизбежна.

В этих условиях российский император решил «утереть нос» англичанам и французам, послав в Америку две русские эскадры. Не стоит забывать и то, что к этому времени между Россией и США сложились весьма благоприятные отношения. Нейтрально-благожелательная позиция, занятая Вашингтоном в ходе Крымской войны, была высоко оценена в Петербурге. Министр иностранных дел, а позже канцлер Российской империи князь Александр Горчаков по этому поводу писал: «Симпатии американской нации к нам не ослабевали в продолжение всей войны, и Америка оказала нам прямо или косвенно больше услуг, чем можно было ожидать от державы, придерживающейся строгого нейтралитета».

В России понимали, что реальной угрозой для правительства президента Линкольна была не только мятежный Юг, но и все те же Лондон и Париж, пытавшиеся использовать американскую гражданскую войну в своих интересах. Именно для того чтобы не допустить британского и французского военного вмешательства в разгоравшуюся гражданскую войну, Россия 25 июня 1863 года направила к берегам Северной Америки часть своего Балтийского флота. В составе первой эскадры под флагом контр-адмирала Степана Лесовского имелось шесть кораблей с численностью экипажей в 3000 человек. Вторая эскадра под командованием контр-адмирала Андрея Попова насчитывала шесть кораблей и 1200 офицеров и матросов. Стоит обратить внимание на тот факт, что, помимо России, единственной европейской страной,

Император России Александр II

которая поддержала северян, была Швейцария; остальные либо поддерживали англичан и французоз, либо остались в стороне.

Позиция Российской империи была принципиальной и твердой. Князь Горчаков выразил ее так: «Политика России в отношении Соединенных Штатов определена

и не изменится в зависимости от курса любого другого государства. Превыше всего мы желаем сохранения Американского Союза как неразделенной нации... России делались предложения по присоединению к планам вмешательства. Россия отклонит любые предложения такого рода».

Адмирал Лесовский, командующий русской Атлантической эскадрой

Общественное мнение США горячо приветствовало присутствие русских моряков в американских портах. Они были окружены подчеркнутым вниманием госсекретаря США Сьюарда и морского министра Уэллеса. Состоялись многочисленные встречи с руководством Конгресса, парламентариями, членами их семей.

Российский посланник в США барон Эдуард Стеклъ писал Горчакову: «Наши морские офицеры продолжают быть предметом всеобщего внимания. Вообще, все слои населения соперничают в своем стремлении быть принятыми нашими моряками».

Любопытно, что членом экипажа клипера «Алмаз», входившего

в состав эскадры Лесовского, был Н. А. Римский-Корсаков, в то время юный гардемарин, а в будущем – известный российский композитор.

Авраам Линкольн трезво оценивал ситуацию. В тот момент он считал, что важно сделать акцент на поддержке федерального правительства со стороны России. Политики и журналисты в северных штатах приветствовали русский флот, а по Нью-Йорку даже ходили слухи, что у русского командующего есть секретный приказ выступить на стороне Севера. Так что появление флота вызвало эйфорию у северян и интерпретировалось как символ российско-американской дружбы.

Российская военно-морская миссия находилась в США целых девять месяцев. В конце июля 1864 года, когда в Петербурге сочли ее задачи выполненными, командующие обеих эскадр получили приказ покинуть американские воды и возвращаться домой. Политические итоги миссии были высоко оценены в обеих столицах.

Благодарность и благожелательность по отношению к России, увы, сохранялись в США недолго. После гибели Линкольна в Америке на протяжении долгого времени правили так называемые «примиренцы» – политики, которые стремились к компромиссу с южными штатами по всем вопросам. Как следствие этого, добрые отношения с Россией не имели для новой политической элиты никакого смысла. Начиная с 1880-х годов в отношениях между Америкой и Россией начинается охлаждение.

Новая власть оказалась сильно коррумпированной. Преимущества американской системы правления не могли быть основанием для гордости граждан страны: посты в администрации продавались,

решение в конгрессе можно было купить. Эта ситуация вызывала у американцев разочарование в собственной стране. Еще со времен пуритан американцы привыкли думать о своей стране как о лидере цивилизованного человечества, но теперь это представление о собственной исключительности пошатнулось. Соответственно пошатнулась и вера в друзей Америки. А недруги продолжателей политики Линкольна твердили теперь народу, что все, что он делал, было нелепой ошибкой. Включая и дружбу с Россией.

О том, что после смерти Линкольна позиция ведущих политиков США в отношении России была двучинной уже в конце 1860-х годов, свидетельствуют исторические документы. Вот что писал в 1868 году американский дипломат Джеймс Китс: «Русские умны, трудолюбивы и предприимчивы. Было бы неразумно дать им возможность иметь на нашей земле колонии или даже концессии, так как они смогут тогда усилить не только свое присутствие на американской земле, но со временем также получат рычаги влияния на наших политиков. От их присутствия в Америке надо избавиться как можно скорее. С ними можно, конечно, дружить на словах, но на деле политика наша в отношении России, ее императора и ее политиков должна основываться на практической выгоде, а не на истинно дружеских отношениях, полных доверительности или совместных интересов».

Сказано достаточно откровенно! И эта концепция постепенно становилась основой политики США в отношении России. Американские политики и дипломаты продолжали уверять русских послов в своей преданности Российской империи, но внутри американской элиты царили уже другие настроения. Ее лидеры предпочитали теперь слова и пустые обещания

Капитаны экспедиции русского флота к берегам Северной Америки. Слева направо: П. А. Зеленой (клипер «Алмаз»), И. И. Бутаков (фрегат «Ослябя»), М. Я. Федоровский (фрегат «Александр Невский»), адмирал С. С. Лесовский (командир эскадры), Н. В. Копытов (фрегат «Пересвет»), О. К. Кремер (корвет «Витязь»), Р. А. Лунд (корвет «Варяг»). Литография неизвестного автора по фотографии «Admiral Lessofsky and his Captains», сделанной Mathew Brady в его салоне в Нью-Йорке в 1863 году

делам и искренности. Пытаясь заставить русских навсегда покинуть Аляску и другие освоенные ими в Северной Америке земли, они твердили им, включая самого русского императора, что России не нужны земли в Америке, – ведь Америка и так в полном их распоряжении! И им, к сожалению, верили. Отказ Российской империи от Аляски и других земель в Северной Америке был, таким образом, продиктован в первую очередь обещаниями американских политиков дружить с Россией, торговать с ней широко, поддерживать ее на политической арене и всегда быть на стороне России в военных конфликтах – в обмен на уход с американской земли.

Между тем у освоения русскими территорий в Северной Америке была многолетняя история. Она началась с рождения так называемой «Русской Америки», то есть колоний и торговых миссий в разных

районах Северной Америки. Считается, что первыми европейцами, увидевшими берега Аляски, были участники экспедиции Семёна Дежнева в 1648 году, которые проплыли по Берингову проливу «из Студеного моря в Теплое». В XVIII веке (1729–1735) исследованиями Аляски занималась серьезная экспедиция А. Ф. Шестакова и Д. И. Павлуцкого; в рамках этой экспедиции на Аляску прибыл бот «Св. Гавриил», на котором был известный в то время геодезист М. С. Гвоздев. Спустя десятилетие русские моряки и промышленники начали осваивать Алеутские острова, и с 1770-х годов на островах стали создаваться русские поселения.

Утверждению русских поселений на островах помогали и русские православные миссии. В сентябре 1794 года на остров Кадьяк прибыла православная миссия в составе восьми монахов из Валаамского и Коневского монастырей

Матросы русской Атлантической эскадры

и Александро-Невской Лавры во главе с архимандритом Иоасафом (10 апреля 1799 года он стал епископом Кадыжским). Миссионеры возвели православный храм и начали обращать язычников в свою веру. Православные миссионеры внесли немалый вклад в освоение Русской Америки.

Первый русский форт в Северной Америке – форт Св. Николая – был основан в 1791 году. Спустя полтора года экспедиция промышленника Василия Иванова достигла берегов реки Юкон, где также основала поселение.

По тогдашним меркам освоение Аляски шло довольно быстрыми темпами. Первым губернатором Аляски был А. Баранов. За годы его правления границы русских владений на Аляске существенно расширились, возникло много новых русских поселений, строились редуты. Началось строительство городка Новороссийск в заливе Якутат.

Основу экономики Русской Америки составлял промысел морского зверя (калана и сивуча), который осуществлялся с широким привлечением алеутов. С 1808 года столицей Русской Америки стал Ново-Архангельск.

Фактически управление американскими территориями вела Российско-американская компания, главный штаб которой находился в Иркутске. Официально Русская Америка была включена в состав сначала Сибирского генерал-губернаторства, а после его разделения в 1822 году на Западное и Восточное – в состав Восточно-Сибирского генерал-губернаторства.

11 сентября 1812 года русский исследователь и военный администратор Иван Кусков основал крепость Росс (в 80 км к северу от Сан-Франциско в Калифорнии),

ставшую южным форпостом русской колонизации Америки. Формально эта земля принадлежала Испании, однако Кусков купил ее у индейцев. Между представителем компании и вождями индейских племен был составлен договор, который юридически закреплял передачу русских владений в Калифорнии в собственность Российско-американской компании. В колонии были завезены огороды, развито скотоводство, имелась судоверфь. С собой Кусков привел всего 95 русских и 80 алеутов, но со временем колония выросла в несколько раз. Росс до сих пор считается одним из важнейших памятников Русской Америки в Калифорнии.

Кстати, Российско-американская компания, основанная Григорием Шелеховым и Николаем Резановым, была полугосударственной структурой. И тот и другой были выдающимися личностями. Шелехов был русским исследователем, мореплавателем, промышленником и купцом, с 1775 года занимавшимся организацией коммерческого торгового судоходства между Курильским и Алеутским архипелагами. А Резанов, зять Шелехова, русский дипломат, путешественник и предприниматель, был одним из организаторов первого русского кругосветного плавания, первым официальным послом России в Японии и составителем одного из первых русско-японских словарей.

В 1825 году была подписана Англо-русская конвенция о разграничении их владений в Северной Америке (Великобритании принадлежала Британская Колумбия, ныне часть Канады). Была установлена пограничная черта, отделявшая владения Британии: она проходила в 10 милях от линии океана. До этого неофициальной границей считался хребет Скалистых гор. При этом русская сторона никогда

не делала попытки переходить за Скалистые горы, хотя на протяжении почти половины столетия земля там была абсолютно безлюдна. Как видим, русскими была создана основа инфраструктуры в этой части Северной Америки.

Из всего сказанного ясно, что планы Российской империи по приобретению торгово-экономических плацдармов в Северной Америке получали воплощение, а колонизация ряда районов Аляски развивалась успешно. Так что все версии якобы вынужденного ухода России из Северной Америки не выдерживают критики.

Почему же тогда Российская империя приняла решение покинуть эти территории, согласившись на продажу их за весьма скромную сумму в 7,2 млн долларов? Ведь посулы американских политиков и их клятвы вечно дружить с Россией не могли обмануть дальновидных политических деятелей империи.

Первой причиной была, думается, нагнетаемая местными политиками ненависть к русским, которые, как писалось в прессе, не склонны подчиняться федеральным законам и ведут грабительскую политику на занимаемых ими территориях. Стало известно, что подобные материалы в прессе инспирировались местными промышленниками и арендаторами крупных земельных угодий на территориях, прилегающих к землям русских компаний. Они рассчитывали завладеть этими землями в случае ухода русских.

Второй же причиной было, как полагают, предательство и жадность тогдашнего русского посла в Америке Эдуарда Стекла. Австриец по происхождению, он стал российским представителем в США после смерти посла Александра Бодиско, помощником у которого был. Стекло был женат на американке, и, скорее всего, именно через нее на него вышли американские

политики и капиталисты, которые желали вытеснения русских из Северной Америки.

В числе лиц, с которыми постоянно общался Стекло, были сенатор Уильям Гвин и дипломат Сьюард. По их наущению Стекло постоянно посылал в Петербург панические сообщения об угрозе войны вокруг русских территорий, о растущем недовольстве американских политиков «русскими наростами на американской земле». Ему верили. Как следствие этого, он благополучно продал территории вблизи Сан-Франциско, а потом и Аляску. Договор о продаже Аляски он подписал в 1867 году за что получил особую благодарность русского императора – орден Белого Орла, единовременное вознаграждение в 25 000 руб. и пожизненную пенсию в 6000 руб. ежегодно.

В газетах писали, что все эти выплаты – ничтожная сумма по сравнению с размером того подкупа, который Стекло получил от американских властей. Называлась сумма, значительно больше той, которую США заплатили за Аляску. И это не считая того, что русский царь выдал ему 165 тыс. долларов на непредвиденные расходы, то есть на взятки американским политикам и журналистам, но посол расходовал эту сумму по своему разумению.

Разбогатец, Стекло подал в отставку и уехал во Францию, где и прожил до конца своих дней (он умер в 88 лет в 1892 году). Любопытно, что в 2011 году лондонский аукционный дом «Сотбис» выставил на продажу награды Стекла, в том числе и орден «Белого орла» (его предварительно оценили в сумму от 70 до 90 тыс. фунтов). Как видим, Стекло умудрился заработать крупную сумму даже после своей смерти...

НАШИМ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ

«ДА, И ТАКОЙ, МОЯ РОССИЯ, ТЫ ВСЕХ КРАЕВ ДОРОЖЕ МНЕ»

Быть русским – значит через боль любить свою землю

АЛЕКСЕЙ ШУЛЬГИН

Уездный город Сапожок

Когда много прожито и увидено, возникает потребность рассказать, поделиться своими воспоминаниями: страшно, что ты исчезнешь и пропадет с тобой все, что было дорого и свято. Сложилось так, что я пишу, а Екатерина Софронова фиксирует на фото наши путешествия по городам и затерянным селам. Много лет посвящено поездкам и наблюдениям.

Жива еще русская земля, но разве позволительно расточать народное

достояние и не замечать его гибели? Что есть Россия? Это земля, памятники архитектуры, вера, люди. И все это можно потерять, какие бы ни произносились оптимистические речи о проектах возрождения, благоустройства и т.п. И потерять можно быстрее, чем кажется: время беспощадно к церкви без куполов или к избе с прохудившейся крышей и разбитыми окнами. А русская деревня, в коренном понимании, почти вымерла, люди

забывают своих предков, дедов и бабок... Россия опять оказалась на распутье. И терзает меня постоянно вопрос: как не потерять?

Моя влюбленность в русскую старину появилась не на пустом месте: дома берегли старые вещи, письма, фотографии, помнили имена пращуров, правда, боялись при советской власти вспоминать о дореволюционной жизни. Купцы жестоко были избиты Советами, обобранны и лишены своего прошлого...

Поклониться могилам предков мы поехали в Сапожок в 2016 году. Из Москвы нужно было ехать до Рязани, откуда в Сапожок раз в четыре дня ходит автобус. Всю дорогу я думал: как меня примут земляки и родственники. Хотя многие из них давно умерли, а живых я не знаю. Сапожок, некогда довольно крупный и богатый город, теперь – глухая провинция. Течет река Машка, на площади, как на лысой горе, торчит Ленин. На березах – грачи гнезда, слышен важный грай грачей.

Небо темнело. К ночи устроились в гостинице. А на рассвете, не дождавшись открытия буфета, побежали в город. В пять утра уже спешили по делам люди, мелькали машины. В семь утра открылась церковь, можно было зайти помолиться. В храме – женщины, больше старушки. Кто же еще будет отмаливать непутевых мужиков? Матери да жены. В тот день не нашли мы могил Шульгиных. А соборный храм, который строили мои предки, взорвали коммунисты...

Ярославль – старинный город на Волге. Из Ростова Великого в Крещение поехали мы в Ярославль в гости к нашему другу, старейшему художнику-анималисту Олегу Павловичу Отрошко, к которому ездим мы каждый год. Во здравие и для радости трубит в охотничий рог могучий дед, бывалый человек, художник и охотник. Много знаменитых людей перепробовало в его мастерской. Расул Гамзатов щедро награждал Отрошко званием Гения.

Благодаря знакомству с Олегом Павловичем мы основательно объездили «окрестности»: Тутаев, Рыбинск, Кострома, Буй, Галич... Как забыть декабрьскую переправу через Волгу на маленьком пароме в Тутаеве, когда ледяная шуга скрежещет о металлическую обшивку! Зима в тот год опаздывала. В Тутаеве – улица Панина, она же

Олег Отрошко. Ярославль

Комсомольская, она же Троцкого, она же (при царе Горохе) Даниловская... Чем не учебник отечественной истории? А лоси с бубенцами под Сумароковым? А Галичское озеро и копченые щуки на базаре?

Какого русского человека не потрясет Тутаевский Спас оплечный! Вокзальный храм в Буге. Выставка русского гения, художника Ефима

Честнякова. Закат на набережной Волги, сотни ворон, рассеянных на ветках, как черные яблоки...

Из Твери до Торжка ехать на маршрутке довольно долго (как, впрочем, в любой удаленный тверской город). Торжок напоминает ларчик – так он красив! Чего греха таить, следом за Пушкиным хотелось отведать пожарских котлет. Вспомнились

Торжок. Вид с колокольни на Тверцу

строки поэта из письма к С. А. Со-
болевскому:

*На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жареных котлет отведай
(именно котлет)
И отправься налегке...*

В Яропольце фантазия рисует, как Пушкин хаживал по тому же парку, где ты сейчас землю топчешь. Или как выбирает в библиотеке Гончаровых нужные книги, перевязывает их бечевкой, грузит в экипаж поклажу...

А пожарских котлет в тот приезд в Торжок мы поели. И город обошли из конца в конец. И на берегу Тверцы сидели, любуясь разношерстными строениями.

Мой друг, художник Владимир Титов – певец запустения, его восхищают развалины, руины. А мне вот не хотелось, чтобы Торжок превратился в памятник исчезнувшей цивилизации. Сколь прекрасен был Торжок в прошлом, столь безотраден в настоящем. Даже сохранившееся великолепие храмов и старинных домов не способно поменять картину: разрушение

идет своим ходом. Пора браться нам, живым, за ум, наводить порядок, спасти народные сокровища. Пока тянутся к облакам купола торжокских церквей, память о былом – укор живущим...

Ни Елец, ни Орел не потрясли так, как Ефремов. Может, оттого, что там похоронена мать Ивана Бунина – Людмила Александровна Бунина (в девичестве Чубарова)?

В Ефремове Бунин часто бывал наездами. Писал: «Я как в тумане от работы и сидения... Положение дел таково: мать все время в Ефремове и глядеть на нее тяжело, так много она, бедная, трудится. Прислуги сейчас нет... Тружусь упорно... В Ефремове страшная нищета».

Ефремов – южный город, отсюда начинаются южные земли. Можно уже увидеть пирамидальные тополя. В полдень от жары дрожит воздух, всюду неторопливость лениности: сядь в тенек и подремли. Течет через город Красивая Меча.

«Там у нас, на Красивой-то на Мечи, взойдешь ты на холм, взойдешь – и, Господи Боже мой, что это? а?.. И река-то, и луга, и лес;

а там церковь, а там опять пошли луга. Далече видно, далече. Вот как далеко видно... Смотришь, смотришь, ах ты, право!» Это слова героя рассказа «Касьян с Красивой Мечи» из «Записок охотника» Ивана Тургенева.

Никогда не забуду, как мы опоздали к вечерней службе. Уже закрывали ворота, но нам сказали: «Заходите. Посидите, отдохните, а будете уходить, закройте ворота на засов». Мы долго сидели на скамейке у храма в тени голубой ели. И сейчас благодарность к незнакомым добрым людям заставляет сердце биться быстрее.

Ефремов со времен Бунина мало изменился...

Холодная выдалась весна 2021 года, когда мы поехали в Мценск. Под окнами нашего жилья ночами шастал еж. Поблизости несла воды Зуша. С одной стороны – крутой берег с выпирающей каменистой породой. Почему-то пришли на ум пещеры Змея Горыныча. Былинное оказывается совсем рядом.

Мценск связан с именами Лескова и Фета. Никуда не уйти от «Леди Макбет Мценского уезда». Паровоз на вокзале, краеведческий музей, церкви, особняки и торговые ряды... И всюду налет очевидно-го распада.

Автобусом можно доехать до Орла. От Орла – до Брянска. Художник Валентин Иванович Воробьев, родившийся в Брянске, давно живет в Париже. Судьба порой заковыриста в своих замыслах: брянский мужик оказался на берегах Сены и пишет абстрактные картины европейскими красками.

Последней поездкой в нашем списке стало пока путешествие на островной Введенский монастырь, что возле Покрова. Дорога до Владимира утомительна: народ набивается в электричку, не продохнуть. Виноват Венедикт Ерофеев с его «Москва – Петушки».

Река Красивая Меча

В Покрове много цыган. Где их табор? Прочел в газете, что Покров сегодня – центр «социализации» цыган в России. Вот как! Посверкивают горящие глаза древнего кочевых народа. У нас взаимный интерес: они на нас глазеют, мы изучаем их.

Но за городом ни души. Идем через лес. Сосняки... в сезон, наверное, тут хорошо растут грибы и ягоды. Шли долго, пока в лицо не ударило волной водяной свежести: значит, рядом водоем. Небольшой остров на озере правильной круглой формы. Постройки Введенского монастыря отражаются на беспокойной глади. Вдоль берега плавают утки, кормятся. Над поверхностью озера, касаясь воды крыльями, проносятся ласточки. На самом острове – всюду чайки. Их серые в крапинку птенцы

смешно ходят, переваливаясь, как маленькие дрофы или страусы. Родители подлетают к ним, чтобы скормить рыбешку. Чайки сидят на крестах, дремлют на грядках с укропом и чесноком, летают над головой, словом, чайки – хозяева островного монастыря.

Запах воды, водорослей успокаивает нервы, растравленные шумным городом, куда скоро придется возвращаться. Вот бы остаться тут жить! А через час уже идешь к станции ждать электричку. Скоро Москва нас проглотит...

Русский дух, Русью пахнет... Как это? Для нас – это дорога в неизвестное. Всякое поселение – чудо за тридевять земель, где по лесной тропинке катится Колобок, через чашу идет-бредет ступа с Бабою Ягой, в полях в шатре отдыхает Марья Моревна. Быть

русским – значит через боль любить свою землю: заброшенную, разворованную, но до того прекрасную, что дыхание перехватывает. Много километров пройдено, многое еще предстоит увидеть и понять. Мечта моя, чтобы не бежали люди из маленьких старинных городов. Александр Блок писал:

*Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые, —
Как слезы первые любви!*

*Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несущий...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!*

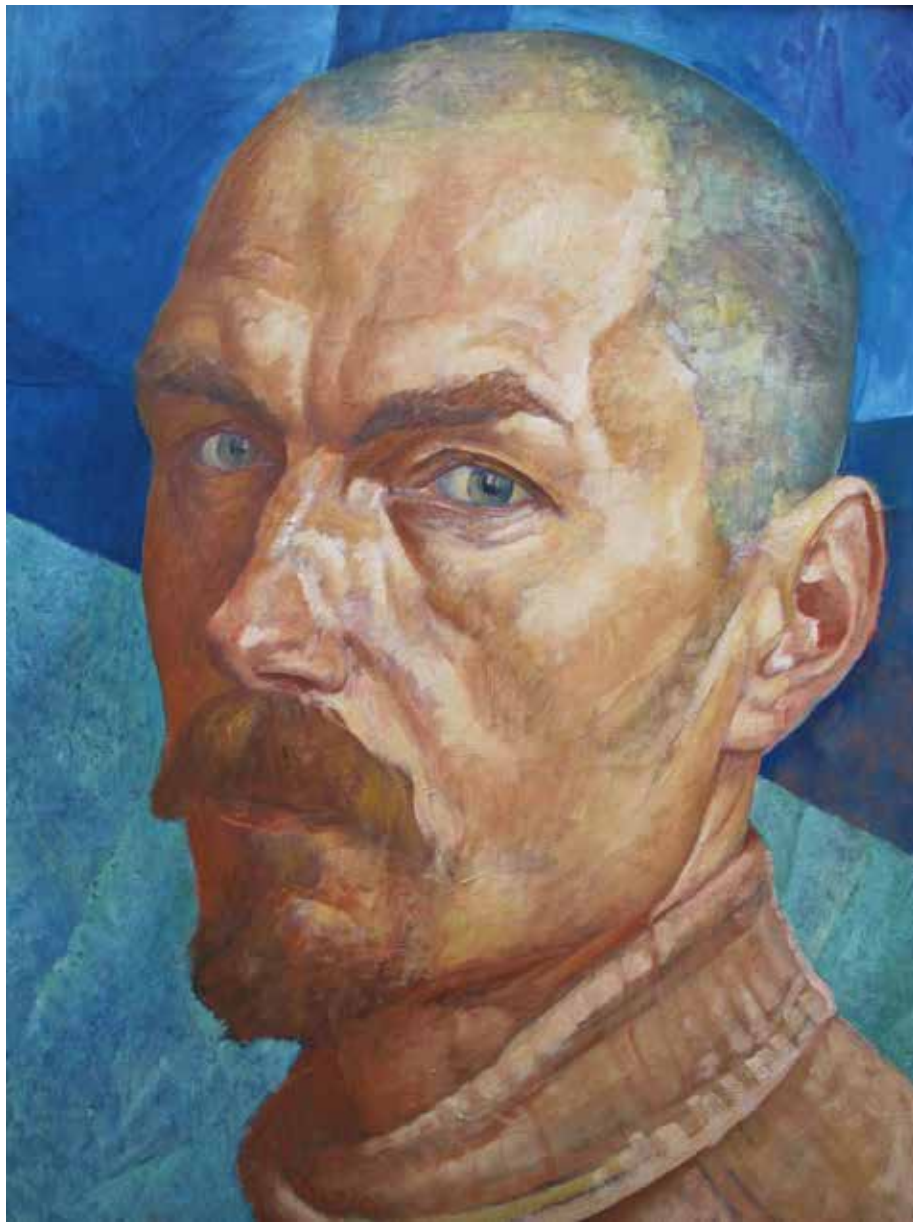
Душа болит, а любви не избыть.

Фото: Екатерина Софронова

«КУПАНИЕ КРАСНОГО КОНЯ» КАК СИМВОЛ ЭПОХИ

К 145-летию со дня рождения Кузьмы Петрова-Водкина

ОКСАНА КОПЕНКИНА,
арт-аналитик, основатель сайта «Дневник живописи»

Кузьма Петров-Водкин. «Автопортрет». 1918

Мы все привыкли смотреть на «Купание красного коня» Петрова-Водкина как на символ революции 1917 года. Да, Петров-Водкин – один из немногих дореволюционных художников, который смог адаптироваться к новому миру. Но все ли так однозначно? Ведь картина была написана за пять лет до революции, в 1912 году...

Откуда вообще взялась идея «Красного коня»? И как он превратился из жанровой сцены в символ целой эпохи?

Работа Петрова-Водкина была очень смелой для начала XX века, хотя изображено не такое уж значительное событие: всего-то мальчишки купают коней.

Но главный конь неожиданного красного цвета. Причем насыщенного красного. Позади – розовый и белый кони. На их фоне красный цвет главного коня проступает еще ярственнее.

Изображение почти плоское. Четкий контур. Черные удила, черное копыто и черный глаз придают коню еще большую стилизованность.

Вода под копытами больше похожа на тонкую ткань, которая пузырится и расходится складками.

А еще – сдвоенная перспектива. На коня мы смотрим сбоку. А вот на озеро – сверху.

«Купание красного коня». 1912

Поэтому мы не видим неба, горизонта. Водоем почти вертикально стоит перед нами.

Все эти живописные приемы были необычны для России в самом начале XX века, учитывая, что в то время большой популярностью пользовались работы Врубеля, Репина, Серова, восходящей звездой была Зинаида Серебрякова.

Где же Петров-Водкин взял все эти идеи для своей картины? Как развивался стиль художника?

Упрощенное цветовое решение и минимализм в деталях – прямое влияние работ Матисса. Особенно это заметно в работе «Играющие мальчики», которая была создана почти тогда же, что и «Купание красного коня».

Она вам ничего не напоминает? Конечно, многое в ней перекликается с «Танцем» Матисса. На тот момент эту работу уже купил русский коллекционер Сергей Щукин. И Петров-Водкин ее видел.

В это же время ученые и художники стали активно интересоваться иконописью. В начале XX века расчистили немало старинных икон, и мир понял, какой важный пласт мировой живописи до сих пор игнорировался.

Петров-Водкин был восхищен иконописью. Именно на иконах он и увидел красных коней: если конь считался красивым, то его символично изображали красным.

Фирменная трехцветка Петрова-Водкина – красный-синий-

«Играющие мальчики». 1911

желтый – преобладающие цвета как раз икон.

Вот так, смешав черты модернизма и иконописи, Петров-Водкин и сформировал свой неповторимый стиль, который мы и видим в «Купании красного коня».

Конечно, к своей узнаваемой цветовой гамме он пришел не сразу: несколькими годами ранее цветовые решения мастера были другими, оттенки разнообразнее.

Чтобы понять, в чем же уникальность этой картины, важно сопоставить ее с другими работами художника. Формально «Купание красного коня» не особенно выделяется среди других работ

Петрова-Водкина. Он создавал и другие картины в той же стилистике, что «Купание красного коня»: трехцветка, упрощенный фон. Как, например, на картине «Две девушки», созданной в 1913 году.

После революции стиль художника остается прежним. И даже конь вновь появляется («Фантазия». 1925).

В советское время сохранилась лаконичность, но вернулись тени и объем. Балом правил соцреализм, и всякие модернистские «штучки» были под запретом. Поэтому, к примеру, фон на картине «Весна» (1935) – уже не просто закрашенный чистым зеленым луг,

это обрыв со сложным рисунком камней. Хорошо прописаны и деревенские домишки. Но мы по-прежнему видим «фирменную» трехцветку.

Когда смотришь на ряд этих работ, созданных художником за 30 лет, понимаешь, что «Купание красного коня» не выделяется какой-то особой уникальностью. Так как же картина стала самой известной работой художника и даже символом целой эпохи?

Сначала Петров-Водкин начинал писать «Купание красного коня» как очередную картину на бытовой сюжет. И в самом деле, что необычного в том, что мальчишки,

помощники конюха, пришли к озеру помыть коней. Но потом художник начал сознательно придавать картине черты монументальности, понимая, что все больше выходит за рамки бытового жанра.

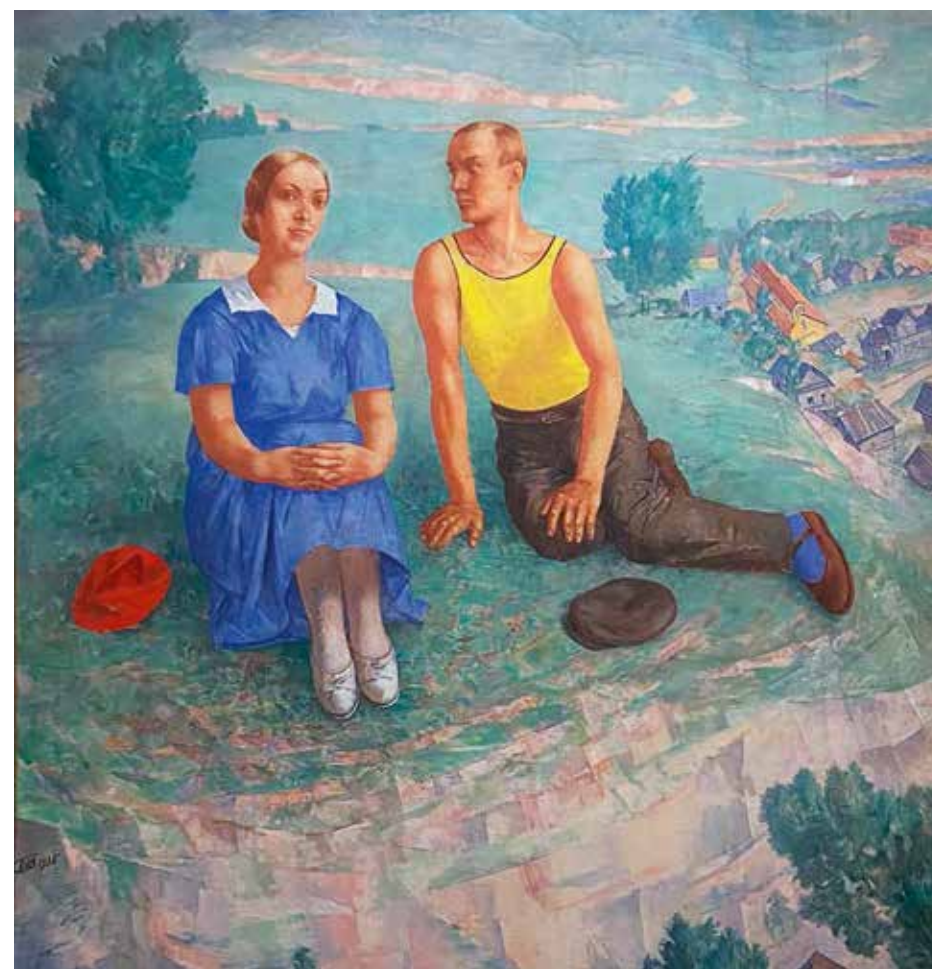
Итак, красный цвет Петров-Водкин выбрал не случайно, но красным является не просто юбка крестьянки или кепка рабочего. А целый конь. Цвет становится не просто доминирующим, а всепоглощающим. К тому же конь намеренно укрупнен. Он просто не помещается в картине. В кадр не попали ноги, хвост и уши коня. Он очень близко к нам. Он буквально наваливается на нас. Отсюда ощущение тревоги и дискомфорта.

И в довершение – отрешенный, не к месту спокойный взгляд юного наездника. Мало того, что нам сложно поверить, что такой юнец может справиться с такой машиной, он еще и не особо сосредоточен. Как правило, это к добру не приводит. И все мы знаем, к чему привели благие намерения революционеров. Когда «Красный конь» в какой-то момент вышел из-под контроля и начал давить всех. Уже не разбираясь, кто прав, а кто виноват.

Все это в совокупности и делает картину символичной и пророческой. Можно ли Петрова-Водкина назвать провидцем? В какой-то степени, да. Гениальные художники умеют считывать невидимые пласты Вселенной, сами того не осознавая. Он и не осознавал. Считая, что написал коня в преддверии Первой мировой войны. Не подозревая, что в красный цвет скоро окрасится вся его страна. На карте мира...

«Две девушки». 1913

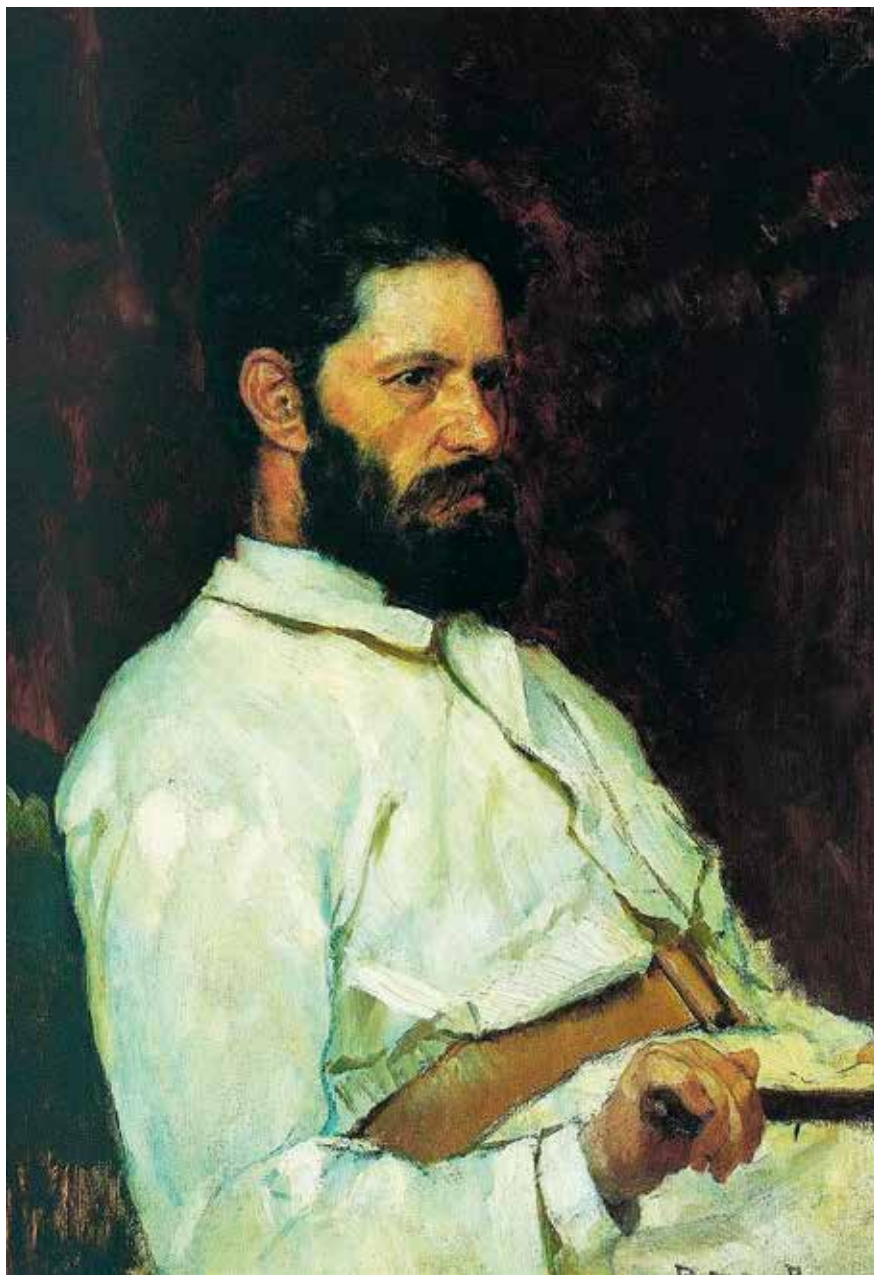

«Весна». 1935

МАСТЕР, КОТОРЫЙ ОПЕРЕЖАЛ ВРЕМЯ

Марк Антокольский: «Что бы я ни сделал, будет всегда результатом тех задушевных впечатлений, которыми матушка-Русь вскормила»

ТЕОДОР ТЭТОВ

Портрет Марка Антокольского работы В. Васнецова. 1884

Мастера русской скульптуры представлены во многих музеях мира, но их имена мало известны широкой публике. Исключение, впрочем, есть. В каталогах ряда ведущих музеев, как и в ряде национальных энциклопедий, есть имя скульптора, которого причисляют к гениальным и по-своему неповторимым. Это Марк Матвеевич Антокольский.

Будущий великий скульптор родился 2 ноября 1843 года в городе Вильно, в районе Антоколь (отсюда и происхождение фамилии), в семье еврея-корчмаря. Жизнь многодетной семьи была очень непростой. Отец с раннего детства пытался привить Марку желание участвовать в делах, способных приносить прибыль, но мальчика это никак не привлекало. В конце концов корчмарь отдал сына сначала в мастерскую позументщика, где он должен был научиться изготавливать золотую и серебряную тесьму, а позже устроил в мастерской резчика по дереву Тасселькраута. Именно здесь и проявились стремление к творческой работе и большие способности Антокольского к скульптурной работе. Ему попала на глаза репродукция картины Ван Дейка «Богородица с младенцем». Юноша вырезал на ее основе деревянный рельеф, причем весьма искусно.

Работу Марка увидела жена виленского генерал-губернатора и была поражена тем, что юноша,

не имеющий никакого специального образования, смог выполнить нечто подобное. Она дала Марку рекомендательное письмо к своей петербургской приятельнице – баронессе Эдитт Раден, которая была фрейлиной великой княгини Елены Павловны.

4 ноября 1862 года Антокольский был зачислен в Академию художеств в качестве вольнослушателя. До этого времени он не получил никакого художественного образования, представления о навыках, необходимых скульптору, не имел, рисовал плохо. Но у него были прекрасные учителя, и среди них – знаменитый скульптор Николай Пименов, один из мастеров, ответственных за убранство Исаакиевского собора.

Уже к двадцати годам Антокольский освоил технические навыки, необходимые для лепки и работы по камню. Во время каникул в Вильно он занимался лепкой жанровых композиций. Итогом его самостоятельной работы стали представленные на отчетной выставке 1864–1865 годов скульптурные работы «Портной» (1864) и «Скупой» (1865). Обе были удостоены серебряной медали, а за «Скупого» ему даже назначили стипендию в размере 29 рублей.

Думается, здесь надо сказать несколько слов о том, что еврейское изобразительное творчество исторически было ограничено декоративными и оформительскими работами: ведь иудейская религия запрещает изображать людей. У Антокольского же имели место изображения, к тому же несколько гротескные, но поразительно привлекательные по своим изобразительным средствам, вызывающие улыбку и требующие признания феноменального мастерства в исполнении деталей. Крайне важно отметить и то, что в этих работах Антокольский впервые использовал архитектурно-оформительские

элементы, которые стали особенностью его творчества.

В Академии художеств Антокольский пробыл семь лет. Все эти годы у него было немало житейских проблем, но две из них были особенно острыми. Первой была бедность. Чтобы что-то заработать, Антокольский лепил на продажу амурчиков и фигурки воинов. Второй проблемой, которая становилась все более ощутимой, была его слабая общая подготовка. Знаний по истории и естественным наукам у него практически не было, приходилось упорно заниматься самообразованием. Речь его была не очень грамотной, и писал он со множеством ошибок. Ему пришлось нанять учителей, на что также расходовались скудные средства. Ко всему этому добавлялась еще опасность попасть в рекрутский набор. Но Антокольскому удалось пережить эти трудности.

В 1860–1880-годы одним из крупнейших центров профессиональной подготовки деятелей искусств считался Берлинский университет искусств. Зная это, Антокольский решил познакомиться с работами германских скульпторов и их учителями в Берлине, для чего взял в Академии отпуск на три месяца. В Берлине он занимался у скульптора и художника Рейнгольда Бегаса, считавшегося мэтром всех скульпторов Германии. Однако Антокольский обнаружил, что в Германии скульпторы скованы академическими канонами еще больше, чем в России.

Вернувшись на родину, Антокольский вновь столкнулся с прежними проблемами, но, взяв себя в руки, подал заявку на участие в конкурсной программе, объявленной Академией художеств по теме: «Царь Иоанн Грозный». Участие в конкурсе было непростой задачей, но первое место принесло бы ему не только статус художника: в этом случае ни о каком

рекрутстве не было бы и речи. Его могло бы выручить и получение звания почетного гражданина, которое давало право на избрание профессии художника. Он подал прошение в Совет Академии, и оно было удовлетворено. Это был важный шаг вперед, но оставалась еще одна проблема: звание почетного гражданина не обеспечивало возможности занимать помещение для работы в Академии. После долгих просьб и прошений ему предоставили небольшую комнату на четвертом этаже Академии, куда по частям перенесли глиняную модель статуи, которая весила более 600 килограммов. В ходе этой операции скульптура сильно деформировалась. К тому же комната плохо отапливалась, Антокольский часто болел.

Преодолев все трудности, он успешно завершил работу, но представить ее на выставку курсантов к ноябрю 1870 года не успел. Теперь оставалось только добиться прихода профессоров в его импровизированную студию. Все его послания оставались без ответа, и он прибег к последнему средству: обратился с письмом к вице-президенту Академии художеств – князю Г. Гагарину.

Князь, в отличие от профессоров, внял просьбе мастера посмотреть на скульптуру и сразу оценил ее достоинства. В результате работу Антокольского было решено показать самому императору Александру II. Скульптура настолько понравилась государю, что он заказал ее бронзовую отливку для Эрмитажа.

С этого дня судьба Антокольского сделала крутой поворот. У Александра II был хороший вкус и неплохие знания по истории искусства. Он оценил мастерство Антокольского по достоинству. В 1872 году скульптура была показана на Международной выставке в Лондоне, и Кенсингтонский

Скульптура «Царь Иоанн Васильевич Грозный». 1875

музей заказал для своего собрания гипсовый слепок. Скульптура «Иван Грозный» стала, таким образом, первой работой русского мастера, попавшей в коллекцию музея за рубежом.

А тут и Совет Академии признал, что в отношении «Ивана Грозного» допущена ошибка. Императору была направлена докладная записка, в которой извещалось, что Совет намерен присвоить Антокольскому звание академика. Скульптор получил звание, которое обычно давалось после четырех

серебряных, двух золотых медалей и шестилетнего заграничного пенсионерства. И это было не все: Академия выделила ему денежное пособие в размере 250 рублей для окончания статуи.

«Иван Грозный» – одно из величайших произведений мировой скульптуры. Величайший из российских собирателей искусства Павел Третьяков, для которого был сделан мраморный вариант скульптуры, видел в фигуре Ивана Грозного раздумья великого политика, переживания могучего

государственного деятеля, заботящегося о будущем страны.

Некоторые западные искусствоведы видели в скульптуре то, что желали видеть: они утверждали, что «Иоанн Грозный» Антокольского – не что иное, как подражание работе французского скульптора Гудона «Вольтер». Абсурдность подобных утверждений очевидна. Вольтер с его презрительной улыбкой, язвительным прищуром, в обычном для него скептическом настроении, и Иван Грозный с его заботами о том, как справиться с многочисленными врагами державы, – две скульптуры, неизмеримо далекие друг от друга.

Еще во время работы над «Иоанном Грозным» у Антокольского созрел замысел создать скульптуру Петра I, а потом, возможно, и продолжить серию скульптур великих русских государей. Этот замысел был им частично осуществлен. По поводу первых двух скульптур он писал: «Мне хотелось олицетворить две совершенно противоположные черты русской истории. Мне казалось, что эти, столь чуждые один другому образы в истории дополняют друг друга и составляют нечто цельное».

И он был прав! Историки признают, что Иван Грозный заложил основы мощного русского государства, которое расширил и укрепил царь Петр. Без Ивана IV не было бы Петра I...

Искусствоведы считают, что Антокольский даже в сугубо академических произведениях опережал свое время. Он был великим реформатором в области ваяния; он прежде всего видел живой образ, который ему предстояло воплотить в скульптуру. Причем видел его в движении. Именно поэтому воплощенный им образ Петра I производит такое сильное впечатление на зрителя. А откинутые ветром пола мундира и шарф

усиливают впечатление уверенного движения и целеустремленности.

После окончания работы скульптура «Петр I», одна из самых патриотичных и выразительных работ Антокольского, была выставлена в Москве на Всероссийской политехнической выставке, затем отправлена в Петербург, в Академию художеств. И тут произошло то, чего никто не ожидал. На скульптора обрушился шквал критики: его обвиняли в том, что он создал тип «военного педанта», «маньяка военного дела». Заказа на статую ни от кого не поступило, и она долгие годы простояла во дворе литейной мастерской Академии художеств.

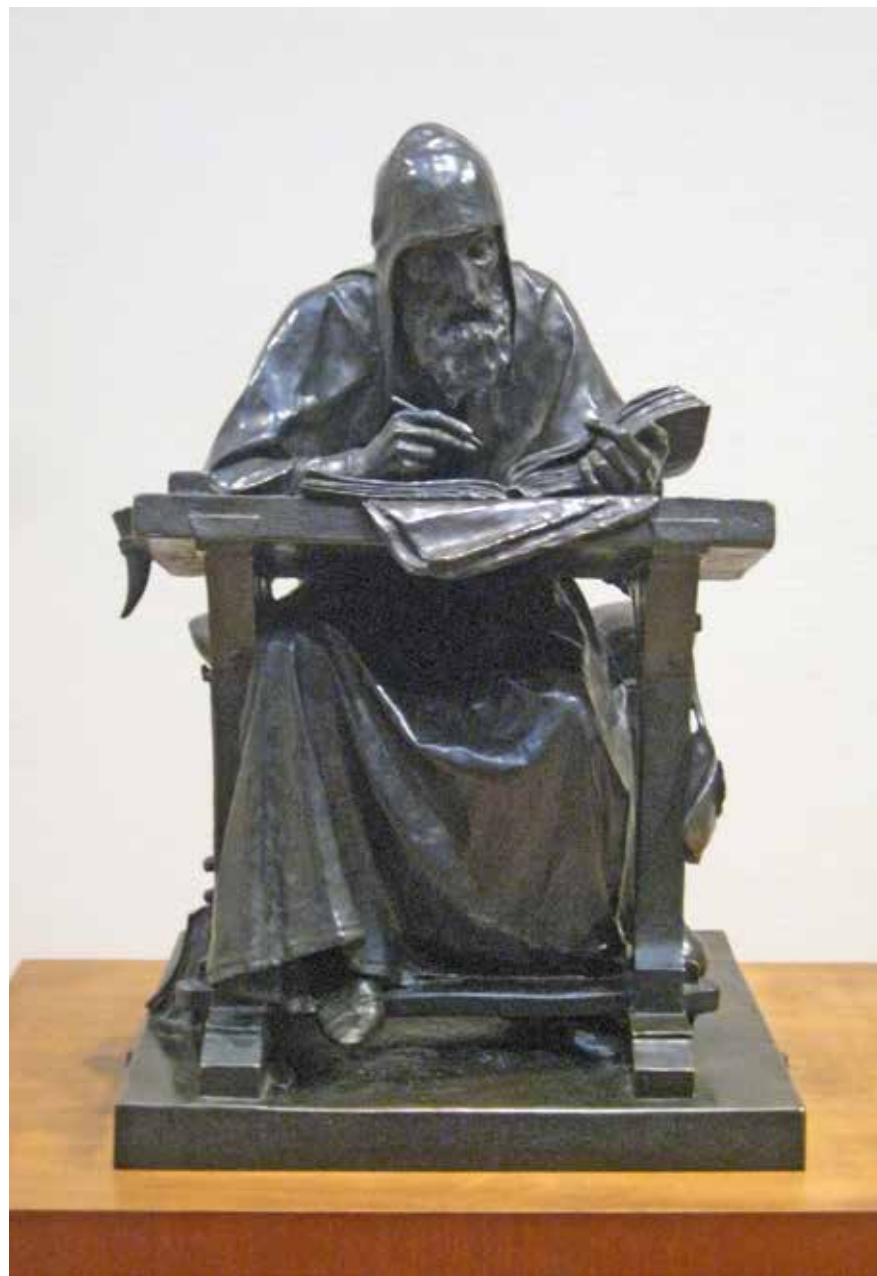
А в 1878 году, через пять лет после создания, бронзовая отливка статуи Петра I была показана на Всемирной выставке в Париже, где имела невероятный успех. И когда ее признали шедевром за границей, российские власти распорядились установить статую в Петергофе, перед дворцом Петра I «Монплеизир». Недаром в Евангелии сказано: «Нет пророка в своем отечестве»...

Практически одновременно с работой над статуей Петра I Антокольский сделал эскизы конных статуй Ярослава Мудрого, Дмитрия Донского и Ивана III для Александровского моста через Неву. Это был первый шаг к воплощению его идеи создания галереи крупнейших русских исторических деятелей. Однако архитектурный проект утвержден не был.

Между тем успех, который по прошествии нескольких лет выпал на долю скульптуры царя Петра, стал важной вехой в личной жизни Антокольского. Два десятилетия назад, когда он работал у виленского резчика по дереву, Антокольский познакомился с дочерью купца Апатова. Они полюбили друг друга. Но бедный подмастерье не годился в мужья

Памятник Петру I в Петергофе. 1884

Скульптура «Нестор-летописец». 1890

купеческой дочери. Теперь же, спустя годы, уже признанный мастер отправился в Вильну, где женился на дочери купца Апатова, которая его терпеливо ждала многие годы. Свадебное путешествие мастера и его жены прошло в Италии; об этом они мечтали, когда встретились впервые...

1870-е годы стали периодом поистине важнейших творческих

свершений Антокольского. Он создавал исторические, литературные, эпические образы – причем так, как ему подсказывали его воображение и его безупречный художественный вкус. К примеру, в созданной им в тот период галерее образов одним из лучших является образ Христа («Христос перед народом», 1876). Антокольский изобразил его спокойным и уверенным

в своей правоте. Недаром замечательный историк Михаил Клодт, рассматривая скульптуру, заметил: «Он только что сказал Пилату: “Что есть истина?”»

«Мефистофель» (1883) Антокольского не имеет ничего общего с образом, созданным Гете; он ближе к тому, что создал задолго до Гете английский драматург Кристофер Марло. Ироничный, постоянно готовый к интриге и злой шутке, презирующий мелочные душонки, его «Мефистофель» – это антитеза добра, правды и искренности и в то же время сила, наказывающая за грехи. Заметим, что критики не обратили внимания на невероятную, исключительную по мастерству исполнения анатомию «Мефистофеля»...

Блестящей работой мастера был «Нестор-летописец», представленный в Русском музее. Создатель летописи, ставшей одним из важнейших русских исторических источников, изображен погруженным в работу. Об этой скульптуре пишут, что образ летописца полон благообразия и увлечения писательским трудом, – он словно осознает всю важность своей работы для потомков.

Одной из патриотических идей Антокольского было увековечить в скульптурных произведениях образы современников. Он писал Стасову: «...У меня явилась мысль сделать бюсты всех замечательных людей, которые есть у нас на Руси... А, право, я убежден, что подобные бюсты гораздо большее значение могут иметь для потомства, чем разные памятники, которые ставят у нас на площадях. Все они ложны и вычурны...»

Антокольским выполнены портреты В. В. Стасова, И. С. Тургенева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. Ф. Мамонтова и других.

В 80-е годы Антокольский вновь обращается к исторической теме. Вдохновленный образом

Мастерская Марка Антокольского в Париже

пушкинского Пимена, скульптор создает мраморную статую «Нестор-летописец». В 1891 году мастер завершает майолику «Ярослав Мудрый» и бронзовую статую «Ермак».

В 1893 году в Петербургской Академии художеств была развернута невиданная ранее по размаху выставка произведений Антокольского. Но, как и раньше, многие его работы подверглись критике неучей и нападкам недоброжелателей. Он тяжело переживал происходящее и, несмотря на поддержку В. Стасова и других деятелей культуры, покинул Петербург, а потом вообще уехал из России.

Но он не перестал считать себя русским художником: «Вся душа моя принадлежит той стране, где я родился и с которой свылся. На севере сердце мое бьется сильнее. Я глубже там дышу и более чутко ко всему, что там происходит. Вот почему, что бы я ни сделал, будет всегда результатом тех душевных впечатлений, которыми матушка-Русь вскормила», – писал он Стасову.

Последние годы Антокольский жил в Париже. Его работы были выставлены на Всемирной выставке 1900 года и отмечены наивысшей наградой – командорским крестом Почетного Легиона.

Антокольский умер в 1902 году в Германии. Похороны состоялись в Петербурге, на Преображенском еврейском кладбище.

Наследие Антокольского велико и многогранно. Выдающийся русский скульптор получил признание и общеевропейскую известность не только благодаря веренице созданных им исторических образов, но и благодаря его тонкому выбору темы и феноменальной технике исполнения. Его работы выставлены в музеях мира и на улицах городов России; они есть и в самых богатых частных собраниях в европейских странах и США.

СВЕТИЛО МЕДИЦИНЫ И... ВЕЛИКИЙ КОМПОЗИТОР

12 ноября 1833 года родился выдающийся русский ученый и композитор Александр Бородин

ОЛЕГ ОЗЕРОВ

Александр Бородин

В XIX веке в истории российской культуры можно найти немало случаев, когда поэты, композиторы и художники совмещали свою творческую деятельность с трудами в области науки, техники или

даже военного дела. Это, кстати, более всего относится к русским композиторам. Модест Мусоргский учился в военной школе прапорщиков, пока не посвятил свою жизнь музыке. Римский-Корсаков, до того, как отдал всего себя музыкальному творчеству, был морским офицером: он участвовал в морском походе в Северную Америку, побывал в Англии, Швеции, других странах мира в качестве лейтенанта флота. Но более всех – и на протяжении почти всей жизни! – был занят научной деятельностью, которую долгое время совмещал с музыкальным творчеством, великий русский композитор Александр Бородин.

В сущности, рано или поздно талантливый человек должен сделать выбор: какую стезю ему избрать. Проблема Бородина, вероятно, была в том, что он был разносторонне талантлив. Он был гениальным композитором, выдающимся ученым-химиком, крупным педагогом, известным музыкальным критиком и к тому же обладал большим литературным дарованием. Он всегда находился в самой гуще общественной жизни и, похоже, просто не желал оказаться вне разных сфер деятельности, в которых был серьезно задействован.

Александр Порфирьевич Бородин родился 12 ноября (31 октября по старому стилю) 1833 года в Санкт-Петербурге. Он был внебрачным сыном имеретинского князя Луки Гедианова (Гедевановича). Немолодой уже князь

влюбился в девушку, которая была дочерью простого солдата Константина Антонова. В том обществе, в котором вращался князь, о разводе с женой и браке с мещанкой не могло быть и речи. Поэтому, когда ребенок родился, его записали как родившегося от дворового человека Порфирия Бородина.

Князь, однако, обеспечил наилучшие жизненные условия для сына и его матери Авдотьи. Они жили в просторном собственном доме и пользовались услугами дворовых людей. Мальчик получил в известном смысле уникальное домашнее образование. Его учили не только языкам, литературе, математике, химии и истории, но также и музыке. Уже к восьми годам Александр играл на фортепиано, скрипке, виолончели и флейте, легко читал ноты. Более того, он все с большим интересом слушал симфонические произведения, играл в четыре руки со своим товарищем симфонии Бетховена, Гайдна, Мендельсона. В 13 лет он написал польку для фортепиано и концерт для флейты, а через год – трио для двух скрипок и виолончели на темы из оперы «Роберт-дьявол» Дж. Мейербера. Преподаватели музыки в один голос предрекали ему большое будущее на музыкальном поприще.

Но у мальчика было еще одно увлечение – химия. Современники рассказывали, что не только его собственная комната, но чуть ли не поддома заполнили банки, реторты и бутылки с химикатами. Его пылкий ум требовал пищи в виде разных экспериментов.

В 1850 году Александр сдал вступительный экзамен в военную Медико-хирургическую академию (сейчас это престижная Военно-медицинская академия в Санкт-Петербурге). Помимо наук, непосредственно связанных с медициной, анатомией и естествознанием, он с большим увлечением

занимался химией. Его любимым учителем, наставником и своего рода опекуном стал выдающийся российский химик, первый президент Русского химического общества Николай Зинин. Он оценил по достоинству способности юноши и всячески способствовал его росту как начинающего ученого и исследователя.

А как же музыка?

Самым поразительным в этом талантливом человеке была его способность сочетать интерес и к науке, и к музыке. У него было не так уж много свободного времени, но его хватало на занятия музыкой, знакомство с публицистикой того времени и чтение произведений ведущих российских литераторов. Историки отмечают, что Бородин часто посещал музыкальные собрания, где исполнялись романсы А. Гурилева, А. Варламова, К. Вильбоа, а также русские народные песни и арии из модных тогда итальянских опер. Бородин нередко участвовал в любительских концертах в качестве виолончелиста, а порой и выступал на вечерах камерно-инструментальной музыки.

Большое впечатление произвела на Бородина музыка Глинки, и он стал не только поклонником, но и в известном смысле его последователем на пути развития национальной музыки. Со временем у него пробудился интерес и к грузинской народной музыке.

В 23 года Бородин блестяще сдал выпускные экзамены в академии и был направлен для прохождения обязательной врачебной практики в Военно-сухопутный госпиталь. Спустя два года он защитил диссертацию на ученую степень доктора медицины. И все это, не прекращая занятия музыкой!

Спустя год, оценив его научные труды и практическую работу, Академия решила направить его за границу для ознакомления с развитием медицинской науки и созданием

новых лечебных препаратов. Базой для него был избран Гейдельберг, один из крупнейших германских и вообще европейских центров научных исследований. В то время там же совершенствовались познания Д. Менделеев, И. Сеченов, Э. Юнге и другие специалисты, ставшие впоследствии великими русскими учеными. И Бородин, подружившись с ними, стал членом их так называемого «Гейдельбергского кружка».

Имея возможность путешествовать по Европе, Бородин посетил Швейцарию, Италию и Францию. И в Гейдельберге, и во время своих путешествий он не упускал возможности познакомиться с новейшими произведениями таких ведущих европейских композиторов, как Лист, Вагнер или Берлиоз. Сущственно обогатило его познания в области музыкальной культуры еще и знакомство в 1861 году в Гейдельберге с Екатериной Протопоповой, талантливой пианисткой, горячо пропагандировавшей музыку Ф. Шопена и Р. Шумана. Хотя увлечения любимой женщины были интересны Бородину, он оставался довольно холоден к основной тенденции европейской музыки – совершенствованию технических приемов в музыкальном произведении и исполнительском мастерстве за счет мелодики. Он же искал в музыке свои пути, свои образы и музыкально-выразительные средства. В фортепианном Квинтете до минор, созданном Бородиным в 1862 году, уже ощущается и эпическая сила, и напевность, и яркий национальный колорит.

По возвращении в Россию Бородин познакомился в доме профессора Медико-хирургической академии С. Боткина с М. Балакиревым, который со свойственной ему проницательностью и прямоотой, оценив композиторский талант Бородина, заявил молодому ученому, что истинным его призванием

Сцена из оперы «Князь Игорь»

является музыка. Бородин согласился с ним только отчасти, так как уже был профессором Медико-хирургической академии, где читал лекции и вел практические занятия со студентами. Он не мог и не хотел бросать науку.

Без всяких сомнений Бородин был выдающимся ученым. Но в историю русской культуры он вошел прежде всего как композитор. Им создано не так уж много произведений, но их отличает глубина и богатство содержания, разнообразие жанров, классическая стройность форм. Большинство из них связано с русским эпосом, с повествованием о народном герое. Есть у Бородина и страницы сердечной, душевной лирики, не чужды ему также шутка и мягкий юмор. Для музыкального стиля композитора характерны широкий размах повествования, мелодичность. Бородин обладал способностью сочинять в народно-песенном стиле; его творчество характеризует красочность гармоний, активная мелодическая устремленность.

Продолжая традиции Глинки, в частности его оперы «Руслан и Людмила», Бородин создал русскую эпическую симфонию, а также утвердил архетип русской эпической оперы.

В апреле 1863 года Бородин женился на Екатерине Протопоповой. С юности она страдала астмой в тяжелой форме. Лечение в Германии не помогло. Бородин буквально спас жену от гибели, когда увез ее в Италию.

Друзья и биографы Бородина по-разному оценивают роль Екатерины Сергеевны в его жизни. Одни склонны видеть светлую сторону этого союза; ведь Екатерина была музой композитора и всячески поощряла его музыкальные эксперименты. Другие указывают на неустойчивость домашней жизни Бородина. Екатерина Сергеевна любила своего мужа, но не умела, да и не могла по-настоящему о нем заботиться. Александр Порфирьевич ухаживал за ней, как терпеливая сиделка, возился с ней по ночам, когда ее мучила астма. А сам считал себя здоровым и приноравливался

к ее привычкам. После бессонных ночей он вставал рано и брался за свои бесчисленные дела, не успев хоть сколько-нибудь восстановить свои силы.

Римский-Корсаков, которого приводил в ужас царивший в доме Бородиных беспорядок, писал: «Не считая воспитанниц, которые у них в доме не переводились, квартира их часто служила пристанищем и местом ночлега для разных родственников, бедных или приезжих, которые заболели в ней и даже сходили с ума, и Бородин возился с ними, лечил. Отвозил в больницу, навещал их там. В четырех комнатах его квартиры часто ночевало по несколько таких посторонних лиц, так что спали на диванах и на полу. Частенько оказывалось, что играть на фортепиано нельзя, потому что в соседней комнате кто-нибудь спит...»

И при всем этом Бородин вместе с М. Балакиревым, Ц. Кюи, М. Мусоргским, Н. Римским-Корсаковым и В. Стасовым входил в творческое содружество русских композиторов, известное в истории музыки под названием «Могучая кучка». Бородин часто прислушивался к рекомендациям Балакирева, создавая свою Первую симфонию. Она была с успехом исполнена в Санкт-Петербурге 4 января 1869 года. В этом произведении окончательно определился творческий стиль Бородина: богатырский размах, энергия, классическая стройность формы, яркость, свежесть мелодий, самобытность образов. Эта симфония знаменовала наступление творческой зрелости композитора и рождение нового направления в русской симфонической музыке.

Во второй половине 1860-х годов Бородин создает ряд романсов очень разных по тематике и характеру музыкального воплощения. Большая часть из них написана им на собственные тексты.

В 1869 году Бородин приступил к сочинению Второй симфонии и оперы «Князь Игорь». В качестве сюжета оперы Стасов предложил Бородину замечательный памятник древнерусской литературы «Слово о полку Игореве».

Патриотическая идея «Слова», его народный дух были особенно близки Бородину. Сюжет оперы как нельзя лучше отвечал особенностям его таланта, склонности к широким обобщениям, эпическим образам и его интересу к Востоку. Бородину было очень важно добиться создания верных, правдивых характеров. Он изучает множество источников, связанных со «Словом» и той эпохой.

Либретто оперы Бородин писал сам. Однако работа продвигалась медленно. Причина — занятость научной, педагогической и общественной деятельностью. Он был в числе инициаторов и учредителей Русского химического общества, работал в Обществе русских врачей, в Обществе охранения народного здравия, принимал участие в издании журнала «Знание», участвовал в работе Петербургского кружка любителей музыки, руководил созданными им в Медико-хирургической академии студенческим хором и оркестром. До сих пор биографы Бородина гадают, как на все это у него находилось время и силы.

В начале 1880-х годов Бородин создает два струнных квартета, став наряду с П. Чайковским основоположником русской классической камерно-инструментальной музыки. Особую популярность завоевал Второй квартет, музыка которого с большой силой и страстностью передает богатый мир душевных переживаний, обнажая яркую лирическую сторону дарования Бородина.

Однако в самом центре его усилий была опера. Несмотря на огромную занятость научными

Эскиз Ивана Билибина к декорациям оперы «Князь Игорь»

обязанностями и воплощением замыслов других сочинений, оперу «Князь Игорь» Бородин считал своим главным детищем. В течение 1870-х годов был создан ряд главных сцен, часть из которых исполнялась на концертах Бесплатной музыкальной школы под управлением Римского-Корсакова. Большим успехом пользовались Половецкие пляски с хором и сольные номера оперы (песни Владимира Галицкого, каватины Владимира Игоревича, арии Кончака, ария «Плач Ярославны»). Музыкальный мир с нетерпением ждал завершения работы над оперой.

Известность Бородина-композитора растет, его произведения исполняются все чаще и получают признание не только в России, но и за рубежом: в Германии, Австрии, Франции, Норвегии, Бельгии, Америке. Он становится одним из самых известных и популярных русских композиторов в Европе конца XIX — начала XX веков.

Великий композитор прожил всего 53 года. Екатерина пережила его лишь на четыре месяца.

После внезапной смерти Бородина Римский-Корсаков и Глазунов решили подготовить к печати незаконченные произведения композитора. Они завершили работу над оперой «Князь Игорь»: Глазунов написал увертюру (как она намечалась Бородиным) и сочинил на основе авторских эскизов музыку III акта, Римский-Корсаков инструментовал большую часть номеров оперы. Ее премьера прошла с огромным успехом в Мариинском театре 23 октября 1890 года.

«Опера «Игорь» во многом, прямо родная сестра великой оперы Глинки «Руслан», — писал Стасов. — В ней та же мощь эпической поэзии, та же грандиозность народных сцен и картин, та же изумительная живопись характеров и личностей, та же колоссальность всего облика и, наконец, такой народный комизм (Скула и Ерошка), который превосходит даже комизм Фарлафа».

Музыкальные критики полагают, что творчество Бородина оказало огромное влияние на многие поколения русских и зарубежных композиторов, в числе которых Глазунов, Лядов, Прокофьев, Шапорин, Дебюсси и Равель.

РОЗЫ И... КРЕСТ

Окончание. Начало в № 155/05–06 (5026), 156/07–08 (5027) и 157/09–10 (5028)

ВЯЧЕСЛАВ НЕДОШИВИН

6. ВОСПАЛЕННОЕ СЕРДЦЕ

(Адрес шестой: Петербург, ул. Декабристов, 57)

Смерть Блока – тоже тайна. Ведь она, утверждают иные, пришла к нему по его желанию. Захотел – и умер. Ему и диагноз консилиум врачей поставит гадательный, тоже по-своему загадочный: то ли истощение, то ли психастения, то ли эндокардит.

Врач А. Г. Пекелис напишет в заключении о кончине Блока странные для медика слова: «Если... нашему нервно-психическому

аппарату, предъявляются в переживаемое нами время особые повышенные требования, ответчиком за которые служит сердце, то нет ничего удивительного в том, что этот орган должен был стать “местом наименьшего сопротивления” для... глубоко чувствовавшего и переживавшего душой... каким был покойный А. А. Блок».

Особое «время», «особые требования», «чувства», «переживания души» – разве это слова для строгого врачебного документа? А сам Блок, незадолго до смерти, делая доклад на пушкинском вечере,

поставит себе четкий и короткий диагноз: «Поэт, – скажет в звенящей тишине, – умирает, потому что дышать ему больше нечем». Разве не диагноз гения – гению Пушкина? Да, поэты, повторю, умирают от нехватки воздуха!..

Все странно в уходе Блока. За сорок лет он почти не обращался к врачам, в клиниках не лечился, известно было только, что в шесть лет у него был плеврит, в двенадцать – воспаление среднего уха, в тринадцать – корь и бронхит, в шестнадцать – подозрение на малярию¹. Все! Здоровый человек. Он

¹ В справке-сообщении уже нынешних исследователей – доктора медицинских наук М. М. Щербы и кандидата наук Л. А. Батуриной – перечисляются все болезни и все врачи, когда-либо осматривавшие Блока. Один лечивший его профессор, В. М. Керниг, скажет: «Грешно лечить этого молодого человека», другой – приват-доцент Н. Ф. Чигаев – найдет всего лишь «сильнейшую степень неврастении и, возможно, зачатки ипохондрии», а третий, уже в 1917 г. (врач Ю. В. Каннабих), вообще «пропишет поэту» только бром и валерьянку. В 1921 г., когда Блок был в Москве, Надя Нолле-Коган пригласит к нему врача Кремлевской больницы, знаменитую А. Ю. Канель, которая найдет «сильное истощение и малокровие, глубокую неврастению, на ногах цинготные опухоли и расширение вен», пропишет мышьяк и стрихнин и посоветует «меньше ходить, больше лежать». Словом, человек умирал неизвестно из-за чего. И только за полтора месяца до смерти, 17 июня 1921 г., врачи П. В. Троицкий, профессор Военно-медицинской академии, и Э. А. Гизе, заведующий неврологическим отделением Обуховской больницы, поставят диагноз эндокардит. Выйдя из комнаты поэта, П. В. Троицкий, как пишут, скажет коллегам только три слова: «Мы потеряли Блока...»

Дом Александра Блока в усадьбе Шахматово (Солнечногорский район, Московская область)

за год до смерти купался в ледяном Финском заливе (специально ездил на трамвае в Стрельну), косил, копал, сам пилил и колол обледеневшие дрова, таская их на четвертый этаж, и до последнего момента дважды в день совершал 10-километровые «походы» на службу – сначала в издательство «Всемирная литература», потом в Большой драматический театр, куда был назначен управляющим. И вдруг в два месяца – смерть. «Подострый септический эндокардит», – как подтвердят диагноз уже нынешние врачи – наши современники. Другими словами – «медленно подкрадывающееся воспаление сердца».

«Воспаление сердца» – говорящий диагноз! Ведь он в молодости еще записал: «*Не откроем сердца – погибнем...*». В таком виде стоит передо мной моя тема, тема

о России... Этой теме я сознательно и бесповоротно посвящаю жизнь». И выделил, подчеркнул: «Сердце», «Россия», «Жизнь»...

«Свобода будет тогда, когда будет все равно, жить или не жить». Это – Достоевский. Но «серафический», неземной Блок именно эту фразу как-то деловито отчеркнул в книге, когда ему едва стукнуло двадцать два года. И тогда же написал в дневнике: убить себя – это «высший поступок», знак «силы». В тридцать девять лет, накануне смерти, напишет в «Записной книжке», как бы размышляя, одну фразу: «Руки на себя наложить...» Это, кстати, предпоследняя запись в ней. До этого писал последовательно: «Я уже стар... Затихаю, затихаю...» (17.04.1918), «Как безвыходно все. Бросить бы все, продать,

уехать далеко – на солнце...» (19.08.1918), «Я устарел... Не пора ли в архив?» (15.04.1919), «Работать по-настоящему я уже не могу, пока на шее болтается новая петля полицейского государства... Значит... существованию – конец?...» (4.05.1919). И только после этих слов возник то ли вопрос, то ли утверждение: «Руки на себя наложить...»

Да, мы твердим из века в век: «Поэты – пророки»! Но вот странность: истинные поэты, как сообщающиеся сосуды, как плоды одного дерева, ощущают друг друга на каком-то подсознании, на подкорке, даже не будучи знакомы. И в «жемчугах» их бормотаний есть, прорывается что-то необъяснимое, неподдающееся логике. Удивительно, но еще в 1916 году, за пять лет до смерти Блока (!),

Стихотворение Александра Блока на стене одного из домов в Лейдене (Нидерланды)

Цветаева в стихах, посвященных ему, вдруг написала: «Думали – человек! И умереть заставили. Умер теперь, навек. Плачьте о мертвом ангеле!...» И какое слово нашла – «заставили»! Провидение, чуть ли не колдовство! Ведь так все и случится: смерть его станет и медленным самоубийством и одновременно, как мы убедимся еще, – равнодушным, «гугнивым» убийством его.

Умирал тяжело. «Мне пусто, мне постыло жить!» – последняя строчка поэта на земле. Последними словами к Любе стали: «Почему ты в слезах?...» «Жить не хотел, – пишет Андрей Белый, – к смерти готовился». «Гибель лучше всего», – признался тетке. Перед

смертью, в чаду болезни, разбил голубую вазу, подарок Любы, зеркало, с которым брился, запустил кочергой в Аполлона, стоявшего на шкафу: интересно, «на сколько кусков распадется эта рожа». После этого испугано плакал, хватался за голову: «Что же со мной?..»

Как пишет Г. Иванов, бредил об одном: все ли экземпляры «Двенадцати» уничтожены? «Люба, хорошенько поищи и сожги, все сожги». Вспомнив о поэме, посланной Брюсову, кричал: «Я заставляю его отдать, я убью его».

Да, тяжело умирал. По ночам так кричал, что стыла кровь.

«Мы обе с Любой его убили, – повинится мать поэта о смерти Блока писательнице Ольге

Форш – Люба половину, и я половину». О том же через неделю после смерти поэта она напишет и Наде: «Вы знаете, что его погубило. А мы с Любой не сумели сберечь... не сберегли!...»

Наверное, все было сложнее. Не в семейных ссорах была причина, не в болезни, по диагнозу врачей, «воспалении сердца», нет – в воспаленности «святого сердца».

«Святое сердце» – это из последних стихов о Блоке Цветаевой. Да, страсть, отчаяние, ликование, порок, безумие, любовь и ненависть – все что другие поэты-символисты лишь для красоты писали, порой с большой буквы, Блок, сейсмографически отзываясь

на жизнь, переживал взаправду. «Бесстрашие правды» – вот отличие его, скажет Чуковский. «Бесстрашие искренности», – не сговариваясь, отзовется о нем и Горький. Не актер на сцене, кем мечтал быть в детстве, нет – лунатик – так, слово в слово, назовут его несколько человек – лунатик, идущий по краю жизни, готовый на глазах у всех очнуться вдруг и – сорваться в пропасть.

«Закат в крови» он – поэт-пророк, теург, обладатель тайного знания – предсказал еще в 1908-м. Но, когда через десять лет страна по горло окунулась в кровь, жить в ней не смог.

Вернувшись из Москвы, уже не вставая, напишет Чуковскому: «Слопала-таки поганая, гугнивая родимая матушка Россия, как чушка своего поросенка». Про себя напишет, про свою смерть...

Подострый септический эндокардит – это то, что сегодня легко лечат антибиотиками. Блока,

говорят, могла спасти Финляндия, хороший санаторий. Даже деньги нашли уже в Берлине – пять тысяч марок. О выезде ходатайствовал Горький. 3 мая 1921 года он написал об этом Луначарскому. Тот молчал почти месяц. 29 мая Горький в очередном письме напомнил: «Сделайте возможное, очень прошу Вас!» Одновременно правление Всероссийского союза писателей обратилось к Ленину. Ленин на письмо не ответил, а Луначарский свое передал в ЦК лишь 10 июня.

Кроме Блока писатели просили еще и за Сологуба. Выехать разрешили как раз Сологубу. Луначарский, говорят, взорвался: «Блок – поэт революции, наша гордость!» Правительство в ответ «вывернуло» свое решение наизнанку: Блоку разрешили выехать, а Сологубу – нет. Но разрешение, увы, опоздало.

Убийство? Не знаю, не думаю. Но так считал, кстати, покойный

Владимир Солоухин: он написал, что чекисты «отравили его медленно действующим ядом». Выдумки, конечно. Убила Блока, скорее, наша «рассейская», как раз «гугнивая» волокита².

«Он умер от “Двенадцати”, как другие умирают от разрыва сердца», – скажет позже Георгий Иванов. Тот Иванов, который однажды в компании с Блоком бросил легкомысленно: поэзия, дескать, это забава, искусство веселое и приятное. А Блок, на лету поймав эту фразу, молниеносно ответит: «Да. Не за это ли убили Пушкина и Лермонтова?» И так же молниеносно поднимется и уйдет...

Кстати, из жизни ушел, так и не узнав, что, как установили недавно, сам был в родстве с Пушкиным: племянник прадеда его, Александра Ивановича Блока, был оказывается женат на Надежде Веймарн – праправнучке Ганнибала. Поразительно, не правда ли?! Как будто и впрямь есть какой-то

² Когда в 1995 г. «открыли» протоколы заседаний Политбюро ЦК КПСС, стало известно, что ВЧК, когда дорог был каждый день, только 29 июня 1921 г., после обращений А. М. Горького и присоединившегося у нему А. В. Луначарского, соглашавшись доложить секретарю ЦК В. М. Молотову, что вообще-то... «не видит оснований» для выезда Блока. И опять-таки только через 13 дней – 11 июля – Луначарский обратится лично к Ленину: «Я еще раз в самой энергичной форме протестую против невнимательного отношения ведомств к нуждам крупнейших русских писателей и с той же энергией ходатайствую о немедленном разрешении Блоку выехать в Финляндию для лечения». Ленин в тот же день на полях напишет: «Тов. Менжинский. Ваш отзыв? Верните, пожалуйста, с отзывом. Компривет. Ленин». Член коллегии ВЧК Вячеслав Менжинский (кстати, родственник первого мужа жены Андрея Белого и когда-то «участник литературного движения Серебряного века») отозвался немедленно. Но как?! Написал Ленину: «Блок натура поэтическая; произведет на него дурное впечатление какая-нибудь история, и он совершенно естественно будет писать стихи против нас. По-моему, выпускать не стоит, а устроить Блоку хорошие условия где-нибудь в санатории». Увы, именно с этим аргументом «выпускать не стоит» вопрос был поставлен 12 июля на заседании Политбюро. Троцкий и Каменев проголосовали «за» выезд Блока. Ленин, Зиновьев и Молотов – «против». Тогда, с подачи отчаявшегося Горького, Луначарский уже 16 июля направил очередное послание в ЦК: «Могу... заранее сказать результат, который получится вследствие (такого) решения. Высоко даровитый Блок умрет недели через две...» Лишь тогда, то ли 22, то ли 23 июля, Ленин присоединится к меньшинству, а Молотов решит воздержаться. Блоку разрешат выезд, но без жены: ее оставляли заложницей. 29 июля, когда до смерти поэта оставалось ровно 8 дней, Горький телеграфировал Луначарскому о необходимости выезда жены – Блок прикован к постели. 1 августа Луначарский вновь обращается в ЦК. И только 5 августа необходимость выезда Любы партия, наконец, признает. Поздно, все было уже поздно! До смерти Блока оставалось два дня.

«Отпуск был подписан, – пишет Книпович, друг семьи Блока, – но 5 августа выяснилось, что какой-то Московский отдел потерял анкеты, и поэтому нельзя было выписать паспортов... 7 августа я с доверенностями должна была ехать в Москву... Ехать должна была в вагоне NN, но NN, как и его секретарь, оказались при переговорах пьяными. На другое утро, в семь часов, я побежала на Николаевский вокзал, оттуда на Конюшенную, потом опять на вокзал, потом опять на Конюшенную, где заявила, что все равно поеду, хоть на буфере... Но перед отъездом я по телефону узнала о смерти и побежала на Офицерскую...» На календаре было 7 августа 1921 года. «Заставили» умереть; верно, очень верно написала когда-то Цветаева...

неведомый закон, по которому талант, как магнит, притягивает другие таланты, и они живут рядом, как созвездия на небе, как усыпанное плодами древо: и живое, и генеалогическое...

О Пушкине не узнал, но еще при жизни узнал, что как раз 1 мая, когда уезжал в последнюю свою поездку в Москву, в селе Кезево под Петроградом у него родилась дочь. Его дочь. Это установленный факт. Матерью стала Александра Чубукова – жена Константина

Тона, сына создателя храма Христа Спасителя.

Не узнает Блок, кто родится у Нади Нолле-Коган и как назовут, явившегося на свет москвича? В одном из последних писем Наде напишет странные слова – почти завещание: «Во мне есть, правда, 1/100 того, что надо было передать кому-то, вот эту лучшую мою часть я бы мог выразить в пожелании Вашему ребенку, человеку близкого будущего. Это пожелание такое: пусть, если только это будет

возможно, он будет человек мира, а не войны, пусть он будет спокойно и медленно созидать истребленное семью годами ужаса. Если же это невозможно, если кровь все еще будет в нем кипеть, и бунтовать, и разрушать, как во всех нас, грешных, – то пусть уж его терзает всегда и неотступно прежде всего совесть, пусть она хоть обезвреживает его ядовитые, страшные порывы, которыми богата современность наша и, может быть, будет богато и ближайшее будущее. Поймите... я говорю это, говорю с болью и с отчаянием в душе; но пойти в церковь все еще не могу, хотя она зовет. Жалейте и лелейте своего будущего ребенка; если он будет хороший, какой он будет мученик, – он будет расплачиваться за все, что мы наделали, за каждую минуту наших дней...»

У Нади родится мальчик. Она назовет его Сашей. Узнав о смерти Блока, «она, кормя сына, вся зажалась внутренне, не дала воли слезам. А десять дней спустя ходила в марлевой маске – ужасающая нервная экзема от “задержанного аффекта”». Знаете, чьи это слова? Цветаевой. Да, в доме на Арбате, правда после смерти Блока, появится и близко сойдется с Надей как раз Цветаева.

«В 1921 году, вскоре после смерти Блока, в мою последнюю советскую зиму, – напишет Цветаева, – я подружилась с последними друзьями Блока, Коганами, им и ею». Она посвятит Надежде Нолле-Коган цикл стихов «Подруга», а ее сыну – цикл «Вифлеем». В посвящении напишет: «Сыну Блока – Саше».

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Ну, а дальше – дальше начинают странности, начинается тот новый детектив, о котором я писал в начале очерка и который для

меня лично закончился в квартире на улице Черняховского, в доме сына Нади Александра Кулешова-Нолле – и его курчавой, медноволосой дочери Надежды. Внучки Нади Нолле-Коган. И... внучки Блока?!

Пишу это и кожей чувствую, как хватаются за сердце «испытанные» блоковеды! Ведь доказано (правда, не известно – кем?): сын Нади Нолле – не сын Блока. Ведь Цветаева и та отказалась от своих слов, а вы, дескать, лезете тут со своими «детективами».

Давайте, остановимся, давайте, расставим все точки над «i». Мне, если честно, безразлично, есть ли дети или внуки у того же Фадеева, который «вычеркивал» Блока из истории литературы? Это меня не волнует. Но меня искренне интересуют дети, внуки и даже правнуки Блока, Цветаевой, Есенина – великих поэтов XX века. Мне не важно – законные они или внебрачные. Мне просто важно все, связанное с ними, причем, до седьмого колена. Ведь они дети тех, кого боготворит и будет боготворить Россия!

Когда-то в книге о Серебряном веке Петербурга я писал, что Мария Сакович, приемная мать дочери Блока Александры Люш, всю жизнь хранила тайну отцовства. Всю жизнь! Сакович, представьте, даже Ахматовой, которая затеяла собственное «расследование» об отцовстве Блока, даже в 1965 году, даже перед смертью своей не сказала, например, кто была мать дочери поэта. Она и отцовство-то признала сквозь зубы – одним словом. «Блок?» – спросила ее Ахматова. «Да», – сказала Сакович. «А кто мать?» – «Я не могу сказать...» И стало ясно, что Сакович поклялась Блоку сохранить эту тайну. Почему – не знаю, хотя свои догадки у меня есть. И нечто подобное, думаю, произошло и с Надей Нолле.

Вы спросите, есть ли доказательства, что сын Нади был сыном

поэта? Да, их море! Я не говорю об имени, данном новорожденному, видимо, в честь Блока. Не говорю о том, что ровно за девять месяцев до рождения сына Надежда Александровна Нолле-Коган полтора месяца гостила у Блока в Петрограде. Не говорю, наконец, о том, что муж Нади, после рождения сына, сказал: «Ну, пусть это будет наш ребенок». Нет, мне достаточно цветаевских свидетельств.

Во-первых, Цветаева, подружившись с семьей Нолле-Коганов, знала об отцовстве ребенка от самой Нади. Во-вторых, читала некоторые письма Блока к Наде (всего их сохранилось, повторю, 147, но весь архив Н. А. Нолле-Коган закрыт и ныне). В-третьих, Цветаева своими глазами видела мальчика и уверяла, что он похож на поэта как две капли воды (я в этом и сам убедился, через девяносто лет приехав на улицу Черняховского, где жили жена Александра Кулешова-Нолле и его дочь). Наконец, прямое доказательство – письма Цветаевой и мемуары, знавших ее. Тех, кого она убеждала, кому страстно, иногда до слез доказывала: Саша Нолле – сын Блока. Например, 30 марта 1924 года, уже в эмиграции, она пишет Роману Гулю: «Странно, что в Россию поедете. Где будете жить? В Москве? Хочу подарить Вам своих друзей Коганов, целую семью, все хорошие. Там блоковский мальчик растет – Саша, уже большой, три года...» В апреле того же года сообщает ему же: «Вы спрашивали о сыне Блока... Видела его годовалым ребенком: прекрасным, суровым, с блоковскими тяжелыми глазами (тяжесть в верхнем веке), с его изогнутым ртом. Похож – более нельзя. Читала письмо Блока к его матери, такое слово помню: “Если это будет сын, пожелать ему только одного – смелости” (она цитирует уже приведенное мной письмо, но, неверно, по памяти – В. Н.). Видела подарки Блока этому

мальчику: перламутровый фамильный крест, увитый розами... макет Арлекина из “Балаганчика” (опять – ошибка памяти Цветаевой, он, как мы помним, подарил ей куклу Пьеро – В. Н.)... Видела любовь Н. А. Коган к Блоку... Мальчик растет красивый и счастливый, в П. С. Когане он нашел самого любящего отца. А тот папа так и остался там – “на портрете”. Будут говорить “не блоковский” – не верьте: это негодяи говорят...»

Более того, я читал, что Цветаева чуть не расплакалась в берлинском кафе, когда кто-то позволил себе посмеяться над этим...

Увы, блоковеды молчат. На Черняховского ни один из них не побывал ни разу. А лучший из них, покойный ныне Владимир Орлов, даже про питерскую дочь Блока как-то неловко сказал актеру В. Рецпетеру: «Вы понимаете, я в курсе. Но я написал книгу о Блоке, и в мою концепцию это не входит». Не входит, заметьте, дочь Блока. Такое вот литературоведение. А цветаеведы слово в слово приводят лишь один аргумент: да, Цветаева верила в «сына Блока», но позже узнала, что это, якобы, миф.

«Легенда о том, что сын Н. А. Нолле – сын Блока, бытовала в писательских кругах долго, – пишет Виктория Швейцер, – может быть, не совсем развеялась и до сих пор. Не буду говорить о спорности или достоверности ее – важно, что Цветаева ей верила, хотя несколько лет спустя почему-то изменила мнение об отцовстве Блока».

Почему изменила – неясно. Ирма Кудрова в только что вышедшем трехтомнике о Цветаевой пишет категоричней: «Долго не хотела этому верить, но пришлось...» И опять – ни слова о том, почему «пришлось»? Возможно, обе – и В. Швейцер, и И. Кудрова – имеют в виду доклад Цветаевой «Моя встреча с Блоком», который она сделала в 1935 году

в Париже? Но текст доклада, как известно, не сохранился. Может, сохранились косвенные свидетельства его? Неведомо. Одно неоспоримо: Цветаева почему-то верила в сына Блока в Москве, где общалась с Н. А. Нолле, а разуверилась через много лет в эмиграции, когда всякое общение с Нолле-Коган по понятным причинам прекратилось. И еще неоспоримо, что уже по непонятным причинам все исключают почему-то самое простое объяснение: если Надежда Александровна Нолле дала клятву Блоку молчать о сыне его, то держала ее неукоснительно. Ведь так же держала ее и Мария Сакович.

Может, Блок запрещал говорить о своих детях, потому что слишком хорошо знал «породу» толпы, черни, слишком изучил «добрые нравы» братьев-литераторов. Он, можно сказать, наперед догадывался, знал, что будет с ними, своими внебрачными детьми, если они объявят о своем родстве с ним. «Добрые люди» – сволочи, по словам Цветаевой, будут сначала высмеивать их, всячески унижая, потом долго копать в подробностях, что особенно унижительно, потом потребуют доказательств,

потом затеют окологолитературную свару на весь свет: было – не было, и в ней – в грязи, в спорах, в мутной воде сплетен – попросту утопят и ребенка, и их мать, а заодно и Блока. Ведь если у Цветаевой невольно брызнули слезы, когда она в споре защищала отцовство Блока, то можно представить, что ждало бы виновницу происшедшего.

К сожалению, это не выдумки – «добрые люди» не перевелись до сих пор. Хотите пример? Та самая сравнительно недавняя статья некоего Марка Тартаковского, на которую я, разыскивая когда-то фотографию Нади Ноле, случайно напоролся в интернете. Недаром при воспоминании об этой статье покойная ныне вдова сына Блока – Александра Кулешова-Нолле и ее дочь Надя хватались от ужаса за голову³. Зачем, зачем пустили его в дом?!

Мне жаль, что я мало пообщался с Анной Наумовной, женой А. П. Кулешова. Она вскоре умерла. Но сколько интересного она успела рассказать про свою свекровь – про Надежду Александровну Ноле-Коган. Оказывается, та была отличной переводчицей. Мне даже подарили изданный только что

роман «Собор Парижской богородицы». Нет, нет, не Анна Наумовна издавала его – она случайно увидела роман на книжном прилавке. Открыла из любопытства – и на титульном листе прочла имя свекрови. Что хорошо сделано, то живет долго. Сказала, что у Нади случилась страшная кровавая грудница, когда она узнала о смерти Блока. Призналась, но не сразу, что Н. А. Нолле-Коган оставила воспоминания о Блоке – не те, короткие, которые опубликованы ныне, а полные, которые еще долго будут закрыты для нас в архивах. Но самое главное – ни она, ни дочь ее, с курчавой, медной, как у Блока, головой, так и не подтвердили мне отцовства Блока. Молчали, улыбались, уходили от ответа. Анна Наумовна дала понять, что много чего знает, но сказала, фразу, которая мне особенно понравилось, сказала, что это не ее тайны – тайны Нади Ноле-Коган.

Тайна тайн Блока – добавлю от себя. И в очередной раз удивлюсь прозорливости его. Ни доказывать что-либо, ни опровергать я не собираюсь. Но один факт из рассказанного Анной Наумовной – смешной, любопытный,

очень житейский – в заключение все-таки приведу.

Просто, когда я уже собрался уходить, она рассказала, как смешно познакомилась когда-то со своим мужем – Александром Нолле-Коганом.

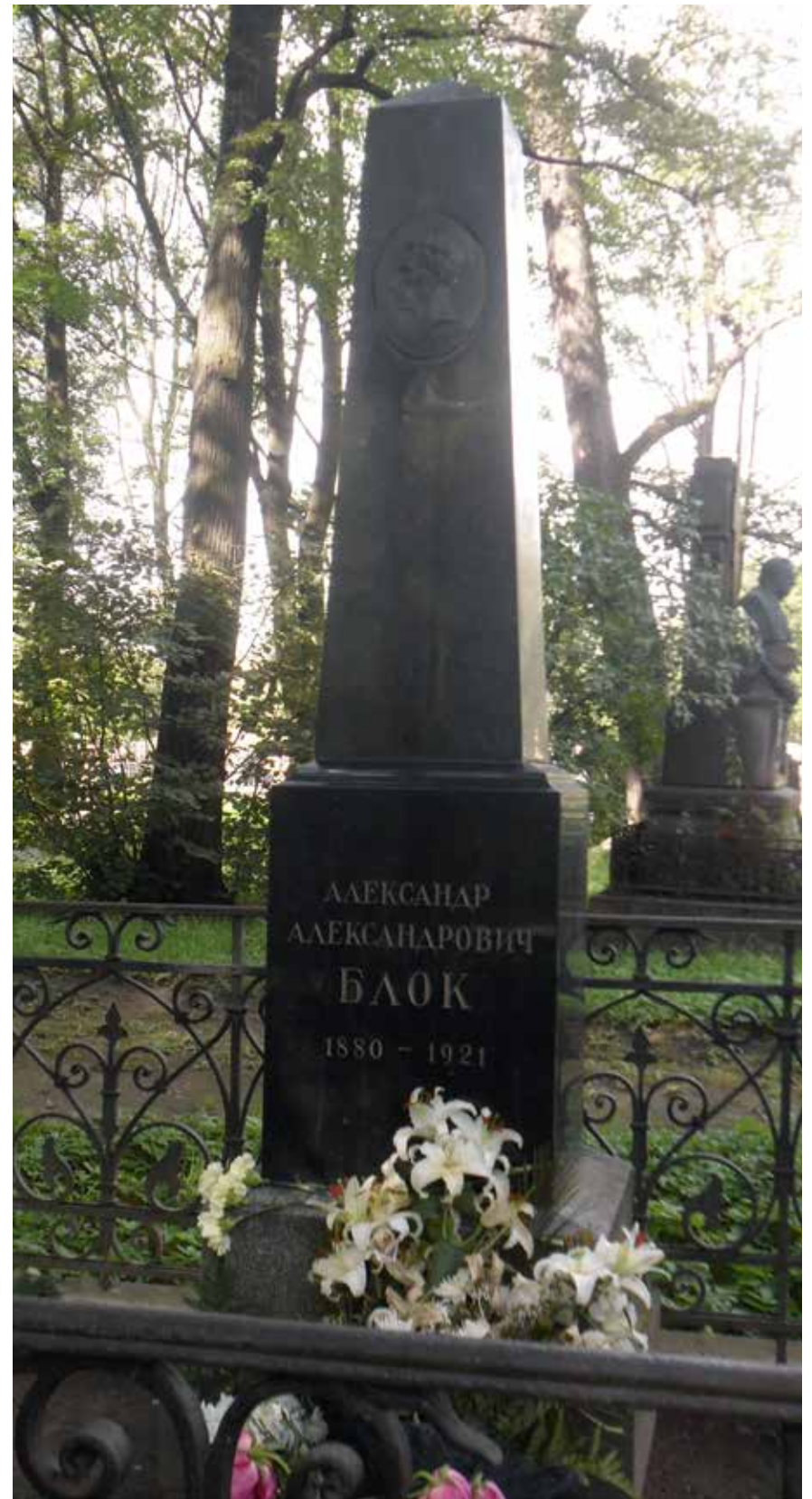
Они в те годы вместе учились в Военном институте иностранных языков, и она за прогулы была как-то посажена под арест. А будущий муж ее, тоже курсант, но старшего курса, в тот день был дежурным по училищу и попросил привести к нему любого арестованного – вымыть полы. Привели, представьте, ее.

Когда она вошла в кабинет дежурного, ее будущий избранник говорил с кем-то по телефону. «Что вы хотите?» – оторвавшись от трубки, обратился он к ней. Она сказала, что ее привели по его приказанию. Так и познакомились. «Но вы знаете, – не без кокетства улыбнулась Анна Наумовна, – первое, что я заметила, когда он еще говорил по телефону – это его безумно красивые руки. Я смотрела только на них». И, неожиданно рассмеявшись, добавила: «А Саша, оказывается, смотрел на мои ноги. Я как раз достала тогда очень красивые чулки телесного цвета... Вот так-то...»

Красивые руки... я знал, что у Блока были очень красивые руки. Неудивительно, что у сына его они тоже были красивыми.

Но, уходя из гостеприимного дома по улице Черняховского, я вспомнил вдруг, что ведь и Ахматова именно по рукам узнала внебрачного сына своего мужа Николая Гумилева – юношу, которого до того никогда не видела. «У него, – сказала при встрече его матери Ольге Высотской, – Колины руки...» Вот и все! Ей, Ахматовой, этого доказательства, представьте, оказалось достаточно.

Но будет ли достаточно теперь нам? Вот ведь – вопрос!

Могила Александра Блока на Литераторских мостках в Санкт-Петербурге

³ Порядочность и непорядочность неизменны и вечны. Статья М. Тартаковского «Прекрасная жизнь сына Александра Блока» с подзаголовком: «В отличие от отца А. П. Кулешов был счастливым человеком» («Огонек» от 17.05.1999 г.) – классический пример как раз журналисткой непорядочности. Оказывается, этот Тарковский, в 1960-х «молодой литератор», был как бы учеником сына Блока – «писателя Кулешова». «Вы не знаете такого писателя?» – ерничая, спрашивает он читателей «Огонька» и сам же радостно отвечает: значит, вы не читали сборники «Советские спортсмены в борьбе за мир», где Кулешов фигурировал в двух ипостасях: как Кулешов – один из авторов, и как редактор-составитель – А. П. Нолле. Оказывается, Кулешов, по словам автора, был приспособленцем, который и ему советовал быстрее становиться членом СП СССР, быть упорнее, придумать себе псевдоним. Про свой псевдоним, издевается Тартаковский, Кулешов ничего не сказал ему, и лишь однажды от футбольного комментатора Льва Филатова, Тартаковский услышал, что Кулешов – сын Блока. И вот тут-то весь пафос автора обрушился на якобы несправедливую и далеко не бедную жизнь «самозванца». О, люди, люди! Оказывается, Кулешов ездил по границам по двадцать раз в году, причем тогда, когда «приличных людей» (надо полагать – самого Тартаковского!) и один-то раз не выпускали. Оказывается, в домашнем баре Кулешова (в обычной стенке, замечу я) Тартаковского и раньше поражали «кьянти», да «мартини», а в туалете – вот преступление-то! – «небесно-лазурный унитаз». «А электрический камин, а мебель красного дерева?» – прокурорским тоном спрашивает в статье Тартаковский. А по какому праву, возмущается он, 50-летие Кулешова отмечала сама «Литературка», ведь такие даты не празднуют? И как он посмел устроить прием в ЦДЛ по этому поводу, в смысле – откуда деньги? И как ему не стыдно было поучать Тартаковского фразой: «Учитесь жить, молодой человек!..» Все – в таком вот духе. И главный вывод – нет, сын Блока «мучеником не был – это точно...» Что тут говорить – чернь, она и есть чернь – во все времена!

«А НА ДУШЕ ЛЕГКО И СВЯТО...»

Тургеневское эхо по-прежнему звучит в воздухе

АЛЕКСАНДР ПАНФИЛОВ

Памятник И. С. Тургеневу в Санкт-Петербурге. 2001.
Скульпторы: В. Д. Свешников и Я. Я. Нейман

Непростая посмертная судьба Ивана Сергеевича Тургенева, 205-я годовщина со дня рождения которого отмечается в этом году, понуждает сначала разрешить некоторые трудности, связанные с восприятием его произведений – современным и не очень современным.

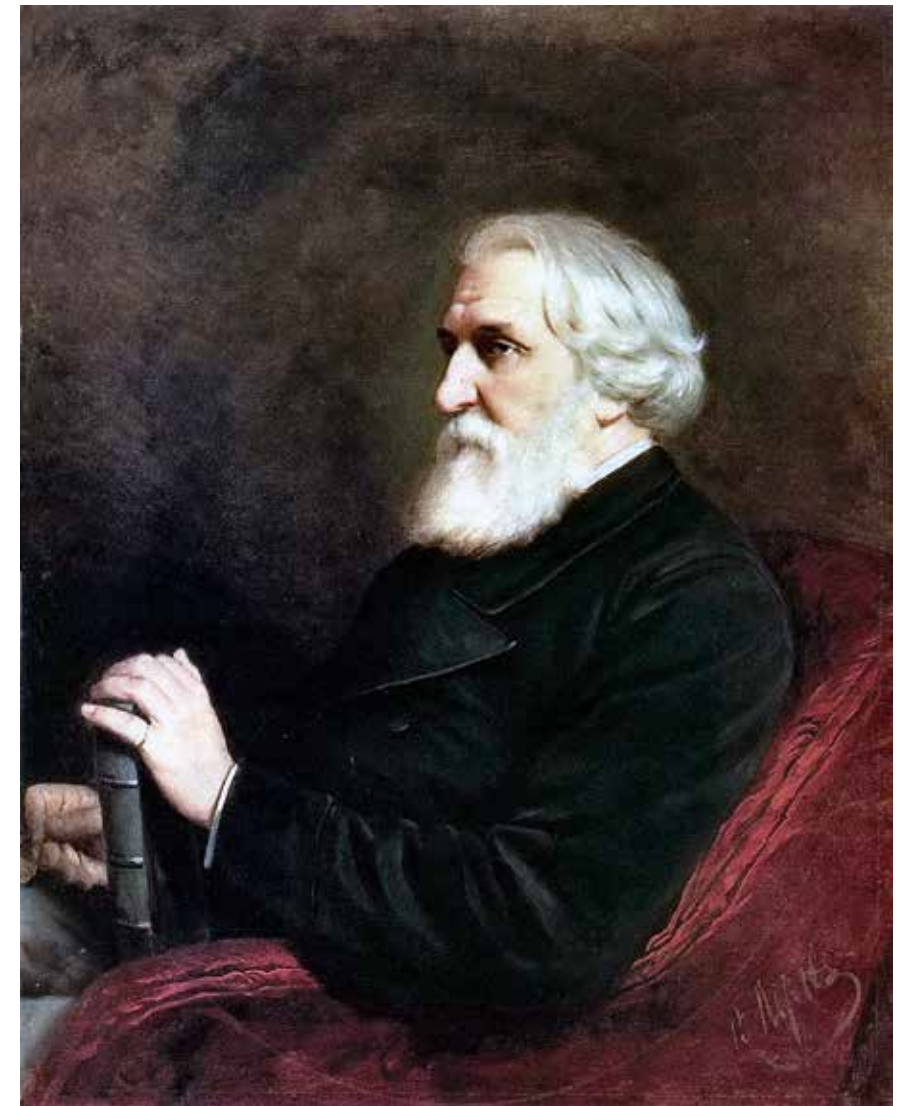
Строка, ставшая заголовком этого текста, взята из стихотворения, сочиненного Тургеневым в 1843 году. Писателю – 25 лет, он чувствует себя поэтом, пишет довольно много лирических стихотворений, и неплохих. Кстати, именно в этих, начала 1840-х годов, стихах Тургенев постепенно нащупывает прием, который станет одним из главных в его прозе, – назовем этот прием параллелизмом пейзажа и собственно человеческой драмы, взаимного их соподчинения, когда картина природы проецируется на человеческие отношения, а последние отражаются в зеркале деревьев и вод, в свою очередь вызывая смену их состояния.

Через три года, в 1846 году, Тургенев начнет писать «Записки охотника», принесшие писателю настоящую известность. Первый «очерк» этой книги, «Хорь и Калиныч», был напечатан в первом номере обновленного «Современника», уже «некрасовского», – январском за 1847 год. И не в отделе собственно художественной литературы, а в «Смеси», что важно.

Все рассказы «Записок» стремятся к созданию иллюзии

абсолютной достоверности. Это или пересказ чужого рассказа, или результат подслушивания, подглядывания, или описание собственного приключения, собственных встреч с теми или иными людьми. Тургенев изначально утверждает себя на позициях лично понятого реализма, что, вообще говоря, было новостью для того времени. Но «очерковость» является лишь маской, за которой мы видим действительность, преображенную художественным гением. То есть собственно художественную литературу, причем высочайшего качества. И литературу, несмотря на очевидный лиризм, социально ориентированную. Где-то здесь начинается тяжба Тургенева с властью, которая продлится до смерти. Нет, он никогда не был революционером, но душа его чужими «страданиями уязвлена стала» – из этого «уязвления» исходил писатель в своем творчестве, и если отступал, то только по необходимости, но где требовалось, был тверд и даже упрям.

Тургенев стал известным. Потом – знаменитым. При этом нужно понимать, что путь его не отличался унылой прямизной. Период любви с «Современником» завершился разрывом. Слава «антикрепостника» сменилась сложным взаимным непониманием с той частью российского общества, которую принято называть передовой, – роман «Отцы и дети» был отвергнут по большому счету и консерваторами, и революционерами. Тургеневу не могли простить и того, что он живет двойной жизнью – в России и в Европе. Говорили, что в России он носит русские одежды, а в Европе переодевается в европейское, и в соответствии с нарядами меняется его отношение к «родному» – он то любит, то не любит русский народ. Слухи были небеспочвенными – Тургенев своими

Портрет И. С. Тургенева работы Василия Перова. 1872

речами сам провоцировал подобные разговоры.

Его побеги из реализма в мистику вызвали недоумение. Текст под названием «Довольно» был убийственно спародирован Достоевским в «Бесах». Как, впрочем, и сам его автор, превратившийся в исписавшегося писателя Кармазинова.

Во второй половине 1870-х годов ситуация вроде бы приобрела черты благополучия. Молодежь, чье мнение всегда было важно для Тургенева, вновь стала симпатизировать писателю; его приезды

в Россию сопровождались овациями; незнакомые мастеровые, узнав Ивана Сергеевича на случайной станции, кланялись ему в ноги; верилось в скорое «увенчание здания» (тогдашняя метафора российской конституции)... Слава Тургенева перешагнула отечественные границы; крупнейшие европейские писатели признавались в любви к его прозе и уже называли Тургенева в Париже «первым писателем века»...

В 1881 году Тургенев, уезжая из Спасского-Лутовинова и «нумерологически» готовясь к смерти

Портрет Полины Виардо работы Ари Шеффера. 1840

(думая о ней, он пересоставил год своего рождения), все-таки не верил в нее, был полон замыслов и надеялся вернуться в свой любимый дом. Не вернулся. Он умер во Франции в 1883-м.

А дальше началась канонизация, похожая на вторую смерть. О Тургеневе по инерции писали много. В разное время по-разному. Влюбленно, ненавидяще, равнодушно,

нужно. Он показался разъясненным до дна. Лев Толстой в 1900-х годах редактировал «неправильного» Тургенева, превращая чудесные «Живые мощи» в назидательную псевдохристианскую максиму. Модернисты относились к писателю снисходительно – он не был среди их главных героев. Хотя случались и исключения. Так, Иннокентий Анненский предложил

очень необычные опыты вживания (самому Анненскому угодно было называть их отражениями) в персонажей двух не самых известных тургеневских произведений. Эти опыты, исходящие из любви к писателю, были призваны опровергнуть неактуальность Тургенева. Однако протест этот мало кто услышал.

К слову, самые любопытные тексты о Тургеневе были созданы именно литературными импрессионистами – и это были любовные тексты. Так, быть может, лучшей тургеневской биографией является книга Бориса Зайцева «Жизнь Тургенева», написанная на рубеже 1920–1930-х годов во Франции. И тут даже не в подробной фактографии дело, а в мелодии. Один «нежный» писатель пишет о другом «нежном» писателе, воспринимая его на музыкальном уровне, и эта музыка ведет читателя через разнообразные клише, в которые Тургенев оказался к тому времени упакован как в непробиваемый кокон, – ведет, по-хорошему разоблачая героя, возвращая ему живое выражение лица и живое дыхание.

Увы, первую скрипку с некоторых пор играли другие книги – откровенно апологетические. Тургенев окончательно превращался в памятник самому себе. В конце концов его погребли в гербарии школьного литературоведения.

Между тем всякая откровенная апологетика напрашивается на опровержение. Провоцирует к тому. Силу этой провокации я испытал на себе пару лет назад, в очередной раз заехав в Спасское-Лутовиново по дороге в Орел.

Был будничным летний день. В музее царило полное безлюдье. Я захотел зайти в усадебный дом – мне выделили гида, милую музейную женщину, из тех, кому нужно ставить памятники. Они погружены в судьбы своих героев,

Дом И. С. Тургенева в усадьбе Спасское-Лутовиново

проживая свою жизнь в их жизни. Разумеется, тут знание мельчайших подробностей, влюбленные глаза и некоторое «задыхание» в речах. Однако моя реакция оказалась для гида неожиданной, ибо это «задыхание» оживило во мне беса противоречия. Я принялся спорить с предлагаемым мне иконописным образом, приводя в качестве аргументов все то, что обычно в «низложениях» Тургенева и приводится. Вспомнил, как 19-летним юношей тот носился по горящему пароходу, кричал, что не хочет умирать, и, отталкивая женщин и детей, пытался первым пробраться в спускаемую на воду шлюпку. Еще: как щеголял в синем фраке с золотыми пуговицами, изображающими львиные головы, в светлых клетчатых панталонах, в белом жилете и цветном галстуке, за что Герцен нарек его Хлестаковым. Еще: что при всей своей богатырской фигуре говорил почти женским голосом и вел себя совершенно не по-мужски,

таскаясь по Европе вслед за Полиной Виардо. Еще: что умудрился рассориться со всеми приятелями своей литературной молодости – Достоевским, Некрасовым, Львом Толстым, Гончаровым, Герценом, Фетом и т.д. Еще: что, по многим свидетельствам, был «мастером позы и фразы». Еще: что вел себя не вполне опрятно в своем старческом «полуромане» с актрисой Марией Савиной. И прочее, и прочее...

Мы спорили, жестикулируя. И лишь на улице иронический морок меня оставил. Я оглянулся и понял, что совсем не прав. С моим гидом мы расстались друзьями, и я отправился к большому пруду.

«Был прекрасный июльский день, один из тех дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. С самого раннего утра небо ясно; утренняя заря не пылает пожаром: она разливается кротким румянцем...» («Бежин луг»). Я погружался в тургеневский пейзаж,

стремящийся к собственному «запечатлению», и вдруг приходило последнее понимание того, как же просто и хорошо быть с Тургеневым. Он внятен, музыкален, он навеивает очарование, которого так не хватает в жизни.

Да, не всегда «легко и свято» (вспомним еще раз раннее стихотворение Тургенева) было на душе у писателя. И в его сочинениях тоже. Но есть, есть эти легкость и святость в лучших образцах тургеневской прозы.

Бог с ними, с наветами, ироническими свидетельствами, человеческими недостатками. Потому что по нашей земле по-прежнему бродят «тургеневские девушки», и дурчится и плачет от любви какая-нибудь новая Ася, и шумят в роще березы, и где-то что-то «стучит», напоминая нам о том, что мы пришли в этот прекрасный и печальный мир совсем ненадолго. Живое тургеневское эхо по-прежнему звучит в воздухе. Нужно только его услышать и задержать в памяти.

СИЯНИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО САДА

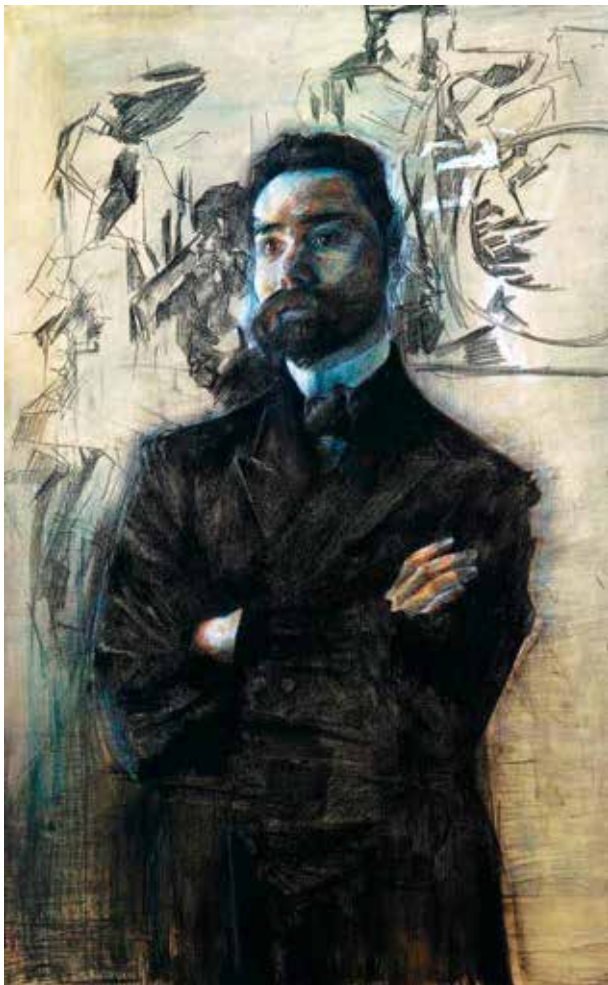
К 150-летию со дня рождения поэта, прозаика, переводчика и одного из основоположников русского символизма Валерия Брюсова

АЛЕКСАНДР БАЛТИН

Валерий Брюсов... всесторонне эрудированный, математически-выверенный, необычайно разнообразный. На умствованиях зиждется брюсовский свод, протянутый в бесконечность, стремящийся охватить как можно больше тем и ракурсов жизни...

Шум и гул времени – и насыщенный сколь современностью, столь и вечными тонами «Конь блед» (1903):

Улица была – как буря. Толпы проходили,
Словно их преследовал неотвратимый Рок.
Мчались omnibusы, кебы и автомобили,
Был неисчерпаем яростный людской поток.
Вывески, вертясь, сверкали переменным оком
С неба, с страшной высоты тридцатых этажей;
В гордый гимн сливались с рокотом колес и скоком
Выкрики газетчиков и щелканье бичей.
Лили свет безжалостный прикованные луны,
Луны, сотворенные владыками естеств.
В этом свете, в этом гуле – души были юны,
Души опьяневших, пьяных городом существ.

Портрет Валерия Брюсова работы М. А. Врубеля. 1906

Улица-буря, современные звоны и зовы, omnibusы и автомобили, и вдруг – видение, страшно рассекающее реальность:

И внезапно – в эту бурю, в этот адский шепот,

В этот воплотившийся в земные формы бред, —
Ворвался, вонзился чуждый, несозвучный топот,
Заглушая гулы, говор, грохоты карет.
Показался с поворота всадник огнеликий,
Конь летел стремительно и стал с огнем в глазах...

Мир щедр к тому, кто готов его слушать: он раскроется бесконечной историей, где Клеопатра будет говорить о своей трагедии, а средневековая Германия растворится строем готических буквиз-бюргеров; где Армения подарит таинственный розовый туф своих созвучий, а часовщик заведет часы по рисунку вечности...

Его стихи горели жесткой ювелирной огранкой. Он был символистом, но никакой расплывчатости его поэзия не подразумевала: все строилось жестко и четко, на факте жизни и ее фактуре.

Сумрак тихий, сумрак тайный,
Друг, давно знакомый мне,
Безначальный и бескрайный,
Призрак, зыблющий туманы,
Вышел в лес и на поляны,
Что-то шепчет тишине.
Не слова ль молитвы старой,

Древней, как сама земля?
И опять, под вечной чарой,
Стали призрачной химерой
Скудный лог, орешник серый,
Зашоссейные поля.
Давний, вечный сон столетий,
В свете звезд, опять возник:
И вся жизнь – лишь ветви эти,
Мир – клочок росистый луга,
Где уста нашли друг друга,
Вечность – этот темный миг!

(1912)

Сияние шло от поэтического сада, разбитого Брюсовым, – идет оно и ныне.

Ангел благого молчания,
Властно уста загради
В час, когда силой страдания
Сердце трепещет в груди!

Ангел благого молчания,
Радостным быть помоги
В час, когда шум ликования
К небу возносят враги!

Ангел благого молчания,
Гордость в душе оживи
В час, когда пламя желанья
Быстро струится в крови!

Ангел благого молчания,
Смолкнуть устам повели
В час, когда льнет обаяние
Вечно любимой земли!

Ангел благого молчания,
Душу себе покори
В час, когда брезжит сияние
Долгожданной зари!

В тихих глубинах сознания
Светят святые огни!
Ангел благого молчания,
Душу от слов охрани!

(Молитва. 7 мая 1908)

Брюсов – один из немногих, кто входил с поэтическим факелом в мир науки, живописуя таинственные недра микромира или миров:

Быть может, эти электроны —
Миры, где пять материков,
Искусства, знанья, войны, троны
И память сорока веков!

Еще, быть может, каждый атом —
Вселенная, где сто планет;
Там все, что здесь, в объеме сжатом,
Но также то, чего здесь нет.

Их меры малы, но все та же
Их бесконечность, как и здесь;
Там скорбь и страсть, как здесь, и даже
Там та же мировая спесь.

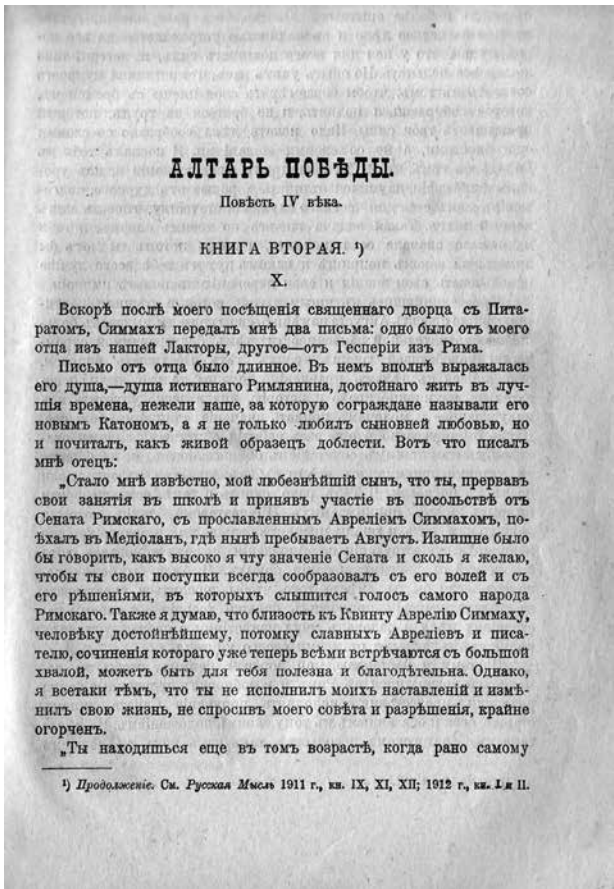
Их мудрецы, свой мир бескрайный
Поставив центром бытия,
Спешиат проникнуть в искры тайны
И умствуют, как ныне я;

А в миг, когда из разрушенья
Творятся токи новых сил,
Кричат, в мечтах самовнушенья,
Что бог свой светоч загасил!

(1922)

Проза Брюсова разворачивала культурологические знамена, но так, что иероглифы знаков, пылающие на них, представляли бывшее настоящим. История – как погружение в бездну, горящую многими огнями.

Пламенел его первый роман «Огненный ангел», вдохновивший Сергея Прокофьева. Была особая музыкальность в прозаических периодах Брюсова: величие

«Алтарь победы». Первая страница повести В. Брюсова в журнале «Русская мысль», март 1912 года

гудящего стволовым лесом органа легко пересекалось с медовыми звуковыми разводами виолончели. И ныне завораживает алхимическое построение этого романа.

Малая проза Брюсова переключалась с разнообразием его поэзии: зажигались стилизации под старинные хроники, психологический этюд давал возможности реалистического письма, а фантастика наслаивалась на тщательно, до деталей выписанный быт. «Алтарь победы» живописует жизнь Рима IV века н.э. так ярко, что создается иллюзия читательского присутствия в оном...

Брюсов владел разными техниками письма: но что бы ни создавал, его произведения всегда были стянуты золотыми метафизическими нитями индивидуальности.

«ВОЗДУШНЫЕ ЗМЕИ»

«Истории из пропавшего чемодана»: окончание главы о жизни и судьбе французского писателя, кинорежиссера, военного и дипломата, уроженца России Ромена Гари (начало в №157/09–10)

АЛИСА ДАНШОХ

Ромен Гари и американская актриса Джин Сибберг. Рим. 1961

Предав Арье-Лейба Кацева литературному забвению, Гари самозабвенно пишет портрет матери, расцвечивая его яркими подробностями выдуманной биографии. Актрисой она была только в собственных мечтах и рассказах, хотя, по воспоминаниям близких друзей писателя, у нее имелись артистические задатки. Выступления на театральных подмостках ограничивались участием в школьном драмкружке. Она никогда не играла драматические роли на московской сцене и не произносила тексты Мольера во французской

театральной труппе. Она никогда не встречалась с Мозжухиным, а тот никогда не разъезжал по Варшаве на роскошном желтом авто. Необузданное воображение автора романтизирует прошлое матери, а некоторое фотографическое сходство юного Романа Кацева с известным актером подсказало ему, как на этом сыграть. Он превратил русскую знаменитость в анонимного отца. Ни Мина, ни ее сын не были знакомы со звездой немого кино, но они частенько наблюдали ее явление на пляже бухты Ангелов, она охотно освещала

променад Английской набережной и возникала на выступлениях цыганского ансамбля.

Не могу не рассказать об одном из самых трогательных эпизодов «Обещания на рассвете» – о возвращении Гари в Ниццу в 1944 году. Он оказался душеспирабельным вымыслом, идею которого автор позаимствовал у другого известного французского писателя. Тысячи женщин рыдали, читая про сына, спешащего к матери после четырех лет разлуки. У него замирает сердце от ожидания встречи, сейчас он ее обнимет, похвастается полученным орденом, порадует первым серьезным литературным успехом – его роман только что опубликован в Лондоне. Через несколько минут он скажет самой любимой и родной женщине, как ее письма все эти годы служили ему оберегом. Он взлетает по лестнице на верхний этаж дома, где они жили, но... его никто не ждет, потому что мать умерла три с половиной года назад. Зная про неизлечимую болезнь и скорую смерть, она пишет около двухсот писем и просит свою подругу из Швейцарии регулярно отправлять весточки сыну на фронт.

В действительности Ромен Гари знал о смерти матери. В 1941 году он получил известие о ее кончине от сестры своего школьного друга Рене Ажида. Она ухаживала за Миной Кацевой и вместе с братом проводила ее в последний путь на русское кладбище. Мина умерла от рака желудка. За несколько месяцев, проведенных в больнице, она

отправила сыну одно-единственное письмо. По воспоминаниям сестры Рене Ажида, Мина каждый день что-то записывала карандашом в серые школьные тетради и просила их передать Ромушке. Что в них было, никто не знает: записи исчезли.

Впервые о письмах матери Гари рассказал за четыре года до выхода романа на встрече с американскими читательницами. В 1956 году он занимал пост генконсула Франции в Лос-Анджелесе. В Америке романы Гари пользовались успехом, он часто выступал по местному телевидению и охотно давал интервью глянцевого прессы. Сентиментальный эпизод биографии писателя вызвал бурную реакцию: дамы рыдали; кстати, как и я, когда недавно перечитывала «Обещание на рассвете». Расчувствовавшись и утирая слезы, я все же мысленно попеняла автору за кражу сюжета у Андре Моруа (его «Фиалки по средам» вышли в 1953 году). В этой новелле герой регулярно получал письма от возлюбленной, которая, как потом оказалось, давно ушла из жизни. Отвечая сама себе на вопрос «Почему Гари позарился на чужое?», я пришла к выводу, что эти письма придавали яркости образу женщины, безмерно его любящей и бесконечно ему преданной. В противовес безвестному и малозначимому отцу писатель создал культ матери. Никто и никогда не смог ему ее заменить, потому что материнская любовь совершенна и ее утрата невосполнима. В то же время, по словам писателя, эта любовь опасна: она «заставляет жизнь давать обещания, которые та никогда не выполняет».

Превращая мать в некое божество, он наделяет ее в том числе и пророческим даром. Она внушает ему и всем окружающим, что сына ждет блестящая карьера, он прославит себя и Францию. Он будет дипломатом, писателем, и все женщины мира будут у его ног.

Говорила ли в действительности Мина что-нибудь подобное, неизвестно, однако к моменту выхода романа в 1960 году некоторые пророчества матери, реальные или мифические, сбылись. Во-первых, Гари стал героем Сопротивления. Во-вторых, он получил две высшие награды Франции – орден Почетного легиона за заслуги перед Отечеством и литературную Гонкуровскую премию. И хотя послом он не стал, тем не менее служил в министерстве иностранных дел по дипломатической линии. А что касается успеха у женщин, то он оказался, пожалуй, даже чрезмерным и принес Гари массу неприятностей и разочарований. В 60-е годы прошлого столетия Гари поплатился за любовные увлечения дипломатической карьерой. Сегодня он бы так легко не отделался: движение MeToo засадило бы героя-любовника за решетку не на одно столетие.

Официально он был женат всего два раза, зато романов, длительных и не очень, отношений серьезных и одноразовых было не счесть. Можно сказать, что две неутолимые страсти управляли жизнью Гари – творчество и секс. Первая нуждалась во второй, как топка паровоза в угле, и обе они не поддавались контролю, что приводило к возникновению стрессовых ситуаций. Стрессы, в свою очередь, вызывали нервные срывы, требовали врачебного вмешательства и пребывания в клиниках. Ни наркотиков, ни алкоголя Гари не употреблял. Опасные стимулирующие средства он заменил интенсивными половыми контактами и ненормированной творческой работой. В конечном итоге повышенный гормонально-андрогенный уровень в организме не сделал писателя счастливым, но привел к печальным последствиям.

Страстная влюбленность сорокапятилетнего Гари в двадцатилетнюю кинозвездочку из США Джин

Сибберг положила конец очень удачному браку писателя с англичанкой Лесли Бланч. Он расстался с умной, интересной, тактичной, светской, талантливой женщиной, журналисткой, которая любила его, была ему предана, закрывала глаза на его внебрачные шашни и прощала многое другое. Вместо нее он возжаждал хрупкую на вид женщину-подростка, превращенную Годаром в новую кинодиву. Слегка загадочная американская провинциалка пуританского воспитания потеснила откровенно сексапильную Мэрилин Монро и ввергла Гари в пучину бракоразводных страстей. Неожиданно и против своей воли писатель оказался заложником двух упертых тетенок. Законная жена Лесли никак не соглашалась на развод: она слишком хорошо знала своего мужа, привыкла к его временным увлечениям и походам налево. Она знала, что он вернется, потому что она не давила на него, ничего не требовала и была ему настоящим все понимающим другом-компаньоном. Что касается новой претендентки на титул «мадам Гари», то она собиралась любой ценой заполучить еще одного «папочку» – возрастного обладателя Гонкуровской премии. «Это любовь с первого взгляда, – заявила она, – именно он нужен мне для счастья».

На момент знакомства Ромена с Джин, которое произошло в Лос-Анджелесе, где Гари служил генконсулом Франции и куда актриса приехала по голливудским киноделам, она уже год как была замужем. Муж счастью не должен был помешать, поэтому Сибберг немедленно с ним развелась. Однако, как показали дальнейшие события, новоявленная дива по причине малолетства, некоторой ограниченности ума и отсутствия образования плохо разбиралась как в жизни, так и в мужчинах, особенно в последних. Джин увидела в Гари не только блестящего,

образованного, остроумного, умудренного опытом человека в ореоле литературной славы при дипломатической должности, но и стройного, обаятельного, неотразимого мужчину с обольстительным низким волнующим голосом. И хотя в невероятно синих глазах притаилась неизбывная печаль всего еврейского народа, взгляд Гари притягивал и волновал все женские сердца без исключения. Джин Сиберг решила, что он «стойкий оловянный солдатик», который станет для нее надежной опорой. Бедняжка, разве ей могло прийти в голову, что ее избранник куда больше, чем она, нуждается в заботе о нем самом? Откуда ей было знать, что кроме плотских утех и чужой молодости ему нужна рядом с ним всепрощающая, внимательная, интеллектуальная няня-сиделка с функциями секретарши, помощницы и менеджера жизни.

Если бы не настойчивость юности и желание иметь ребенка,

только двух вещей – стать юной и родить ребенка. Последним фактом и воспользовалась воинствующая молодость – Сиберг забеременела. В конце концов все, кроме Лесли, получили желаемое. Американская пресса взахлеб писала о межконтинентальном звездном браке Сиберг – Гари, сравнивая его с союзом кинодивы Грейс Келли и принца Ренье из Монако. И так, юность обрела очередной статус, а к нему в нагрузку сложную чужую зрелость с международной известностью. В свою очередь, стареющий мачо с героическим военным прошлым и литературной славой в настоящем стал счастливым отцом мальчика Диего и мужем экранной иконы «новой волны».

Через пять лет многообещающему супружеству был поставлен смертельный диагноз, приведший к грустному концу – разводу с бесконечными претензиями и недо-вольством с обеих сторон. Однако,

расставшись со все еще молодой женой, Гари повел себя как настоящий мужчина. Он полностью взял на себя заботу о сыне, которого обожал, а что касается его матери, то ради ребенка он и за ней присматривал. Долгие годы Гари в буквальном смысле нянчился с Джин Сиберг. Он спасал ее от запоев, наркотиков и сумасшествия. Он нанимал сиделок, оплачивал врачей и клиники, где она все больше и больше проводила времени. Он спасал ее от охотников за ее деньгами, роившихся вокруг легкой добычи. Он старался защитить ее доброе имя... В сорок лет, отправленная жизнью в архив кино-известности, Джин Сиберг покончила с собой.

Обретя личную свободу после развода, Гари двенадцать лет вел бурную холостяцкую жизнь. Он множество раз влюблялся и неоднократно в порыве чувств предлагал себя в качестве мужа той, которую считал достойной спутницей жизни. Однако порывы длились недолго, и он возвращался к тому, что по-настоящему было ему бесконечно дорого, – к творчеству и к памяти о матери. О Мине он всегда говорил как о живой. Однажды он сбежал из госпиталя, буквально с операционного стола, выбравшись из окна палаты по связанным вместе простыням. Свой поступок он объяснил тем, что, обсудив с мамой проблемы здоровья, получил от нее совет не удалять грыжу (!!!). В другой раз Гари сетовал на то, что очень огорчил матушку, отказавшись от борьбы за кресло «бессмертного». Дело в том, что каждый местный писатель мечтает попасть на французский литературный олимп, который располагается в импозантном дворце на берегу Сены. В одном из его залов заседает сорок один автор, выбранный из числа добившихся выдающихся литуспехов. За неоценимый вклад в отечественную словесность он

за свой счет шьет дорогуший мундир, расшитый золотом, и получает пожизненное кресло за овальным столом вместе с титулом академика. Этих-то счастливых и называют «бессмертными». Когда один из них прекращает физическое существование и отправляется в мир иной, оставшиеся сорок находят ему замену и выбирают нового академика. Он, в свою очередь, до конца отпущенных ему всевышним дней вершит судьбы собратьев по перу, посилено увековечивая литвеличие Франции.

Мне как-то с трудом верится в добровольный отказ Ромена Гари от почетного звания прижизненного классика, когда его друг и покровитель Жозеф Кессель предложил ему занять освободившееся кресло «бессмертного». Скорее всего, Ромушка Кацев выдал желаемое за действительное и все придумал, как и многое другое. Воображением Гари обделен не был, оно било через край, и его хватило бы на нескольких авторов. Что касается правды и реальных событий, то с ними он обращался вольно, а по словам строгой и всевидящей Сильвии Ажид, жены главного друга Гари, он «самозабвенно вводил в заблуждение» и себя, и других. Он беспардонно жульничал, плутовал и обманывал жизнь. Гари сравнивал себя с хамелеоном, а критики считали, что он человек без лица или со многими лицами. Многие писали, что он завораживает читателя мистификациями и со-блазняет приключениями. Кто-то однажды заметил, что книги Гари реальнее его самого и что он стал фикцией в поисках самого себя. Однако именно реальная жизнь толкнула Гари в объятия мифотворчества. Это она заставила искажать факты, о чем-то умалчивать, а что-то приукрашивать и выдавать вымысел за правду.

На первую фальсификацию действительности Рому Кацева и его

мать Мину спровоцировали власти новой родины. Чтобы наверняка получить вид на жительство во Франции, надо было предоставить сведения, вызывающие доверие и отвечающие требованиям чиновников. Следует заметить, что указанные данные официальные лица тщательной проверке не подвергали. Так появилась версия о месте рождения Романа – город Москва, при этом семейные доходы сознательно были преувеличены. Деньги нужны всегда, особенно для того, чтобы быстрее интегрироваться в новую среду обитания, где свои местные стереотипы, которым требуется соответствовать. Малоимущий эмигрант из Польши с еврейскими корнями – не лучший стартовый капитал в любой стране, и довоенная Франция здесь не исключение. Как мы уже знаем, не помогла и натурализация: полученный паспорт гражданина великой Республики не защитил от несправедливости.

Зато фальсификация, связанная с именем и фамилией, полностью изменила судьбу Ромы Кацева. Он написал роман и опубликовал его в 1944 году под псевдонимом Ромен Гари. Роман произвел фурор и превратил автора в яркую звезду на литературном небосклоне. «Европейское воспитание» стало первым серьезным произведением о сопротивлении людей войне, в которой еще не была поставлена точка. Герой романа, четырнадцатилетний еврейский мальчик, попадает в партизанский отряд. Люди скрываются в зимних лесах Польши, ночуют в вырытых ими норах, голодают и как могут сопротивляются оккупантам. Они пытаются избежать страшной участи – убитой им смерти в концентрационных лагерях. С одной стороны, Гари писал о том, что пережил сам, от чего бежал и что больше всего хотел забыть, – об унижениях и оскорблениях евреев в Польше.

Некоторых его родственников расстреляли под Варшавой, кто-то сгинул в лагерях. А с другой стороны, он рассказывал о вещах воображаемых – о выживании в холодном заснеженном лесу, например. Он писал об этом, находясь в Африке и пытаясь скрыться в жалкой тени навеса от палящего солнца и пятидесятиградусной жары. Сражаясь в рядах французского Сопротивления, Гари ничего не знал о польских партизанах. Однако он мог представить, чем они занимались, а его жизненный опыт и наблюдательность помогли рисовать характеры и портреты человеческих судеб. Все описываемые события в романе – плод его фантазии.

Можно сказать, что первое признанное произведение Гари задавало направление всему творчеству писателя. Я его представляю себе в виде некоего фантастического блюда, приготовленного по рецепту, для которого необходимы следующие ингредиенты: 1) крепкая история; 2) много-много вымысла; 3) щепотка реальности плюс жалости, сентиментальности; 4) разнообразные усилители вкуса с «-измами»: пессимизм, цинизм, а также сарказм, гротеск, шарм, насмешка, ирония... Все компоненты тщательно перемешиваются, пропускаются через автора, после чего излагаются им на бумаге.

Пожалуй, лишь в «Обещании на рассвете» пропорции рецепта сочинения нарушены. В нем больше, чем во всех остальных произведениях, содержится реальных фактов и событий, хотя вымысла тоже хватает. Меня больше всего поразило фантастическое предсказание Мины об успехах сына на дипломатическом поприще. В конце 30-х годов прошлого столетия даже предположить, что бедного еврейского эмигранта возьмут на работу в МИД, было абсолютно невозможно. И все-таки это случилось. Но каким образом? Ответ

работу во французский МИД. Чтобы избежать путаницы литературного псевдонима с фамилией в паспорте, было подано прошение об изменении родового имени, и в 1951 году был получен документ, официально удостоверяющий, что Романа Кацева больше не существует. Отныне вместо него во Франции проживает служащий министерства иностранных дел Ромен Гари, который в свободное от работы время занимается сочинительством романов.

Я нашла в тысячестраничной книге о жизни Гари. Необыкновенный, можно сказать, сказочный поворот в карьере Ромы Кацева произошел по причине следующих обстоятельств. Во-первых, в министерстве иностранных дел возникла острая необходимость в новых кадрах вследствие отказа сотрудничества с теми, кто запятнал себя во время войны поддержкой режима Виши. А во-вторых, вмешательство госпожи Удачи. Наш герой оказался в нужном месте в нужный час. После тяжелого ранения, поставившего крест на карьере летчика и высокой оценке его боевых заслуг, Гари служит в лондонском генштабе генерала де Голля. Он отлично справляется со своими обязанностями, связанными с подготовкой важных документов. Первый литературный успех укрепляет его позиции, у него появляются покровители. Они рекомендуют молодого человека на престижную

на дипломатическом поприще Гари не достиг. Он честно и добросовестно исполнял свои обязанности, за что ему платили деньги, в которых он всегда нуждался. Увы, одной добросовестности, боевых заслуг в прошлом и чьей-то рекомендации маловато для карьеры в министерстве дипломатических сношений. Для них Гари всегда был чужаком – еврейский эмигрант без роду-племени, связей и средств. Пиком его международной деятельности стал пост генерального консула Франции в Лос-Анджелесе. В этом городе он прекрасно себя чувствовал и достойно представлял великую державу. Особенно ему нравилось принимать у себя успешных актеров Голливуда. Однако, несмотря на престиж и зарплату, Гари понимал, что истинное его призвание – писательство.

Начиная с 1935 года все свободное время он посвящал творчеству. Где бы он ни находился – на учебе

в Париже, в летной школе, в военном лагере, между двумя боевыми вылетами, в невыносимой африканской жаре, в крошечной неуютной квартирке швейцарского Берна, в Латинской Америке или в США, – Гари всегда изыскивал время для работы над новой книгой. На литературном поприще он проявлял чудеса трудолюбия, упорства и изобретательности. Жизнь Ромена Гари – один из самых удачных наглядных примеров, иллюстрирующих народную мудрость: «Упорство и труд все перетрут». В 1956 году они, объединившись с литературным талантом автора, принесли ему высшую для французского писателя награду – Гонкуровскую премию за роман «Корни неба». Главный герой этого произведения, выжив в фашистском лагере смерти, приехал в Африку спасать слонов от истребления. Критика немедленно задалась вопросом: если слоны – это метафора, то кого автор имел в виду? Может быть, евреев? В одном из интервью Гари сказал, что со слонем он ассоциирует себя и спасать надо людей. Мне кажется, что и сегодня, спустя почти семьдесят лет после публикации романа, люди по-прежнему нуждаются в защите.

История жизни и карьеры Ромена Гари подтверждает и другую расхожую поговорку: «Нет худа без добра». Лишившись из-за брака с Джин Сибберг престижного статуса дипломатического работника, он ушел в свободное плавание и целиком окунулся в литературную работу. Если раньше из-под его пера романы выходили раз в два, а то и в три года, то теперь литдетки появлялись на свет ежегодно. Времени хватало и на статьи, и на интервью, и на переводы, и на адаптации собственных произведений, и на киносценарии, и на ежедневную интенсивную переписку. В отличие от скромных вознаграждений дипслужбы

и неясных перспектив творчество стало приносить Гари неплохие дивиденды. Кроме морального удовлетворения он стал получать отличные гонорары. Деньги позволили ему приобрести огромную квартиру в центре Парижа, на левом берегу Сены, построить дом под ласковым южным небом у теплого моря, снимать жилплощадь для сексуальных утех, делать подарки многочисленным подружкам и любовницам, нанимать секретарш и обслуживающий персонал. Он очень ценил свою материальную независимость, а бедности боялся больше, чем злобных французских критиков. Что касается последних, то они пытались поставить под сомнение его литературные достижения. Критики смаковали допущенные им стилистические и синтаксические ошибки, считая, что они свидетельствуют о плохом владении французским. Из чего следует, что, ежели он не знает языка страны, на котором пишет, то не имеет права считаться хорошим франкофонным автором, а Гонкуровская премия, распродаваемые тиражи и тем более успех в Англии и популярность в США им не указ. Однако самым обидным обвинением следящих за французской литературой стало утверждение, что Гари исписался. Именно оно, судя по всему, и спровоцировало писателя на самую грандиозную литературную мистификацию XX века. Гари решил доказать, что у него есть еще порох в пороховницах и рано его списывать со счетов, он всем покажет и докажет...

Самое интересное, что он всем показал и всем доказал. Он добился нового триумфа, но только под другой фамилией. Гари взял псевдоним Эмиля Ажара, придумал ему биографию и даже нашел исполнителя на роль новоявленного пишущего таланта. Им стал молодой человек по фамилии Павлович – племянник писателя, сын его двоюродной

сестры. Для Ажара Гари выбрал нового литературного агента, новое издательство и нового поверенного в делах. Все участники мистификации дали подписку о неразглашении тайны появления на свет сочинителя Эмиля Ажара, чье первое произведение вышло в 1973 году. Только после смерти Ромена Гари было опубликовано разоблачение – «Жизнь и смерть Эмиля Ажара», из которого следовало, что целых семь лет Гари водил за нос всю литературную общественность и читателей. Гари работал на два фронта: утром писал за себя, а вечером – «за того парня» Ажара. В целях конспирации тексты диктовались двум разным секретаршам. Несмотря на все меры предосторожности, несколько особо бдительных критиков находили сходство между Гари и Ажаром, что не помешало признать Гонкуровскую премию второму роману Эмиля – «Вся жизнь впереди», вышедшему в 1975 году. Ромен Гари торжествовал, правда тайно. Он самодовольно потирал руки: то-то будет шума, когда «они» узнают правду! Интересно, узнай «они» ее при жизни Гари, как бы они поступили со второй высшей литнаградой? Ведь по правилам она присуждается автору лишь один раз в жизни. А вдруг «они» забрали бы ее?

В параллельном существовании двух гонкуровских лауреатов последнее слово осталось за Роменом Гари. В 1980 году издательство «Галимарт» запустило «Воздушные змеи» писателя Гари. Роман вышел незадолго до самоубийства автора. Как и первое произведение, «Европейское воспитание», принесшее Гари известность, предсмертное творение «Воздушные змеи» посвящено последней войне. Как в начале литературной карьеры, так и в ее конце Гари писал о великом Сопротивлении человека обстоятельствам, о его желании выжить и победить. «Воздушные

змеи» взлетели накануне знаменательной даты в истории Франции – сорокалетия со дня обращения 18 июня генерала де Голля к нации с призывом продолжить борьбу с немецкими оккупантами. Критика была восторженной: «... спасибо за замечательную книгу, написанную с таким чувством юмора, с такой поэтической трогательностью, с такой трепетностью...»

Прочитав рукопись романа, генерал Симон, возглавлявший организацию ветеранов Сопротивления, получивших орден Освобождения, обратился к Гари с просьбой сделать специальный именной тираж для тех, кому была присвоена высочайшая награда за военные заслуги. Через несколько месяцев боевые соратники писателя отдали последние почести товарищу по оружию – Ромену Гари, который для них навсегда остался Гари де Кацев. Церемония прощания прошла во дворе Дома инвалидов. Гроб был накрыт триколором, его несли одиннадцать летчиков. В церкви вместо отпевания певица Анна Прукнула по-польски спела песню Александра Вертинского «Лиловый негр», которую Мина Кацева напевала маленькому сыну Роману. Некоторые присутствовавшие на церемонии журналисты решили, что это еврейский религиозный гимн.

Последняя воля Ромена Гари была исполнена: его прах рассеяли над морем возле местечка Рокебрюн, где когда-то у писателя был дом, где он гулял по холмам, дышал воздухом Приморских Альп и задумывал новые романы. Однажды он написал: «Возлюбленное Средиземноморье! <...> Я всегда возвращаюсь к твоим берегам... Я был счастлив на твоих каменистых пляжах...»

Родившись заново в Ницце, прожив насыщенную событиями жизнь, герой Лазурного Берега вернулся туда, где обрел новую родину.

РОМАНОВЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

*Постмодернизм или жажда новой искренности:
дискурс вокруг воскрешения последних Романовых в новейшей русской прозе*

Предлагаем вниманию читателей «Русской мысли» литературный диспут, который ведут писатель Василий Зубакин и литературный критик Иван Родионов.

И.Р.: Всегда интересно отслеживать так называемые «странные сближенья», когда что-то близкое по теме/духу создается одновременно. В июле 2022 года вышел роман Василия Зубакина «В тени трона», а в следующем году – «Бронепароходы» Алексея Иванова и «ОТМА» Алексея Колмогорова. Между этими книгами, которые вышли почти одновременно, очень много схожего.

Конечно, в массовой жанровой литературе подобное не вызывало бы удивления, потому что там существуют строгие рамки стиля и читательских ожиданий. Но в литературе внежанровой, высокой, околотремиальной обычно все происходит иначе. И данный случай ни в одну подобную схему не вписывается. Начать обсуждение можно с романа «В тени трона».

В.З.: Про выбор героя. Почему именно Михаил Александрович Романов? Все просто – он очень интересная историческая фигура. Именно в его пользу отрекся Николай II. После он приостановил свои полномочия в качестве императора до того момента, пока Учредительное собрание не примет решения о том, какой строй будет в России дальше. Михаил не сложил, а лишь приостановил свои полномочия и, как говорят юристы, остался в истории России последним ее императором.

А про выбор – дело еще вот в чем. Мой первый роман, «Жестяной пожарный», был совсем без любовной линии. Там было много приключений и военных действий,

Участники диспута

Василий Зубакин, писатель, профессор, заведующий кафедрой возобновляемых источников энергии РГУ нефти и газа (НИУ) им. И. М. Губкина, автор более 50 научных работ по вопросам экономики и прогнозирования энергетики, автор романов «Жестяной пожарный» и «В тени трона», член Литературной академии премии «Большая книга».

Иван Родионов, литературный критик, обладатель премий «Литблог» и «Гипертекст», член жюри премий «Национальный бестселлер» и премии им. В. Катаева, автор литературно-критических сборников «Счетчик» и «На дно, к звездам».

но мало женских персонажей, за что мне изрядно доставалось от читательниц. И тогда я решил написать роман о любви.

Впрочем, подошел я к этому делу, как инженер. Какие мы знаем знаменитые истории любви XX века? С высочайшими ставками – например, когда человек отрекается от трона из-за чувств? Вспоминаются Эдуард VIII и Уоллис Симпсон и Михаил Александрович Романов и Наталья Брасова.

Это же потрясающе: молодой наследник встречается с женщиной,

которая уже два раза была замужем. А ведь тогда и разводов, в принципе, не существовало. Такова великая любовь!

При этом, глядя на фотографии обеих женщин, понимаешь, что ни одна, ни другая не были какими-то особенными красавицами в традиционном смысле этого слова. Но чем-то они смогли покориť молодых наследников престола. И я решил делать этаким параллельный монтаж: жизнь Эдуарда и Уоллис Симпсон и жизнь Михаила и Натальи Брасовой.

Но чем дальше, тем больше именно история Михаила Романова захватывала меня. Его очерняли и монархические, и советские историографы. И те и другие представляли его каким-то Дон Жуаном, бонвиваном, бездельником, безвольным и трусливым человеком. Человеком, который не взял на себя ответственность за судьбу России.

Но все не так! Михаил – боевой офицер и командир Дикой дивизии. А Дикая дивизия – это добровольческое формирование, состоявшее из выходцев с Кавказа, едва ли не самая героическая воинская часть в тогдашней России. В общем, чем глубже я изучал исторические источники, тем больше Михаил Александрович рос в моих глазах. И на этом фоне линия Эдуарда и Уоллис стала немного увядать, бледнеть.

Каково же было мое удивление, когда оказалось, что в новой книге Алексея Иванова в качестве героя тоже фигурирует Михаил

Александрович! Сначала я даже подумал, что Иванов прочитал мою книгу – и лишь потом понял, что нет, у него совершенно другой Михаил Александрович! У Иванова он как раз такой, каким его обычно изображают монархическое эмигрантское сообщество и советская историография. Не хочется спойлеров, однако Михаил там, например, может влюбить в себя женщину в период Гражданской войны, а потом предложить ей сделать аборт. Это совсем не тот Михаил Александрович, которого описал я.

И вот я пишу об этом Ивану, а он в ответ пересылает мне файл с еще одной, уже третьей книгой, в которой опять Романовы уцелели – это была «ОТМА» Алексея Колмогорова. Я читаю и начинаю понимать, что сюжеты всех этих трех книг возвращаются в одной исторической воронке событий.

Но это совсем разные книги. Насколько меня возмутил образ Михаила Александровича в «Бронепароходах», настолько привело в восторг все остальное в этой книге. А в «ОТМЕ» меня восхитили образы Ольги, Татьяны, Марии, Анастасии (это и есть та самая ОТМА), дочек императора, которые были убиты в восемнадцатом году.

И.Р.: Да, удивительное дело... И еще вот какое интересное смещение акцентов произошло. Раньше, в девяностые или в начале нулевых, в любом топ-списке популярной современной литературы обязательно был длинный роман про репрессии и про сталинское время. Именно такая литература активно читалась людьми в те годы и даже позже. А этот генезис судьбы последних Романовых, условно «околомонархический» – он как будто новый в нашей литературе. С чем это может быть связано?

В.З.: Давайте вспомним, кто еще писал про Романовых и про то, что они выжили.

Во-первых, есть книги о попаданцах, палп-фикшн. К примеру, современные люди вселяются в тела Михаила Романова и его помощника Джонсона, достигают больших успехов в Первой мировой войне, поскольку уже знают, что там дальше будет, кто откуда будет наступать. Таких книг достаточно много.

Есть одна книга, на сей раз вполне серьезная, которая чуть не убила мой проект – это роман «Царство Агамемнона» Владимира Шарова. И написано там про того же Михаила так замечательно,

что я даже забросил свой проект на пару месяцев. Но потом я сломал сюжет – убрал оттуда Мясникова, убийцу Михаила Александровича. Хотя Мясников потрясающий персонаж, и у Шарова он выписан здорово. А Иванов оставил Мясникова, и у него он такой утрированный бандит. Хотя Мясников, между прочим, это тот человек, с которым Ленин спорил на страницах газеты «Правда».

Соответственно романы про попаданцев и книга Шарова – это две вариации на одну тему. Но не существовало еще такого мощного тренда, когда в течение нескольких месяцев идет подобное художественное осмысление этой темы.

Также хотелось бы упомянуть, как я думаю, о возможном

вдохновителе книги «ОТМА» – Петре Николаевиче Краснове, герое Первой мировой войны, герое Гражданской. Он после военного времени поселился во Франции. Краснов был очень известным писателем, в свое время он был даже выдвинут на Нобелевскую премию по литературе. И у него есть совершенно потрясающее произведение, которое называется «За чертополохом». Это утопия о том, что Россия в результате определенных мировых революционных событий оказалась отрезанной от Европы. Отрезана мертвой зоной, которая в буквальном смысле заросла чертополохом. Внутри же России – православие и императорская власть сорокинского образца. И у Краснова

Михаил Александрович Романов... тоже выжил. По сюжету он отправляется в буддийскую столицу, к Далай-ламе. Там у него рождается сын. Сын вернуся на Родину и захватил власть в России. А действие романа происходит через 40 лет после революции, в шестидесятые годы. Краснов написал про это в двадцатом году. И у меня есть стойкое впечатление, что автор романа «ОТМА» эту книгу читал.

И.Р.: Кстати, о книгах Шарова. Вас не смущает их концепция? Его тексты крутятся вокруг одной проблемы – революции как религиозного акта в истории ранних годов Советского государства. И все это было закручено в какой-то трагической попытке построения странного царства божия на Земле. А в иных перечисленных нами

ментальностью... Это те, кто рос на двадцатом съезде КПСС, и им казалось, что социалистическая идея на самом деле гуманная и правильная. Но мерзкие, кровожадные Сталин и Берия своими действиями ее исказили. И в перестройку эта точка зрения снова воскресла. И мне кажется, что у Шарова где-то в подсознании идея построения царства божия была сформулирована как некая социалистическая идея.

Это же касается и отношения к белым. Трагедия Гражданской войны заключалась в том, что обе противоборствующие стороны были патриотами России. И те, и другие хотели сделать Россию лучше – с их точки зрения. Если для белых это была попытка сохранить что-то, что казалось им

незыблемым, успешной страницей в истории России, то у красных была обратная сторона этой идеи. Они хотели уничтожить все старое и неработающее и все заново перестроить. Но в целом и те и другие были за Россию.

Поэтому я рекомендую всем роман Иванова, потому что в нем Гражданская война показана такой, какая она действительно была с точки зрения и тех, и других – и без прикрас. В нем, например, выведен Лев Давыдович Троцкий с его децимацией – уничтожением за провинность каждого десятого по жребию. Жесток и Колчак, который пытается найти Михаила Александровича и уничтожить его, потому что России не нужно самодержавие. Колчака же назначила директория, а они социалисты, а самыми боеспособными частями Колчака были рабочие дивизии, созданные на основе трудящихся Воткинского и Ижевского заводов. Только вдумайтесь: у адмирала Колчака в армии, которая по всем стандартам была монархической, царской, самая боеспособная часть состояла из рабочих.

Еще у Иванова есть потрясающая Лариса Рейснер, которая из-за своего женского эго может убивать людей. Помните «Оптимистическую трагедию»: «Кому еще комиссарского тела?» Это про нее. А «Оптимистическую трагедию» написал Всеволод Вишневский, который у Иванова тоже присутствует как персонаж. Он пулеметчик на одном из пароходов.

В общем, поворот к позитивному отношению к белым не нов. Помните «Служили два товарища», вспомните Высоцкого, вспомните «Бег» булгаковский. Там тоже отношение к белым, скорее, вдумчивое и аккуратное.

И.Р.: Еще один вопрос. Подзаголовок вашей книги, как и «ОТМЫ» – «неисторический роман». Насколько корректно

такое жанровое определение? Я нашел у Гаспарова похожий термин – «широкомасштабная историко-литературная фантазия». Нет ли в определении «неисторический роман» попытки подстелить соломки? И где та грань реконструкции и допущения, за которую не стоит переходить, чтобы не пошел перекося в сторону чистой фантастики?

В.З.: Главное – это внимание к деталям, мотивам, психологии, логике характеров героев. И тогда ты не провалишься в палп-фикшн наподобие использования «Катюш» на Первой мировой войне и тому подобного, не уйдешь в фантастику. То есть мой роман – неисторический в целом, но если вы возьмете любой какой-то отдельный фрагмент из него, то окажется, что он вполне исторический. Ну, есть чуть-чуть мистики с тем же Распутиным. Но мистический Распутин есть и в «ОТМЕ», и во многих других книгах.

И.Р.: Да, это уже такой классический типаж в русской и не только литературе. Но есть и еще один неожиданный сквозной персонаж во всех этих трех книгах – витально-брутальный кавказец, который выполняет схожую функцию: либо помогает спастись главному герою, либо просто оберегает, охраняет его. Эдакий истребитель угрозы. Это тоже совпадение?

В.З.: Это некий активный элемент, который помогает двигать сюжет. Благодаря ему главному герою удается что-то сделать, отключить сомнения, которые парализуют его волю. Это человек действия. И в «ОТМЕ», и у Иванова, и у меня.

В «ОТМЕ» тоже есть кавказец, но он не такой яркий. Кстати, смотрите, еще какая ситуация: активных персонажей «ОТМЫ», четырех офицеров, можно рассматривать как Атоса, Портоса, д'Артаньяна и Арамиса. Это как

школьный или вузовский учебник – наглядно все четыре типа можно изучать.

И.Р.: Да, рецепт потенциального бестселлера – четыре темперамента. Кстати, вспомнился еще один схожий литературный кавказец, правда, там он скорее антигерой: у Акунина в книге «Черный город» из фандоринского цикла. А отсюда можно провести мостик к кино и сериалам – например, недавно вышел новый сериал по роману «Азazelь», и там тоже в России воскрешена монархия.

В.З.: Нужно понимать, что все мы в существенной степени находимся под влиянием сериалов. Особенно вспомните недавнюю пандемию. Мы смотрели сериалы, поскольку больше делать было нечего. Я это тогда особенно четко почувствовал. Но они ведь похожи. Это такая глобальная франшиза: сериал «Американцы», сериал «Банши», сериал «Озарк», даже сериал «Во все тяжкие». Сюжет ведь один и тот же: человек выдает себя не за того, кем он на самом деле является. И куча возникающих вокруг этого перевертыша психических, психологических и социальных ситуаций. Собственно, подобный сериальный ход мышления в книге «ОТМА» тоже сразу чувствуется.

Когда я читал «ОТМУ», то понял, что автор, как и всякий нормальный сценарист сериала, прочитал многочисленные исходники – и Краснова, и быковский «Икс», и еще кучу книг. У нас сформировалось сериальное мышление, и мы сами не понимаем, как мы им заразились. Видишь какого-то положительного персонажа и думаешь: «Вот его либо сейчас убьют, либо позже, в следующей серии». Обращали внимание?

И.Р.: Это же и есть пресловутый постмодерн! Чтобы читателю было интересно, отвечало его ожиданиям, но при этом не было

слишком просто. Вроде бы и непредсказуемо, и при этом тебя подводят туда, куда ты подсознательно хочешь прийти. Понятно, что это просто инструмент и все мы живем в игровую эпоху. Порой невозможно разобраться: что написано или снято серьезно и искренне, а что с целью нас развлечь и что-то весело обыграть. Нет ли и внутри той тенденции, которую мы сегодня пробуем препарировать, подобного извода постмодерна? Мол, вот мы переставим пазлы, фигурки – будет, наверное, «прикольно» и читателю понравится. Или эти книги пишутся искренне – например, в тоске по какой-то утраченной русской утопии?

В.З.: Ну, давайте тогда сначала поясним, что постмодерн это все-таки не ругательство. Все, наверное, читали «Москву – Петушки». Я считаю, что русский постмодерн – это в первую очередь поколение Набокова и Ерофеева, а уж потом те же Пелевин и Сорокин.

Понятно, что запретный плод постмодерна был сладок, когда в советское время мы читали под одеялом перепечатку шестого экземпляра книги Набокова или бледную тоненькую машинописную страничку Ерофеева. Потом, когда мы читали «Чапаева и Пустоту» или сорокинские романы, сладость тоже была, но такая, знаете, обычная. Три конфеты съел, а на четвертой думаешь: нет, хватит, у тебя лишний вес. А когда сегодня подобное идет сплошным потоком, то к этим конфетам уже даже не тянешься.

Хочется работать в жанре, который Дэвид Фостер Уоллес назвал новой искренностью. «В тени трона» – искренний роман. В нем я ни над чем, как сейчас говорят, не стебусь, никого не высмеиваю. В «ОТМЕ» же постмодерн просто откровенный. Что касается романа Иванова, там сложнее. Хотя веяние времени и постмодерна

торый перебор. Но в целом «Бронепароходы» – это вполне искренний роман со щепоткой влияния постмодерна.

И.Р.: Если оценивать всякую книгу по критерию – попала ли она в цель, которую поставил автор, выполняет ли она авторскую задачу, – то каждая из трех книг по-своему в цель попала. Тот же Колмогоров, думаю, вряд ли настаивает на том, что в реальности все было, как в его книге.

В.З.: Готов с вами поспорить, что сериал по книге Колмо-

горова выйдет совсем скоро. Сериал по «Бронепароходам» сделать тяжело технически: попробуй сейчас по Волге погонять пароходы со стрельбой. Это трудная задача, но по роману Иванова, уверен, тоже сериал будет.

И.Р.: А что вы думаете о концовке «ОТМЫ»? Вроде бы вам она не очень понравилась: с одной стороны, это чистый постмодерн, а с другой – какое-то сменовеховство, соединение Бога и Сталина...

В.З.: У Набокова есть совершенно потрясающий роман «Пнин», в котором он сатирически описывает тусовку русских эмигрантов. И там была фраза, идентичную которой я нашел в «ОТМЕ». Как пишет Набоков, «...идеальная

Россия состояла из Красной армии, помазанника Божия, колхозов, антропософии, Православной Церкви и гидроэлектростанций...». Теперь читаем «ОТМУ»: идет парад 7 ноября, главный герой шагает по Красной площади и произносит: «Мы идем умирать за Сталина, Бога, Царя и Отечество!» Вот вам тот самый постмодерн и эклектика.

И.Р.: Но что интересно: несмотря на то, что царским особам во всех трех книгах была дарована вторая жизнь, как-то глобально их воскрешение на последующий ход отечественной истории не повлияло. О чем это может говорить? О том, что колесо истории не останавливать и все, что случилось, – это историческая неизбежность? Или о ничтожности роли личности в истории?

В.З.: Есть такой историк Андрей Ганин. Рекомендую его работы. Это молодой человек, который, на мой взгляд, возглавляет новое поколение историков, пишущих о Гражданской войне. У Ганина есть толстенная книга, которая называется «Семь “почему” российской Гражданской войны». Основной вопрос этой книги – как получилось, что победили именно красные. Он четко разбирает с помощью статистики, почему победа красных была неизбежна.

На территории, захваченной большевиками, призывного контингента было в четыре раза больше, чем на территории, захваченной белыми. Плюс белые были страшно разрознены. Были атаманы, которые воевали за свою территорию. Были монархисты – за единую Россию. Были национальные формирования, которые роптали: какая еще единая-неделимая? Были социалисты. Волга была в руках социалистов. У Комитета членов учредительного собрания (КОМУЧ) знамя было красное – это социалистическая республика.

А красные действовали в рамках одной идеологии, одних принципов, одной логики.

Дальше. У белых не было никакой гибкости при образовании союзов. Они страшно мучились, принимая помощь от тех же британцев. А у красных было по-другому: нужен был Махно для захвата Крыма – вот вам красный Махно и 200 махновских тачанок. Как только он перестал быть нужен, всех махновцев – к стенке. На одного белогвардейца-добровольца приходилось трое мобилизованных белых и двенадцать мобилизованных красноармейцев. Наличие мощного промышленного потенциала, возможность производить пушки, снаряды, патроны – это все было у Красной армии. В Красной армии офицеров с опытом Первой мировой войны, профессиональных военспецов, было больше, чем в Белой. Все очень просто: вы идете в Красную армию, а ваши родственники становятся своего рода заложниками. А дальше появляется институт комиссаров, и к каждому офицеру приставляется комиссар. Комиссары восстанавливали дисциплину, которая пошатнулась в 1917 году.

Если учитывать все вышесказанное, становится понятно, что другого исхода Гражданской войны просто быть не могло. А значит, не могло быть и никакой другой утопии, кроме этой.

Пример – роман «Остров Крым» Аксенова. Там, как помните, есть маленькое допущение: Красная армия не смогла перейти Перекопы, Сиваш, а Ленин не догадался пойти на военный союз с Махно. Вот и все. Поэтому и не хочется каким-либо образом менять историю – Красная армия должна была победить. Исходя из всех этих ресурсных моментов, человеческого фактора, технологического, фактора единства власти, совершенно потрясающего

союза офицеров с боевым опытом Первой мировой войны и комиссаров, которые должны были сплачивать солдатскую массу. При этом в Красной армии, несмотря на полтора миллиона дезертиров, остальные четыре миллиона мобилизованных воевали! И вся эта масса – против двухсоттысячной армии белых.

И.Р.: Логика исторических процессов?

В.З.: Да. Объективно я как экономист понимаю, что «против лома нет приема». Царская армия, когда заканчивала в семнадцатом году войну, оставила миллионы винтовок, тысячи пушек, сотни самолетов – и все это досталось Красной армии. И даже brave местные казаки с лошадьми.

И.Р.: У меня впечатление, что во всех трех книгах есть история, сюжетные повороты, детали, харизматичные второстепенные герои... Но при этом сами «воскресшие Романовы» почему-то несколько бледны, бесплотны. В «ОТМЕ» царская семья изображена с симпатией, но это немного потусторонние персонажи. У Иванова Михаил – скорее, этаким живой «волшебный предмет». Не субъект действия, но объект. В вашей книге он земной человек, но кажется во многом положительно-прекрасным героем без страха и упрека. А теперь вопрос: стоило ли их таких воскрешать?

В.З.: Сильный вызов чувствуется в вашем вопросе. Что ж, давайте пройдемся по всем трем книгам.

Михаил был страстным лошадиником и при этом страстным автомобилистом. Он любил сам копаться в машине со своим шофером, гонял на автомобиле от Москвы до Санкт-Петербурга. Попадал в аварию на Валдае. Поэтому Иванов и помещает его на корабль в машинное отделение. Очень логично. Человек на пароходе, захваченном красными, будучи

наследником престола, может скрыться только в машинном отделении. Но мне не нравится, как он себя ведет по отношению к женщине. Впрочем, возможно, это моя вкусовщина.

Меня порой критикуют: если он так сильно любил свою семью, как он за все это время ни разу возле них не появился? А он понимал, что его «пасут». Я дал его образу логику изгнанника.

Что касается бестелесности в третьем романе, то уже в названии выделены главные герои – четыре великие княжны. А вот Николай... Почитайте его дневники. Застрелил шесть кошек, двенадцать ворон, пятнадцать сорок... Не в обиду библиотекарям – он становится в «ОТМЕ» как раз библиотекарем, и это дело ему к лицу. Но он не воин, не трибун, не лидер.

Романовы и сейчас заговаривают о троне. Напомню еще один случай. Кирилл Романов во время революции был командиром Гвардейского экипажа и привел к Таврическому дворцу свой экипаж под красным флагом. Это измена или нет?

И.Р.: И все авторы попытались своих героев как бы заземлить, дав им какую-то обычную работу или хобби.

В.З.: Хорошие рабочие профессии!

И.Р.: Будет ли развитие тенденции к переосмыслению Гражданской войны и воскрешению Романовых в нашей литературе или это разовое явление?

В.З.: Конечно, будет. Посмотрите, какие сейчас тектонические изменения за окном. Хочется разобраться и посмотреть, не было ли чего-то похожего в прошлом? Такого же тектонического, турбулентного – но 100 лет назад? Поэтому я думаю, что будут тексты и про Романовых, и про Гражданскую войну – как попытка нового осмысления происходящего.

«ОДИНОКИЙ “ЮНКЕРС”»

Продолжение публикации повести Валерия ПОВОЛЯЕВА «Одинокий “Юнкерс”»
(начало в № 153/01–02, 154/03–04, 156/07–08 и 157/09–10)

Юнкерс G31 — усовершенствованный трехмоторный авиалайнер, выпускавшийся небольшими партиями в Германии в 1920-х годах

Вечером экипаж «Юнкерса-88» в полном составе собрался в восьмом номере, который занимал Серебряков. Двое молодых парней (их называли на старинный, еще дореволюционный лад вестовыми) в солдатских гимнастерках и белых фартуках принесли шесть стаканов чая в тонко позвякивавших подстаканниках и бутерброды.

Чай был настоящий, отечественный, краснодарский, выращенный

на плантациях под городом Сочи, на которых Косяков бывал несколько раз, поскольку любил «сочинский чаек», но достать его можно было только в чаехозяйстве, имевшем собственный магазин... Еще, как понимал Косяков, в закрытой продуктовой лавке, расположенной в Кремле, и более нигде.

С другой стороны, в Кремле, конечно, любили пить чай, но был он, надо полагать, лишь одной

марки — грузинский. Из уважения к хозяину тамошних палат. И был, естественно, редким по качеству и вкусу, перед которым блекли все другие чаи: китайские, цейлонские, индийские.

— Ну что ж, пока водка не налита в стаканы, чокнемся чаем, — объявил Серебряков, ткнувшись своим стаканом в стакан Малых — второго пилота, потом потянулся к стакану Косякова, — и... будем знакомы! — чокнулся со всеми остальными,

с каждым по очереди, затем сделал крупный гулкий глоток, шумно восхитился: — Хар-рашо!

Через минуту капитан объявил:

— Завтра с утра пораньше — на летное поле... Состоится первая обкатка.

Бутербродами не обошлись, Косяков расчехлил свой мешок, достал оттуда еду, Серебряков расчехлил свой. Точно так же решил распотрошить свою дорожную сумку и капитан Малых — второй пилот, но Серебряков остановил его:

— Нам вся еда, что есть у нас, не нужна, нам нужна лишь кое-какая еда, — в назидательном движении он поднял указательный палец, ткнул им в потолок, — так что спасибо, старина!

Заглянув в мешок Косякова, он показал на круг колбасы, завернутый в полупрозрачный пергамент.

— А вот такого «десерта», товарищ штурман, нет у нас ни в одном мешке, — сказал он, — не мешает попробовать. Порежьте немного, — он нагнулся к вещмешку, к распаху, втянул копченый дух, исходящий от колбасы, которую в полку Косякова старшина специально хранил для особых случаев и до старшего лейтенанта снизошел явно не без участия особиста Успенского: только он был в силах надавить на старшину, чтобы тот поделился редким гастрономическим товаром.

— М-м-м! — восторженно помогнул головой Серебряков.

Из своего «сидора» капитан тоже достал колбасу, но это была совсем другая колбаса, кровяная, скоропортящаяся, домашняя, также вкусно пахнувшая чесноком, перцем; Серебряков напластал ее крупными кусками, грудкой уложил на тарелке.

Косяков нарезал своей колбасы, только как он ни старался, скибки получались очень тонкие, сквозь них на просвет можно было рассматривать небо, хотя и выглядели очень аппетитно...

— Наркомовская, выдается только по предъявлению кремлевского билета, — заметил Малых.

— Продукт радует глаз и сам тянется в рот, — добавил второй пилот, охочий до острого словца.

Лезвие ножа соскакивало с твердой колбасной плоти, как с камня, не удержав — рукоятка вертелась в ладони. Когда Косяков закончил работу, командир экипажа даже поаплодировал ему, потом азартно потер руки и, махнув кому-то (скорее всего — себе самому), достал из своего мешка плоскую железную фляжку.

— Чистейший ректификат, — сказал он, — лишь для цвета и вкуса добавлено немного растертых ягод красной кислицы, а так девяносто шесть градусов...

— Разбавлять надо? — спросил третий капитан, появившийся в их компании, Голубенко, бортинженер.

— Это кто как пожелает. Я, например, спирт пью чистым — привык. На севере вообще выпадают холода, когда люди пьют спирт, как воду, вкуса совсем не чувствуют, он исчезает.

— Товарищ командир, а нас это самое... — стрелок-радист Быкасов выразительно повел подбородком в сторону двери, — не спросят, чем мы тут занимаемся?

— Не спросят, — убежденно произнес Серебряков, — а если спросят, то ответим... Мы, старшина, проводим мероприятие, которое в инструкциях называется «притирка экипажа друг к другу». Понятно? Каждый в экипаже обязан почувствовать локоть того, кто находится рядом, научиться дышать с ним одинаково... А что может быть лучше общего ужина, старшина? Только общий ужин. Об этом знает даже высшее командование ВВС.

Времени было еще немного, без четверти пять вечера, но стык октября с ноябрем, та самая пора, когда светлый день начинает

сокращаться, как кусок кожи, попавший в костер, — стремительно, будто падает вниз с небесной высоты. Еще две недели назад день был на целый час больше, до темноты можно было сходить на бомбежку, пощекотать немцам задницы на какой-нибудь переправе, спалить десятка полтора танков и грузовиков вермахта, а сейчас — только посидеть под винтами родного самолета, повспоминать героические эпизоды из собственной жизни, изгоняя из тела усталость. Да и то холод наступающей темноты и щелканье мороза, решившего потрепать землю, не дадут долго сидеть...

Темнота за окном была тихая, мертвая, ни одного живого огонька на улице, да и сама гостиница, надо полагать, не была обозначена огнями — ни единой лампочки не светилось, все комнаты плотно прикрыты шторами, с улицы ничего не видно. Вообще-то за этим тщательно следили патрули, которые могли наказать нарушителей и увести в комендантское помещение.

— Ну что ж, — проговорил Серебряков умиротворенно, — за то, чтобы мы успешно выполняли задание и живыми вернулись домой, — он опрокинул спирт в себя залпом, запивать не стал, не привык. Поставил стакан на стол, заговорил негромко, словно бы для самого себя:

— В тридцать девятом году я служил на Каспии, летом там приходилось плавать на острова, чтобы накосить сена для подсобного хозяйства... В вечерах обязательно пели одну песню, местную — говорили, что ее любил петь Стенька Разин. Самолично.

Серебряков виновато глянул на окно, потянувшись, поправил занавеску и, снизив голос до хриплого шепота, протянул: «Ой, то не вечер, то не вечер... Ой, мне малым мало спалось. Ой, да во сне привиделось...»

Он продекламировал песню, как стихи, в ней не было ни одной ноты, и все равно слова прозвучали, будто сбитые в песню, соединенные друг с другом в сомкнутое целое. – Древняя песня. Наверное, такая же древняя, как и само Каспийское море.

Было в капитане Серебрякове нечто такое, что притягивало к нему людей, заставляло их быть одним целым, признавать за этим человеком верховенство. Серебряков был командиром по призванию.

Кроме того, люди, сидевшие сейчас в комнате капитана, присматривались друг к другу, как присматривались и к самому Серебрякову, прикидывали по-шекспировски «Быть или не быть» – что даст им завтрашний день? Какое-то время им предстояло быть вместе – пока неизвестно, как долго оно продлится, – но время это, несмотря ни на что, надо прожить так, чтобы след о нем остался добрый. Что будет завтра, никто из них не знает. И вряд ли будет возможность это узнать.

Внизу, под окнами гостиницы послышался собачий лай. Косяков пальцами отодвинул край занавески, прилипшей к тяжелой плотной портюре, оценил массивность оконного прикрытия и глянул вниз. По скошенной, ровно обрезанной лопатами снеговой дорожке пробежали два автоматчика с собакой. Территория гостиницы, приютившей экипаж «юнkersа», охранялась серьезно.

– Что за задание будет у нас, товарищ командир, не знаете? – поинтересовался Быкасов. Жажда общаться переливала в нем через край.

– Не знаю, старшина, – ответил Серебряков, – конверт с заданием нам вручат за несколько минут до взлета. – Он весело глянул на Быкасова. Стрелок-радист был говорлив, как старый акын на лошади, а тот, как ведомо, был готов

интересоваться всем, что видел, что относилось к нему и не к нему тоже, даже тем, что ела лошадь на обед. Капитан, отметив это про себя, спросил старшину:

– Из каких краев будешь?
– Родом? С юга. Из города Новороссийска.

– Знаю такой, – капитан вновь налил каждому в стакан по чуть-чуть розового спирта и проговорил неожиданно виноватым тоном:
– Завтра подъем в шесть утра. В семь прибывает автобус – поедем на стоянку «юнkersа».

Под окном вновь громко, очень недовольно пролаяла собака, на ее лай хриплым ревом отозвался внезапно появившийся ветер, сгреб с крыши мелкий, почти невесомый снег, вогнал его в пространство, забелил, словно молоком. Через минуту все стихло опять.

Долго засиживаться в комнате командира не стали – вскоре разошлись. Косяков прошел к себе, глянул на голые стены своей комнаты, подумал: «Очень неудобно. Ну хотя бы портрет Суворова повесили, что ли? Или Кутузова? Ведь Кутузов же в свое время спас Россию от деятеля очень назойливого... от Наполеона!»

Утром, когда проснулись, воздух на улице шевелился, будто живой, рождал в душе ощущение чего-то печального, а тревожная печаль эта рождала, в свою очередь, боль. Настоящую физическую боль, очень цепкую, способную измотать человека, превратить его в тень самого себя.

«Что-то случилось, – невольно подумал Косяков, – вот только что? Что конкретно? Немцы провались к Москве и бои идут уже около станции метро «Сокол» или в Останкино, в многочисленных проездах Марьиной Рощи? Либо где-то еще?» Тревога была осязаемой, какой-то изнуряющей. Что-то происходило, происходило нехорошее и скорее всего – на фронте.

Косяков вспомнил, что около входной двери в гостиницу, на деревянной консоли, подпиравшей аккуратную квадратную крышу подъезда, он видел уличный градусник... Сколько там намотало градусов? Три? Пять? Пятнадцать? Вряд ли больше. В жестком морозном воздухе мягкий снег не рождается – исключено совершенно. Когда падает снег, все вокруг мягчеет, природа вообще становится сказочной – хочется читать пушкинские сказки... Например, «Царя Салтана»...

Косяков накинул на плечи шинель и, спустившись вниз, выглянул из подъезда. Температура на улице стояла минусовая, но холодно не было, Косяков не почувствовал его; сверху, из непрозрачной глубины, валялись крупные тяжелые снежины и, будто падающая осенняя листва, приземлялись, впечатывались в снеговое одеяло.

Впрочем, календарная зима еще не наступила, была всего лишь осень, стык октября и ноября, но в природе что-то произошло, она была обеспокоена тем, что творилось на земле, не знала, как искоренить боль и ненависть людскую...

Наверное, потому в октябре и сыпанул с неба снег, а мороз начал гонять птиц по бескрайним пространствам.

Поглядев на плохо освещенный градусник (кроме белого снега, другого освещения не было), Косяков с трудом различил: температура – минус два градуса.

«Мороз совсем слабый, воробьи в такой мороз босиком ходят», – говорил в таких случаях механик его «Ила» – младший лейтенант Митрохин. Но фрицам и такая температура неприятна, и это уже хорошо. Получается, что на стороне Красной Армии начинает воевать еще один армейский командир – генерал Мороз. Этот генерал отступать не любит.

Продолжение следует

«МАЙЯ ПЛИСЕЦКАЯ. АРЕНА ЖИЗНИ»: ФОТОВЫСТАВКА В ПАРИЖЕ

Фото: gctm.ru

Выставка организована при поддержке Министерства культуры Российской Федерации и фонда «Русский мир».

Гости и жители столицы Франции могут увидеть портреты балерины, выполненные всемирно известными мастерами, фотографии со съемок в кино, эскизы костюмов к знаменитой «Кармен-сюите», афиши спектаклей и концертов.

Организаторы выставки отметили большой интерес публики к представленному в рамках экспозиции видеотуру по мемориальной квартире Майи Плисецкой в Москве. Этот новый филиал Бахрушинского музея был открыт летом 2022 года; квартиру передал в дар музею муж балерины, крупнейший русский композитор Родион Щедрин.

Парижских зрителей привлекла подлинная обстановка мемориальной квартиры Майи Плисецкой, личные вещи и устройство быта – все, из чего складывалось домашнее окружение балерины.

Париж тепло встретил фотовыставку Бахрушинского музея, посвященную звезде мирового балета Майе Плисецкой, которая восхищала своим талантом зрителей по всему миру.

С 3 октября экспозицию в залах Российского духовно-культурного

православного центра (РДКПЦ) посетили сотни парижан и гостей французской столицы.

Фотовыставка «Майя Плисецкая. Арена жизни» будет действовать до 3 декабря 2023 года. С просьбой о продлении выставки к музею обратилось руководство РДКПЦ.